

МОЙ ВѢКЪ или ИСТОРІЯ ГЕНЕРАЛА МАЕВСКАГО.

1779 — 1848.

Подъ этимъ нѣсколько вычурнымъ заглавіемъ, въ 1831 году, въ селѣ Александровскомъ, генералъ-маіоръ Сергій Ивановичъ Маевскій написалъ предлагаемую здѣсь автобіографію. Занимаетъ она большую переплетенную книгу, въ листъ, 97 полулистовъ толстой синеватой бумаги, съ приложеніемъ разныхъ официальныхъ бумагъ. „Исторія“ писана неразборчивымъ, связнымъ почеркомъ; при этомъ авторъ, видимо, очень часто и много перечеркивалъ свой рассказъ, при чемъ значительно смягчалъ цѣлыя выраженія или и вовсе уничтожалъ нѣкоторые строки и даже страницы, казавшіяся ему, нѣсколько лѣтъ спустя по написаніи записокъ, слишкомъ рѣзкими.

Записки Маевского обнимаютъ періодъ времени съ 1793 г., когда авторъ, на тринадцатомъ году жизни, поступилъ въ службу, и оканчиваются нѣсколькими отрывками, относящимися къ началу сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, когда Маевскій, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, вышелъ въ отставку. Изъ полувѣкового періода — только двѣ эпохи въ жизни автора описаны подробно: участіе въ войнахъ 1812—1814 годовъ и служба въ военныхъ поселеніяхъ 1824—1826 гг. Какъ ни любопытны событія великой борьбы русско-германскаго союза съ Наполеономъ I, какъ ни интересенъ злосчастный бытъ военныхъ поселеній, но если бы записки Маевского состояли изъ повторенія общеизвѣстныхъ подробностей, онѣ бы не имѣли большаго значенія; но въ „Исторіи генерала Маевского“ авторъ тщательно обходитъ „отвлеченныя обстоятельства“ и „относительныя подробности“, — что на его языкѣ означаетъ изложеніе общаго хода политическихъ и военныхъ событій его времени, а вмѣсто того рассказываетъ „только то, что видѣлъ собственными глазами и дѣлалъ по собственному побужденію“. А видѣлъ и даже дѣлалъ. Сергій Ивановичъ Маевскій

могъ довольно много. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ съ большимъ природнымъ умомъ, развитымъ самообученіемъ,—воинъ, многократно доказавшій личное безстрашіе, энергію и находчивость въ самыя трудныя мгновенія битвъ 1812—1814 гг.,—Маевскій приобрѣлъ замѣтное положеніе въ средѣ дѣльцовъ, окружавшихъ славнѣйшихъ мужей того времени. Такимъ образомъ, въ началѣ войны 1812 г. мы его видимъ подлѣ кн. Багратіона; послѣ Бородина и сдачи Москвы онъ дѣлитъ труды фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова—завѣдуетъ его канцелярію; отъ него поступаетъ, въ началѣ 1813 г., къ князю П. М. Волконскому—и при немъ изъ чиновниковъ гражданскихъ переименованъ, по волѣ Александра I, въ чинъ полковника; какъ старшій адъютантъ главнаго штаба, Маевскій управляетъ общео военно-походною канцелярію императора Александра I, которому и дѣлается извѣстнымъ, какъ одинъ изъ лучшихъ и храбрѣйшихъ офицеровъ. Послѣ Кульмскаго сраженія Маевскій назначенъ шефомъ 13-го Егерскаго полка и съ нимъ дѣлитъ всѣ опасности. Въ 1831 году онъ съ справедливою гордостью вспоминалъ объ участіи своемъ въ пятнадцати кампаніяхъ, въ ста полевыхъ и десяти генеральныхъ сраженіяхъ и въ трехъ штурмахъ. Всѣ чины и двѣнадцать орденовъ и медалей были даны ему за „отличія“ на ратномъ полѣ. Предоставимъ, однако, самому генералу повѣствовать о его „вѣкѣ“, т. е. рассказывать „свою исторію“, а здѣсь замѣтимъ, что рассказъ этотъ далеко не состоитъ изъ однихъ подробностей чисто личнаго интереса; напротивъ, въ запискахъ Маевскаго есть множество весьма характеристичныхъ чертъ, крайне любопытныхъ для знакомства и съ духомъ времени и съ людьми бурной эпохи отечественной войны: кн. Багратіонъ, Коновницынъ, Милорадовичъ, Ермоловъ, Толь, Барклай-де-Толли, гр. Воронцовъ, кн. П. М. Волконскій, въ особенности же М. И. Голенищевъ-Кутузовъ—являются на сцену не на тѣхъ ходуляхъ, на которыхъ они парадируютъ во множествѣ доморощенныхъ описаній, исторій, рассказовъ и біографій, но обыденными смертными, какъ съ избыткомъ достоинствъ, ихъ прославившихъ, такъ и съ недостатками. Мы не станемъ провѣрять, въ какой степени характеристическія черты сподвижниковъ Александра I, подмѣченныя Маевскимъ, а равно его выводы о нихъ, безошибочны: это дѣло изслѣдователей той эпохи, которые должны сопоставить эти данныя съ извѣстіями другихъ очевидцевъ и сдѣлать имъ критическую оцѣнку; но такъ какъ „Мой вѣкъ“ принадлежитъ человѣку наблюдательному и умному и, во всякомъ случаѣ, составляетъ живое свидѣтельство очевидца и участника историческихъ дѣяній, то онъ долженъ быть сохраненъ на страницахъ „Русской Старины“.

Въ началѣ 1824 г. императоръ Александръ лично назначилъ

Маевского на постъ начальника округа Старорусскаго военнаго поселенія. При увлеченіи Александра I этимъ злополучнымъ учрежденіемъ, новое назначеніе было знакомъ особаго довѣрія и благоволенія монарха къ генералу Маевскому; но это же назначеніе, съ радостью имъ принятое, ставило генерала въ непосредственную зависимость отъ Аракчеева. Между ними завязываются постоянныя и въ высшей степени любопытныя отношенія, въ которыхъ личность злобнаго временщика вырисовывается чрезвычайно ярко.

Разсказъ генерала Маевского объ этомъ времени составляетъ наиболѣе интересную часть его Записокъ, тѣмъ болѣе, что авторъ нерѣдко дословно приводитъ частныя и продолжительныя бесѣды свои, какъ съ императоромъ Александромъ Павловичемъ, такъ въ особенности съ Аракчеевымъ. Въ этихъ бесѣдахъ весь складъ ума, характера, весь образъ мыслей и нравственныя убѣжденія Аракчеева выражаются до такой степени рельефно, что ничего подобнаго до сихъ поръ не было во множествѣ біографическихъ о немъ книгъ, статей, воспоминаній и замѣтокъ.

„Мой вѣкъ“ раздѣленъ нами на двѣ части и каждая изъ нихъ на главы. Нѣкоторыя страницы, заключающія только личныя, до автора относящіяся подробности, въ печати опущены; что касается слога Маевского, то онъ, будучи высокопарнымъ, съ претензіями на особую изысканность выраженій, напоминаетъ языкъ манифестовъ и приказовъ по арміи въ 1812—1814 гг.; во всякомъ случаѣ, языкъ автора довольно своеобразенъ и свидѣтельствуетъ, что Маевскій въ штабахъ главнокомандующихъ дѣйствительно могъ имѣть репутацію человека пишущаго. Къ своеобразности сочиненія „Мой вѣкъ“ принадлежитъ какая-то гасконская хвастливость, нерѣдко весьма неумѣренная тамъ, гдѣ дѣло идетъ о подвигахъ самаго автора.

Сообщеніемъ настоящей рукописи, въ составѣ всего „дѣловаго архива генерала Маевского“, мы обязаны любви и сочувствію къ отечественной исторіи его сына, — Николая Сергѣевича Маевского. Въ сообщенныхъ Н. С. рукописяхъ его родителя, между прочимъ, находится обширное сочиненіе покойнаго Сергѣя Ивановича Маевского о турецкой войнѣ 1808—1812 гг.; въ немъ не только изложена исторія этой войны, но и приведены самыя разностороннія свѣдѣнія о театрѣ военныхъ дѣйствій, планы, предположенія и исчисленія на будущее время, на случай новой кампаніи на Дунаѣ и т. д. Словомъ, архивъ С. И. Маевского обличаетъ въ немъ далеко не фронтнаго лишь генерала, но и стратега, изучавшаго свое дѣло и много потрудившагося для военной науки.

Ред.

Вступленіе.

Изъ всѣхъ земнородныхъ существъ человѣкъ есть существо самое печальное. Природа не даромъ являетъ его на сцену свѣта плачущимъ. Но не слезы-ли и удѣлъ всей жизни его?.. Въ ребячествѣ поминутно видишь слезы его; въ юношествѣ — онъ стѣсняется зависимою, болѣе или менѣе тягостною; въ зрѣлыхъ лѣтахъ — борется съ терніями жизни, и рѣдко, очень рѣдко паритъ въ міръ мечтательнаго воображенія; въ старости обуревается печалью, горестями, болѣзнями, или, ближе — живетъ, какъ живой между мертвыми. Его общество есть бремя для окружающихъ: всякій спѣшитъ скорѣй оставить его, чѣмъ бесѣдовать съ нимъ.

Если бы намъ показали Александра Великаго, Юлія Кесаря, Петра Великаго, Александра Россійскаго и Наполеона, когда имъ совершилось бы по 90 лѣтъ, — мы бы съ меньшимъ участіемъ смотрѣли на живые бюсты ихъ, чѣмъ на мраморные, передающіе намъ священные черты этихъ полубоговъ шара нашего. Мраморные бюсты, сокрывая все человѣческое, говорятъ только о божественномъ; но живые, потерявъ эластикъ и прелести, часто заставляютъ насъ говорить: «Неужели и сей дряхлый старичишка былъ нѣкогда великъ и покрывалъ себя (переданными намъ исторіею) лаврами?.. Нѣтъ, это басня, выдуманная хвастливостью и невѣжествомъ вѣка ихъ».

Написавъ прежде болѣе 10 томовъ собственной моей исторіи, я думалъ тогда совсѣмъ иначе. Но къ счастью, исторію эту, по смѣшному случаю, бросилъ я въ каминъ и жегъ 5—6 дней. Впослѣдствіи мнѣ стало жаль ее и смѣшное самолюбіе шепнуло мнѣ написать другую, болѣе сокращенную.

С. Маевскій.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Война и миръ.

I.

Начало службы.

Мое происхожденіе.—Иезуитская школа.—Поступленіе въ службу.—Восшествіе на престолъ императора Павла.—Война 1799 г.—Беклешовъ.—Гудовичъ.—Розенбѣргъ.—Эссенъ I.—Шефъ Пурпуръ.

1779—1807 гг.

Рожденіе, жизнь, заслуги, извѣстность въ свѣтѣ и все, чело-вѣка сопровождающее, есть дѣло случая. Рожденіе можетъ отно-ситься только къ случаю; случай есть симпатія сердець, которыя подъ названіемъ симпатіи Аристофановыхъ человѣческихъ поло-винъ на Платоновомъ пиру, въ обожаемомъ предметѣ обожаютъ самихъ себя или второго себя и невидимо сливаются съ нимъ въ одно цѣлое. Часто вѣкъ не дождешься этого случая и не по-чувствуешь симпатіи.

Отецъ мой былъ ротмистръ польской народной кавалеріи, что равнялось чину російскаго генералъ-маіора. Страсть сердца, пылкость ума, лѣтъ, характера и вѣка, заставили его украсть изъ монастыря мать мою,—и брачный союзъ ихъ былъ началомъ моего рожденія (7 октября 1779 г.). Преслѣдованіе родителей съ матерней стороны и общая непріязненность къ отцу заставили его перейти въ російскую службу. И, мало уважаемый тогда, ротмистръ народной кавалеріи едва принятъ маіоромъ. Лѣта и разсудокъ, этотъ грозный врагъ чело-вѣка въ раскаяніи, раны, увѣчье и недостатки послѣ богатства, словомъ — все безвременно свело его во гробъ.

Мать моя, а слѣдственно и я, были брошены въ урну чуже-земнаго благотворенія. Она переѣхала со мною изъ Риги въ По-лоцкъ и посвятила себя исключительно попеченіямъ обо мнѣ. Родители моей матери, лишивъ ее наслѣдства, посвятили всю ея часть на монастырь. Въ 16 лѣтъ моей жизни я мало думалъ о наслѣдствѣ, и сжегъ права мои на него. Имѣніе отца осеквест-ровано и вошло въ общую сумму королевскихъ маіностей. Упо-

требивъ остатки своихъ денегъ, она купила маленькое помѣстье въ 30 душъ и жила ни бѣдно, ни богато.

По маломъ требованіи тогдашняго воспитанія, я выучился дома грамотѣ и пробылъ 2—3 года въ іезуитскомъ училищѣ. Глупая метода моихъ наставниковъ дѣлать всѣхъ баснословными богословами отвратила меня отъ бредней сего ученія, и признаюсь, хотя къ стыду, я въ 10 лѣтъ былъ уже маленькій философъ. Но набожность матери, непроникавшей по дорогѣ ни кирки, ни церкви, ни костела, куда бы она не зашла помолиться, утвердила меня еще болѣе въ понятіяхъ чловѣка-философа. Я чувствовалъ всю душевную потребность благоговѣть предъ именемъ Творца; но не могъ быть ни фанатикомъ, ни изуверомъ; однимъ словомъ, я сталъ выше всякаго предразсудка въ 10 лѣтъ. Нравственныя мои силы развились слишкомъ рано, но физическія были еще слабы и мало надежны.

Въ 10 лѣтъ я былъ записанъ въ конную гвардію и по гражданской службѣ. Въ послѣднюю я тотчасъ и вступилъ. Верхъ, который бралъ я въ 10 лѣтъ надъ тѣми, коимъ было отъ 40 до 50 лѣтъ, утѣшали гордость и самолюбіе мое. И смѣшно видѣть ребенка въ эти лѣта начальникомъ отдѣленія, за которымъ сидятъ 10—15 согбенныхъ стариковъ, готовыхъ творить все по его мановенію. Въ 13 лѣтъ я уже занималъ постъ протоколита губернскаго правленія: принималъ челобитныя, докладывалъ членамъ и писалъ рѣшенія.

Когда была польская революція я желалъ участвовать въ войнѣ противъ бунтовщиковъ. Мое поле было тѣсно для меня и я искалъ обширнѣйшаго; но желаніе матери удержать меня возлѣ себя совершенно противорѣчило страсти моей къ военному поприщу. Страсть моя къ военной службѣ такъ была велика, что я на карманныя мои деньги нанималъ ребятишекъ. Изъ тростника дѣлалъ имъ каски, а вмѣсто ружей давалъ палки и меневрировалъ. Не однихъ стоило мнѣ слезъ, когда команда моя разбѣгалась прежде условленнаго времени. Я послалъ просьбу государынѣ и, по праву дворянина, опредѣленъ въ полки Украинскаго корпуса. Дядя мой, служившій въ Винницѣ совѣтникомъ, устроилъ меня при губернаторѣ Берхманѣ,—и я въ 15 лѣтъ былъ уже прапорщикъ и ординарецъ Берхмана.

Человѣкъ въ 15 лѣтъ, и при томъ въ офицерскомъ мундирѣ,

мало думаетъ о будущемъ и спѣшитъ только жить и жить. Если взять во вниманіе стихію прапорщика-ребенка и вѣкъ, въ которомъ я жилъ и въ которомъ не имѣли претензіи на высокое воспитаніе и умъ, то всякій согласится, что этотъ прапорщикъ былъ невѣжда—по образованію, и счастливецъ—по случаю. Какое-то особое притяженіе, свободный образъ обращенія и все то, чего я за собою не замѣчалъ, давало мнѣ перевѣсъ въ глазахъ старшихъ. Я пользовался довѣренностью, не употреблялъ ее во зло; итакъ, порученіе за порученіемъ примѣтно отдѣляло меня отъ толпы тунеядцевъ-прапорщиковъ и ставило меня выше всѣхъ моего круга. Я помню, какъ меня командировали учить стараго прокурора, какъ посылали вурьеромъ и какъ часто давали писать такія дѣла, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія. Но имъ удивлялись, хвалили; а отчего? оттого, что и поручавшіе, повидимому, не сильнѣе меня были въ этомъ дѣлѣ.

Въ концѣ 1796 г. умерла Екатерина II; на престолъ вззошелъ государь Павелъ. Всеобщая переборка лишила многихъ хлѣбнаго мѣста, отняла способъ обогащаться кровавыми трудами ближняго и поставила всѣхъ въ границы страха и чести. Посреди всеобщей сумятицы никто не зналъ, кому куда пріютиться. Многочисленные штабы простыхъ губернаторовъ рушились,—и я, прежде нежели успѣлъ о себѣ подумать, былъ уже обращенъ въ званіе юнкера за то, что меня пожаловалъ Суворовъ, а не царика.

Горестныя чувства, неразлучныя съ каждымъ переворотомъ царствованія, усилили мои несчастія. Я нечаянно попалъ въ исторію съ пьянымъ казакомъ Агаповымъ, котораго побили за то, что вмѣшался не въ свое дѣло; потомъ дядю моего отдали подъ судъ, а меня, по молодости и безпечности, обокрали до рубахи. Я уже готовъ былъ возвратиться на прежнее грязное мое поприще; но особый случай доставилъ мнѣ постъ при военномъ губернаторѣ Беклешовѣ. Грозный по виду, но благородный по сердцу, Беклешовъ былъ виною новаго моего счастья. Я пользовался полнымъ отеческимъ его вниманіемъ и расстался съ нимъ съ сердечною горестью; мѣсто Беклешова заступилъ Гудовичъ, а сего—Розенбергъ. Съ Гудовичемъ сдѣлалъ я кампанію 1799 г. до Устидуга; а Розенбергъ, желая доставить мнѣ случай быть его адъютантомъ, пригласилъ къ себѣ въ полкъ въ аудиторы,

ибо это одно доставляло возможность ввести меня въ службу армейскимъ офицеромъ.

Розенбергъ былъ старикъ 80-ти лѣтъ, глухой, слѣпой и по природѣ небожий; это была уже числительная машина, управляемая другими.

Съ прибытіемъ генерала Эссена 1, я съ перваго дня вошелъ къ нему въ фаворъ. Не смотря на то, что я былъ штатскій, онъ назначилъ меня безсмѣннымъ ординарцемъ,—и я припріемъ просьбъ и при разводахъ отправлялъ должность его адъютанта, становился на позаднюю (*point de vue*), отдавалъ фронтовые приказанія и, къ счастью, тѣ, кои принимали оныя, еще меньше моего смыслили фронтовое дѣло ¹⁾.

Черезъ мѣсяцъ, а много черезъ два, мнѣ вышло разрѣшеніе быть аудиторомъ. Эссена это очень взбѣсило, а меня очень обрадовало. У насъ разныя были понятія: Эссена разсердило то, что я избралъ грязный путь службы; а меня радовали шпоры, хотя, признаюсь, во все время вѣрно меня тяготила вывѣска моего мундира! Эссенъ скоро успокоился и я сдѣлался съ нимъ неразлучнымъ. Но насъ поссорили два случая: 1) судъ надъ казачьимъ майоромъ Сысоевымъ, и 2) что я, изъ дружбы къ товарищамъ, отказался быть у него на балу. Въ обоихъ случаяхъ я былъ виноватъ, и никогда не прощу ложному понятію о чести. Впрочемъ, по дѣлу Сысоева я показалъ характеръ выше лѣтъ и удостоился за то лестнаго монаршаго благоволенія. Къ благороднѣйшей чертѣ Эссена отнести должно, что онъ и сквозь призму гнѣва показывалъ ко мнѣ отеческое свое расположеніе.

У насъ былъ тогда шефомъ нѣкто Пурпуръ. Всѣ видѣли въ немъ чудака, потерявшаго разсудокъ. По тогдашней филантропіи, никто не думалъ ни смѣнить его, ни даже сдѣлать ему зло. Эпоха его командованія—эпоха всѣхъ сумасбродствъ. Онъ былъ жестокъ съ людьми, дерзокъ съ офицерами и трусливъ до неимовѣрности! Не было недѣли, чтобы онъ кого ни оскорбилъ и ни просилъ у него публично прощенія.

¹⁾ Въ одинъ разводъ Эссенъ посылаетъ меня сказать: «баталіону вперед!» Я объявляю; но баталіонный командиръ спрашиваетъ у меня: «выходить-ли знаю вперед?» Теперь этого не спросить и новобранецъ. Еще, на ученьи Эссенъ говоритъ: «Маевскій, прикажи двѣ очереди». Я поскакалъ, но зная и самъ, въ чемъ заключалось приказаніе. Но на запросъ, какъ будто вдохновенно, отвѣчалъ: «разумѣется, стрѣлять вмѣсто одного, два раза». С. М.

Кампанія аустерлицкая и двѣ прусскія познакомили меня съ огнемъ. Въ первой я сдѣлалъ то же, что Фридрихъ Великій сдѣлалъ въ день перваго своего боя, т. е. нѣсколько струхнулъ. Но въ послѣдствіи я увидѣлъ, что и во мнѣ есть сила души и мужество. Я прилѣпился къ войнѣ и тотъ день считалъ счастливейшимъ, когда могъ къ имени Маевскаго присоединить имя храбраго. Обѣ кампаніи были для меня, какъ сонъ, по двумъ причинамъ: 1) потому, что я не обезпокоивалъ себя разсматриваніемъ ни началъ, ни цѣли, ни дѣйствія; 2) потому, что въ томъ вѣкѣ офицеры называли все то хорошимъ, что имъ приказывали. Умъ нашъ не восходилъ тогда къ началамъ, а дѣйствовалъ по привычкамъ и машинально.

II.

На Дунаѣ.

Генералъ Марковъ. — Въ Австріи. — Кп. Прозоровскій. — Кн. П. П. Багратионъ. — «Дежурство арміи». — Служба при кп. Багратионѣ. — Флигель-адъютантъ Аракчеевъ.

1808—1812.

Я сказалъ, что я всѣ подробности сжегъ въ огнѣ, и потому не повторяю уже глупостей ни своей, ни чужихъ, выключая двухъ, а именно:

Окончивши кампаніи въ Пруссіи, мы стали лагеремъ при Копысѣ, въ ожиданіи высочайшаго смотра. Генералъ Марковъ, сдѣлавшись дивизіоннымъ начальникомъ, взялъ меня къ себѣ. Я былъ и его оберъ-аудиторъ, и дежурный штабъ-офицеръ. По системѣ того вѣка, генералъ не заботился о дѣлахъ дивизіи; онъ пресмыкался при большихъ и маленькихъ дворахъ, чтобъ выиграть собственно къ себѣ уваженіе. Я всегда оставался дома и именемъ его командовалъ дивизіею, а въ войнѣ водилъ войска не только походомъ, но и въ бой. Съ Марковымъ отправился я въ Италію, на встрѣчу 15-й пѣхотной дивизіи, слѣдовавшей изъ Корфу. Здѣсь встрѣтился я съ А. И. Красовскимъ, и дружество наше сохранилось по сей день. (1831 г.). Я все-таки повторяю, что Марковъ былъ здѣсь репрезентательное, а я—дѣйствующее лицо.

Италія и Венгрія доставили намъ разнообразныя пріятности, а венгерское вино и гостепріимство ихъ отзывалось въ душѣ обычаемъ патріаршества. Войдя въ Галицію, гдѣ принимаютъ

для тона, а не по душѣ, мы очень почувствовали разницу между прямодушіемъ и приличіемъ. Меня занимала здѣсь Фанни, и я мысль объ ней предпочиталъ всѣмъ праздникамъ и баламъ. Но безъ смѣха не могу вспомнить несчастный корпусъ австрійскихъ офицеровъ, которыхъ въ Галиціи принимаютъ презрительнѣе, чѣмъ у насъ пьяныхъ гарнизонныхъ. Ихъ точна—гауптвахта, а жизнь или дома, или на гауптвахтѣ. Я былъ свидѣтель, какъ одинъ разъ въ Лембергѣ, въ театрѣ, вытолкали ихъ десятка два за двери. Они привели гауптвахту и той участи не лучше была офицерской. Главное ихъ несчастіе — недостатокъ образованія и бѣдность до презрѣнія.

Изъ Лемберга, чрезъ Буковину, пошли мы въ Молдавію. Не найдя нигдѣ заготовленія, писали фельдмаршалу Прозоровскому. Отвѣтъ его скажетъ объ немъ. Вотъ что онъ писалъ: «Со всею моею памятью, которою Богъ меня одарилъ, я забылъ было указать вамъ точки продовольствія...»

Бросивъ писать относительныя подробности, я не скажу ничего ни о землѣ, ни о нравахъ жителей. Они изложены въ Турецкой моей кампаніи ¹⁾. Въ Молдавіи я получилъ два чина за отличіе въ войнѣ и базарджикскій крестъ. Въ одномъ изъ жаркихъ сраженій подъ Шумлою, я вводилъ войска въ сраженіе, распоряжался, какъ главный командиръ, потому что настоящій потерялъ голову; и, по общему ходатайству и рекомендаціи 7-ми генераловъ, получилъ чинъ. Но чинъ этотъ дорого мнѣ стоилъ: во-первыхъ, я отъ истощенія силъ получилъ жестокую горячку и во время отступленія чуть-чуть было не попался въ руки непріятеля; а во-вторыхъ, генераль мой, изъ зависти къ моей репутаціи и какъ-будто мстя мнѣ за то, что я сдѣлался имъ въ минуту его оцѣпененія, сдѣлался на всю жизнь врагомъ моимъ. Мы разошлись и около 8 мѣсяцевъ не были вмѣстѣ. Но генераль мой сдѣлался новымъ героемъ, не по героизму и достоинствамъ, а просто по связи съ главнокомандующимъ, по духу того времени, и, если правду сказать, то больше по недостатку великихъ умовъ того вѣка. Онъ перешелъ чрезъ Дунай, завладелъ непріятельскими батареями и отрѣзалъ турокъ, сидѣвшихъ

¹⁾ Обширное, въ нѣсколькихъ томахъ, рукописное сочиненіе Маевского. Оно находится въ распоряженіи «Русской Старины».

въ укрѣпленіи на нашемъ берегу. Немного болѣе ума и рѣшительности—Рушувъ тогда же бѣ еще былъ напѣ! Я засталъ генерала, потѣющаго надъ реляціею; его надо было вызволить—и это взяло у него верхъ надъ мщеніемъ. Генералъ ввелъ и меня въ реляцію; но, сдѣлавши уже представленіе, тайно перемѣнилъ его. Гармонія наша какъ-то разлаживалась, мы играли на фальшивый ладъ, и это было причиною, что мы вновь разошлись. Онъ принялъ корпусъ въ Малой Валахіи, а я поступилъ къ князю Багратіону, когда 2-я армія готовилась дѣйствовать противъ Наполеона.

Вотъ здѣсь устроилъ я первое дежурство арміи, которое въ духѣ Желтой книги—такъ мы называли «Полевое Уголовное Уложеніе»—сдѣлалось образцомъ дежурствъ всѣхъ армій и служило основаніемъ инспекторскому департаменту.

По странному противудѣйствию счастья съ несчастьемъ, къ Багратіону прислали генераль-аудитора, чтобъ сжить меня, или ближе, чтобъ это мѣсто уступить присланному. Багратіонъ, безъ согласія моего, переуступилъ меня Тормасову. Но поступокъ сей славно былъ отомщенъ: дежурный генералъ Маринъ явился первый къ Багратіону, говоря ему: «ежели вы до сихъ поръ были довольны моимъ управленіемъ, такъ этимъ я обязанъ Маевскому. Теперь, съ отдаленіемъ его, я, по новости дѣла, не ручаюсь вамъ за полноту будущаго порядка». — «Чортъ возьми этого Маевского! мнѣ уже надоѣло все о немъ, да о немъ слышать!» — вотъ какой былъ отвѣтъ Багратіона. И не менѣе того, онъ по неволѣ оставилъ меня при себѣ. Князь счастливо наказанъ за поверхностное знаніе людей. Онъ былъ человѣкъ добрый, исполненъ чести. При немъ былъ оракулъ, который крѣпко поперечилъ моему плану: я у него былъ какъ бѣльмо на глазахъ!.

Послѣ кабинетныхъ занятій наступили бурныя. Громъ пушекъ разогналъ оракуловъ, которые живутъ для поживы, а не для службы, и поубавилъ свиту Багратіона. Я заступилъ мѣсто и начальника штаба, и дежурнаго генерала, и ординарца, и вѣстового. И князь, не прежде Дорогобужа, увидѣлъ, что Маевского не должно уже посылать къ чорту. Князь прилѣпился ко мнѣ всею душевною признательностью, а я прилѣпился къ нему самою истинною преданностью, походившею на родъ сильной страсти и привязанности. Но въ Дорогобужѣ князь назначилъ, вмѣсто дежурнаго генерала, фли-

гель-адъютанта Аракчеева. Меня это оскорбило, — тѣмъ болѣе, что князь вѣрилъ ему только званіе, а на меня возлагалъ отвѣтственность. Сколько ни умолялъ меня дѣйствовать подѣ маскою суфлера дежурный генералъ, но я рѣшительно отъ того отказался. Г. Аракчеевъ былъ человекъ вѣчно пьяный и страдалъ сильною падучею болѣзнію¹⁾. Не бывъ ни героемъ, ни Платономъ, ни Геркулесомъ, онъ, отъ перваго сраженія, потерялъ охоту быть близъ князя, тогда какъ я считалъ это время самымъ пріятнымъ для имени и дѣла славы. Здѣсь-то Багратіонъ примѣтилъ, что Маевскій, котораго прежде отсылалъ онъ къ чорту, есть существо, сопричисленное къ существу Багратіона. Трудясь по сердцу, дѣлая по привязанности и любя его, какъ лучшаго родственника, я не зналъ границъ ни трудамъ, ни опасностямъ. Идетъ-ли часть войскъ, тащится-ли повозка, остались-ли казацкіе коши, — все это издали долженъ знать Маевскій и наизусть сказать князю. Образъ моей службы былъ таковъ: весь день ѣхать съ княземъ верхомъ, на привалѣ писать, вечеромъ начинать работать съ Сен-При, продолжая это до 12-ти часовъ ночи. Въ это время встаетъ князь и работаетъ со мной до-свѣту. Не забудьте, что мнѣ должно соснуть самому, а и того нужнѣе знать: гдѣ кто стоитъ и въ какомъ направленіи и когда выйдетъ на сборной пунктъ!

III.

Бородино.

Канунъ Бородинскаго боя. — Кн. Багратіонъ раненъ. — Раевскій. — Васильчиковъ. — Коновницынъ. — Тучковъ. — Армія Багратіона послѣ Бородинскаго боя. 24-е, 25-е и 26-е августа 1812 г.

До Бородина я и кн. Багратіонъ еще не знали себя взаимно. Князь требовалъ всего съ солдатскою холодностію; я исполнялъ все съ сыновнею подчиненностію. Въ Бородинѣ князь послалъ меня къ гусарамъ съ приказаніемъ, чтобы они переслали это приказаніе впередъ къ войскамъ, бывшимъ уже въ сильной перепалѣ: я, вмѣсто первыхъ, пустился къ послѣднимъ. Пробывъ въ огнѣ, пока мнѣ было нужно, я встрѣтилъ Багратіона съ лицомъ друга и полубога. Храбрый любитъ храбраго: онъ меня обнялъ и обворожилъ новымъ своимъ обращеніемъ. За то въ дни 24-го

¹⁾ Братъ временщика.

и 26-го августа не было смерти, куда бы ни посылали Маевского: чѣмъ жарче дѣло, чѣмъ больше опасность—туда летить Маевскій. Бервицъ, кн. Гагаринъ и Маевскій — вотъ три человека, которые несли всю тяжесть посыльныхъ. Но первые двое не имѣли бремени — писанья, а потому не всегда посылались въ такія мѣста, гдѣ приказаніе соглашалось съ диспозиціею, слушаемъ или общимъ распоряженіемъ.

24-го августа 1812 г. князь посылалъ меня въ самый жаркій огонь; а ночью велѣлъ сыскать Кн. Голицына, Васильчикова, кирасиръ и генерала Воронцова, и поставить ихъ на позицію. Подѣхавъ къ огнямъ (это было ночью въ 12-ть часовъ), вижу, что огни дѣлятся; влѣво кричатъ: «слушай!» вправо — «вивать!» Подѣхавъ къ солдату въ полной русской одеждѣ, который стоитъ падъ раненымъ и держитъ ружье отъ дождя, я принялъ его за русскаго аванпостнаго часоваго. Но едва я сказалъ слова два по-русски, какъ онъ схватилъ ружье и далъ по мнѣ выстрѣлъ. Я взялъ въ сторону, а выстрѣлъ попалъ въ свиту ген. Левенштерна, силившагося завладѣть своею батареею, когда на ней и подлѣ нея стоялъ цѣлый французскій корпусъ!

Этотъ день я очень помню. Изъ Семеновки, гдѣ было до 100 дворовъ, остались только два дома, т. е. князя и мой: ибо имя «дежурство» есть имя магика въ войнѣ и мирѣ. У меня собралось все, что было лучшаго послѣ первокласныхъ генераловъ; и остатокъ моего чая былъ небеснымъ для нихъ нектаромъ.

Кончивъ дѣла и отдавъ приказанія, я на другой день, 25-го августа, спалъ уже на дворѣ, какъ мертвый. Князь, проходя мимо меня со свитою, прошелъ такъ тихо, какъ мы входимъ въ кабинетъ любезной, во время сладкаго и тихаго сна ея. Такое вниманіе, предъ лицомъ арміи и подъ открытымъ небомъ, не можетъ не поселить возвышенной преданности къ начальнику; а особливо, когда онъ, проходя мимо, сказалъ всѣмъ: «гг., не будите его, онъ вчера очень усталъ; ему надобно отдохнуть и укрѣпиться».

26-го августа развернулся весь адъ! Бѣдный нашъ уголь, или лѣвый флангъ, составивши треугольникъ позиціи, болѣе смѣшной, нежели ошибочной, сосредоточилъ на себя всѣ выстрѣлы французской арміи. Багратіонъ правду сказалъ, что «здѣсь и трусу мѣста бы не было».

Посреди этого ужаса и смертей, Багратіонъ послалъ меня

къ Раевскому посмотрѣть, что у него дѣлается? Раевскій взвелъ меня на высоту батареи, которая въ отношеніи къ полю была тоже, что бельведеръ въ отношеніи къ городу. Сто орудій засыпали ее. Раевскій съ торжествующею миною сказалъ мнѣ: «сважи князю—вотъ что у насъ дѣлается!» Пролетая пространство болѣе 2-хъ верстъ, я оглушенъ былъ налету бомбою до того, что болѣе двухъ часовъ не могъ просверлить ушей и сомкнуть мой ротъ: такъ ударъ былъ силенъ! Не прошло получаса, князь посылаетъ адъютанта Брежинскаго вести Малороссійскій гренадерскій полкъ въ штыки. Тяжесть корпуса помѣшала ему броситься туда стрѣлой и Маевскій получилъ самое лестное это порученіе. Ударивъ, сломивъ, опрокинувъ и сдѣлавъ все въ глазахъ того, кого любишь, живешь, вѣжется, не своею, но новою и лучшею жизнью.

Двѣ послышки къ Тучкову за секурсомъ остались безъ исполненія, но личностямъ Тучкова къ Багратиону, и наоборотъ. Третья возложена была на меня. Я ѣхалъ и плылъ до Тучкова, объявилъ рѣшительно волю князя,—и 3-я пѣхотная дивизія съ Коновницынымъ отправилась со мной. Не говорю о смѣшномъ педантизмѣ времени и понятій,—они были странны; и то, что хорошо за 100 верстъ, смѣшно требовать подъ носомъ у арміи. Но Коновницынъ, по Желтой книгѣ, допросилъ меня и съ трофеемъ велъ при дивизіи, боясь обмана или измѣны. Я поставилъ дивизію эту во рву треугольника, который составлялъ готовый брустверъ позиціи; но здѣсь, не смотря на защиту и выгоду, пала почти вся 3-я дивизія.

Едва я исполнялъ одно, какъ возлагалось на меня другое: князь послалъ меня за новымъ секурсомъ къ Тучкову; но Тучковъ самъ былъ слабъ и сильно атакованъ Понятовскимъ на старой московской дорогѣ, которая шла въ тылу всей нашей арміи. Возвратясь ни съ чѣмъ, я князя уже не засталъ: его ранили и мѣсто его, по постепенности, переходило отъ одного къ другому.

Коновницынъ, въ колпакѣ, мчался то взадъ, то впередъ; Докторовъ сидѣлъ у барабана, а демоны истребленія, какъ будто руками поражали жертвы свои. Нашъ уголъ показалъ твердость, мужество и благородное самоотверженіе. Все устремлено было противъ него и все опрокинулъ и выдержалъ одинъ онъ!

Въ 3—4 часа такъ все измѣнилось, что я почти не нашелъ

уже на мѣстѣ ни одного знакомаго лица. Князя отвезли назадъ; свита его отправилась вслѣдъ за нимъ. А въ бою все такъ было перепутано, что я не зналъ, къ кому и какъ пріютиться.

Около 5-ти часовъ замѣтилъ я большое разстройство лѣваго фланга. Имѣя еще вліяніе, какъ хозяинъ и дежурный генералъ, я началъ собирать свои войска и вводить ихъ въ огонь. Комендантъ главной квартиры, Оржанскій, первый принялъ надъ ними команду, а за нимъ послѣдовали и другіе. Генералъ Васильчиковъ былъ нашимъ предводителемъ, и по чувствамъ сердца, а не по расчетамъ, посвящалъ послѣднія усилія отечеству.

Собравъ еще до 300 гренадеръ, я самъ сталъ съ ними на лѣвомъ флангѣ линіи и подтвердилъ ими два гвардейскіе полка, Егерскій и Финляндскій, съ которыми и простоялъ въ адскомъ огнѣ до 11-ти часовъ ночи.

Не имѣя ни связей съ арміею, ни свидѣтелей чистоты моего усердія, я мало занимался быть замѣченнымъ, и считалъ жертвою мою — жертвою простаго приношенія.

Но у меня убили лошадь, а заводныя примкнули къ свитѣ князя, — и смерть моя казалась для всѣхъ вѣрною. Благородный князь, стоя у порога къ гробу, заботился только обо мнѣ, и заботы его исчезли только тогда, какъ я, въ видѣ тѣни, явился къ нему на третій день.

Не скрою ни радостей моихъ, ни восторговъ, ни внутренняго самодовольствія, когда я остался одинъ на поприщѣ осиротѣвшаго. Ко мнѣ примкнули камергеръ Давыдовъ, нѣкто Безобразовъ, бывшій послѣ въ Москвѣ губернаторомъ, и нѣкоторые другіе, — и съ гордостью говорили, что «они 26-го августа были въ огнѣ съ Маевскимъ». А чтобъ быть въ огнѣ съ Маевскимъ, это было свидѣтельство — болѣе всѣхъ свидѣтельствъ о храбрости.

Посреди бездѣйствія, мы объѣхали всю линію нашей позиціи; нашли вездѣ много пушекъ и солдатъ, но ни одного начальника. Замѣтивъ, по большой свитѣ, что тамъ должно быть главному начальнику, я, съ моею свитою, взлетѣлъ къ нимъ на гору. И въ самое то время, какъ я хотѣлъ предложить услуги наши Барклаю и принять на себя команду надъ оставленными, непріятельское ядро оторвало ногу Орлову и группа людей раз-

сбѣглась изъ виду моего. Тогда-то я обратился къ роли певидимки и сталъ собирать разсѣянныхъ.

Смѣшны бываютъ случаи на сценѣ свѣта; но всего смѣшнѣе они въ войнѣ и особенно въ минуту боя.

24-го августа Бенигсенъ управлялъ линіею боя и обезпечивалъ лѣвый нашъ флангъ, выдавшійся впередъ отдѣльнымъ угломъ и батареею. Непріятель съ самаго начала началъ напирать на него. Это и естественно, ибо пунктъ сей для насъ былъ гибеленъ, а для непріятеля авантаженъ и безспоренъ. Я, проѣзжая чрезъ лѣсъ, замѣтилъ движеніе и сообщилъ князю. Но тогда кажется, не были еще въ модѣ Жомини; а понятія объ отдѣльныхъ и облическихъ дѣйствіяхъ не составляли науки истинныхъ полководцевъ того времени. Князь обратилъ вниманіе на отдѣльную батарею. Но увидя, что непріятель врѣзывается въ центръ линіи, снялъ съ нее войска и послалъ въ поддержаніе дерущихся. Бенигсенъ спорилъ; но князь настоялъ. Военное искусство рѣшить, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ; но я скажу: командиръ дивизіи, Невѣровскій, слѣдуя по новому назначенію, спрашиваетъ меня: «братъ-ли ему съ собой пушки?»

— «Братъ и не братъ есть непосредственный вашъ расчетъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я знаю войну, я не слыхалъ и не видалъ, чтобы, идя для стрѣлковаго дѣла, вести съ собою и батарею».

Этимъ отвѣчалъ я Невѣровскому на двусмысленный вопросъ его, и это развязало ему истинное его назначеніе.

Другой, не меньше смѣшной запросъ имѣлъ я отъ г. Дука, которому приказывалось повести атаку противъ непріятеля 26-го августа.

— «А какъ же мнѣ идти—всею-ли линіею, или оставлять резервы позади?»

— Расположить атаку зависить отъ васъ; князь мнѣ ничего болѣе не приказывалъ. Но если вамъ угодно знать собственное мое мнѣніе, то войско безъ резерва—есть жертва, обреченная на пагубу.

Дукъ изъ сего отвѣта заключилъ, что герой и въ мундирѣ не солдата знаетъ свое ремесло и не дастъ приза надъ собою.

Невѣровскій и Дукъ, ознакомившись послѣ со мной, были мои друзья; и Дукъ я особенно полюбилъ за пламенную его при-

вязанность въ покойному Багратіону, котораго можно было назвать душою его подчиненныхъ.

Послѣ раны кн. Багратіона, 2-я его армія переходила изъ-подъ команды въ команду. Наконецъ, поручена была генералъ-лейтенанту Бороздину 1. Я остался при немъ въ званіи дежурнаго генерала.

IV.

Москва.

Положеніе русской арміи. — Рѣшимость уступить столицу. — Фигнеръ. — Военное искусство въ эпоху отечественной войны. — Мнѣніе Наполеона о русскихъ военачальникахъ. — Милорадовичъ. — Дѣло при Вороновѣ. — Граббе. — На рѣкѣ Пахрѣ. — Назначеніе мое въ главную квартиру М. И. Голенищева-Кутузова.

1812 г.

Для удержанія непріятеля сдѣлана была послѣдняя попытка предъ Москвою; но позиція избрана была въ такой тѣснотѣ, гдѣ армія была вся въ ямѣ, гдѣ она не имѣла ни простора, ни сообщеній для взаимныхъ подкрѣпленій, и гдѣ на флангахъ ея могъ утвердиться непріятель, завладѣть ея выходами и располагать Москвою по собственному произволу. Кутузову оставалось, какъ многіе хотѣли: или изъ ложнаго патріотическаго упрямства оставаться въ этой ямѣ и дать непріятелю владѣть всѣмъ плацдармомъ дѣйствій и Москвою; или, подобно Меласу, отдать безъ боя Москву, чтобы только купить свободу и выйти изъ этой ямы. Можетъ быть, послѣднее и исполнилось бы, ежели бы извѣстный Фигнеръ не открылъ направленія непріятеля, угрожавшаго уже стѣснить насъ и рѣшить всю судьбу всей кампаніи.

Послѣ извѣстныхъ споровъ, рѣшились, наконецъ, пожертвовать Москвою, чтобы окупить Россію. Итакъ, тотъ самый полководецъ, который наканунѣ сдачи Москвы клялся Ростопчину, что онъ скорѣе погребетъ себя подъ развалинами Москвы, чѣмъ сдать ее, былъ побѣжденъ обстоятельствами — и спасъ Россію.

Оставимъ на минуту Москву и послѣднія дѣйствія и скажемъ только о людяхъ тогдашняго времени.

Багратіонъ былъ не безъ ошибокъ; но онъ ошибки свои выкупилъ множествомъ успѣховъ и покореніемъ въ три мѣсяца того, надъ чѣмъ предмѣстники его трудились цѣлыми вѣками.

Мнѣ странно, что до несчастнаго 1812 г. умы наши, въ от-

ношеніи къ военному искусству, находились въ той же прогрессіи, въ какой находится умъ бакалавра въ приложеніи къ уму Архимеда, Эйлера и другихъ великихъ людей, раскрывшихъ намъ вполнѣ тайны и законы натуры. Великій Александръ сначала своего царствованія не былъ счастливъ геніальными умами полководцевъ и, не имѣя образцоваго, увлекался къ обыкновеннымъ. Достоинство ихъ равно было монетѣ, на которой главное качество составляла прошедшая цѣнность, потерявшая отъ времени и свой вѣсъ, и свой штемпель. Къ удивленію свѣта, онъ получилъ сильную довѣренность къ Прозоровскому; и сей избиралъ ему полководцевъ, а самъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, писалъ: «Я не перехожу за Дунай оттого, что я не встрѣтилъ бы тамъ теперь ни одного непріятеля, и слѣдственно мнѣ некого бы еще было поразить. Но пусть соберется вся ихъ армія—я перейду, и однимъ ударомъ разобью ее». По этому образчику мнѣній и дѣйствій заключить всякій, въ какомъ дикомъ состояніи была у насъ тогда наука; а эти образчики мнѣній и дѣйствій были у насъ тогда общею аксіомою войны.

Кордонная война и каре безъ различія довершали несовершенство и были причиною нашихъ пораженій до 1812 года.

Но обратимся къ Москвѣ.

Открытіе Фигнера, какъ я уже сказалъ, спасло Россію отъ гибели. Ложныя понятія о чести спасти Москву—исчезли; упрямство уступило мѣсто разсудку и изъ броженія его родилась мысленная и высокая—стать на операціонной линіи непріятеля. Фланговый маршъ былъ слѣдствіемъ нашего пробужденія, или лучше, воскресеніемъ всей Россіи.

Но то, что вводило насъ въ ошибки, вошло въ правило Наполеона. Привыкнуши побѣждать насъ и играть нами, какъ дѣтьми природы, онъ никакъ не хотѣлъ еще вѣрить, чтобы эти дѣти вдругъ, или почти волшебю, перенеслись отъ невѣжества къ совершенству. Не то-ли бываетъ съ отцами и учителями, когда они видятъ, что дѣти и ученики умнѣе ихъ самихъ? Они это почти чувствуютъ, но никакъ не соглашаются на очевидныя истины.

Тоже, что устрашало насъ (оставить Москву), испугало и самаго Наполеона. Ложные разсчеты, ложное честолюбіе и не-

проницательная самонадѣянность были слѣдствіемъ гибели полмилліона людей и довершили собственное его несчастье.

Я помню, когда адъютантъ мой Линдель привезъ приказъ о сдачѣ Москвы, всѣ умы пришли въ волненіе: большая часть плакала, многіе срывали съ себя мундиры и не хотѣли служить послѣ поноснаго отступленія, или лучше, уступленія Москвы. Мой генераль Бороздинъ рѣшительно почелъ приказъ сей измѣнническимъ и не трогался съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ на смѣну его генераль Докторовъ.

Съ разсвѣтомъ мы были уже въ Москвѣ. Жители ея, не зная еще вполнѣ своего бѣдствія, встрѣчали насъ, какъ избавителей; но, узнавши, хлынули за нами цѣлою Москвою! Это уже былъ не ходъ арміи, а перемѣщеніе цѣлыхъ народовъ съ одного конца свѣта на другой. Черезъ Москву шли мы подъ конвоемъ кавалеріи, которая, сгустивши цѣпь свою, сторожила цѣлость нашихъ рядовъ, и перваго, вышедшаго изъ нихъ, должна была изрубить въ куски, не смотря на чинъ и лицо, — такъ боялись слить родныхъ съ родными!

Кутузовъ, замѣтивши сей хаосъ и желая поправить сколько можно ошибку, уступилъ Милорадовичу вѣтвь вымысла спасти армію и жителей. Милорадовичъ былъ въ арьергардѣ, и видя, что непріятель съ противной стороны, но въ одно съ нимъ время входитъ въ Москву, рѣшился сказать Наполеону: если онъ не дастъ ему и жителямъ свободного выхода, то Милорадовичъ погребетъ себя подъ пепломъ Москвы. Богатая мысль, твердая рѣшительность и высокая душевная сила Милорадовича взвѣшена была съ благами Москвы, которыя ожидалъ найти Наполеонъ, — и все это вмѣстѣ спасло насъ и возстановило равновѣсіе.

Но войска Наполеона вошли въ Москву прежде, чѣмъ мы прошли. Польскіе уланы, наскочавъ на нашихъ, рубили на валтрапахъ ихъ вензеля А, говоря: «ту нима Александра, ту Наполеонъ». Едва узналъ о семъ Милорадовичъ, онъ безъ конвоя и безъ свиты ѣдетъ къ цѣпи непріятельской, которая устроилась противъ его и сквозъ которыя тащились огромные corteжи войскъ и жителей. На запросъ его, гдѣ непріятельскій авангардный командиръ? явился къ нему Себастіани. Послѣ многихъ изъясненій дружбы, желаній и сожалѣнія, Себастіани рѣшительно приказалъ исполнить въ точности условія капитуляціи. Но когда

онъ сказалъ Милорадовичу: «ежели завтра генераль вашъ не прекратитъ напраснаго кровопролитія и не будетъ просить мира, тогда мы съ вами сдѣлаемся опять непріятелями, и вы будьте готовы встрѣтить меня».

— «Генераль!» отвѣчалъ Милорадовичъ, «мы можемъ начать дѣло хоть сейчасъ: вы приважите вашимъ атаковать моихъ, а мы оба посмотримъ отсюда, какъ они будутъ драться».

Послѣ столь примѣрнаго или полубратскаго поступка, гдѣ съ обѣихъ сторонъ господствовали какъ будто родъ нѣкоторыхъ великодушныхъ уступокъ и самоотверженія, чему до Москвы не было еще примѣра, армія наша на другой день исчезла изъ общаго вида, и мы увидали ее не прежде 4—5-ти дней. Это маскированное движеніе, конечно, принадлежало къ числу мастерскихъ военныхъ дѣйствій.

Въ Подолѣ, что подлѣ Москвы, разбитая армія Багратіона поступила къ Милорадовичу. Милорадовичъ встрѣтилъ штабъ его длинною и несвязною рѣчью, дѣлалъ колѣности памяти покойнаго Багратіона и настоятельно требовалъ указать ему того, къ кому князь всего болѣе имѣлъ любви и довѣренности, дабы именно въ лицѣ сего послѣдняго, могъ онъ доказать князю истинное свое великодушіе и любовь къ тому, кого любилъ и уважалъ—врагъ его. Генераль Маринъ отвѣчалъ на сіе съ достоинствомъ человѣка, умѣющаго цѣнить себя, князя и представляемыхъ имъ чиновниковъ. И Милорадовичъ заключилъ рѣчь тѣмъ: «я люблю безпорядокъ, ибо одинъ только безпорядокъ ведетъ къ истинному порядку».

Въ Подолѣ мы устроили «дежурство». Милорадовичъ давалъ мнѣ знать подъ рукою, что онъ хочетъ ближе всѣхъ со мною сблизиться. Не желая оскорбить Марина, какъ друга и благороднѣйшаго начальника, я долго отклонялъ сіе сближеніе. Но въ одинъ день, когда я встрѣтился съ Милорадовичемъ, онъ меня остановилъ и началъ говорить:

— «Господинъ Маевскій! я знаю, что князь обязанъ вамъ совершеннымъ устройствомъ и порядкомъ его дежурства. Вы много трудились для него. Я увѣренъ, что вы труды ваши раздѣлите теперь со мною!»

Я благодарилъ его за лестное мнѣніе и остался при немъ въ званіи авангарднаго дежурнаго штабъ-офицера.

Подъ Вороновымъ авангардъ нашъ стоялъ въ боевой осторожности. Но къ намъ всякой день приводили плѣнныхъ, которые шли къ намъ въ сѣти, не ожидая встрѣчи съ нами на коммуникаціонной своей линіи. Милорадовичъ принималъ ихъ милостиво и щедро дарилъ на словахъ деньгами и всѣми потребностями. Въ одинъ день онъ приказалъ мнѣ напоить и накормить приведенную партію плѣнныхъ и дать имъ по червонцу на брата. Не зная еще манеры Милорадовича, я говорю его дворецкому: «отпустите имъ все назначенное». Но дворецкій, улыбаясь, сказалъ мнѣ:

— «Вы всякій день будете имѣть подобныя приказанія, и если по неосторожности употребите свое, то въ вѣкъ не получите назадъ. Нашъ генералъ (Милорадовичъ) не имѣетъ самъ ни гроша, и часто бываетъ, что онъ, послѣ сильныхъ трудовъ, спрашиваетъ поѣсть. Но какъ чаще всего у насъ нѣтъ ничего, то онъ ложится и засыпаетъ голодный безъ упрека и безъ ропота».

Я не разъ испыталъ это и самъ, и, изъ жалости къ его безопасности, заботился о бѣдномъ его столѣ.

Мюратъ командовалъ противоположно намъ линіею и мертвое наблюдалъ во всемъ молчаніе. Въ одинъ разъ вздумалось ему осматривать инѣогнито нашу позицію. Но извѣстный Сысоевъ, замѣтя его, выстрѣлилъ по немъ и далъ промахъ. Мюрата оскорбило такое поведеніе среди перемирія, и на другой день онъ желалъ лично переговорить съ Милорадовичемъ. Они сѣхались; и Милорадовичъ, между прочимъ, заключилъ, что онъ за счастье почитаетъ имѣть такого соперника, который сошелъ съ трона единственно для того, чтобы сдѣлать честь Милорадовичу, сопричислая его къ числу своихъ сопровтивниковъ. Но чтобы показать и съ своей стороны полное уваженіе, онъ запретилъ стрѣлять по ставкѣ короля.

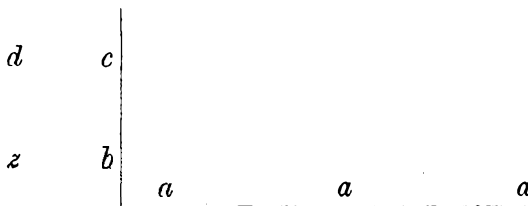
Не прошло трехъ дней, какъ вѣжливый Мюратъ атаковалъ насъ всею своею массою. Положеніе нашихъ позицій было самое неудобное. Это была просто демаркаціонная линія, обведенная глубокою и отложистою долиною. Мы стояли на оконечности высокаго возвышенія, къ которому, съ правой стороны, примыкалъ лѣсъ на необозримое пространство и густо тянулся чрезъ всю нашу позицію до главной нашей квартиры, имѣя въ срединѣ глубокіе овраги, скрывавшіе движеніе непріятеля. Непрія-

тель стоялъ на отлогомъ мѣстѣ. Но движеніе его и положеніе прикрывалось лѣсами и деревнею. Въ лощинѣ стояли наши драгуны и казаки. Генераль Панчулидзевъ, которому слѣдовало занять противоположную сторону и открыть непріятеля, не смотря на множество приказаній, не трогался съ мѣста и не внималъ никакимъ повелѣніямъ. Генераль Уваровъ, посланный разбудить Панчулидзева, прилетѣвъ назадъ, съ азартомъ жаловался, что его казаки не слушаютъ; что онъ раскрывалъ шинель, показывалъ ордена и увѣрялъ всѣхъ, что онъ генераль-адъютантъ; но что все сіе ни мало не помогло, и что линія казаковъ осталась тамъ же, гдѣ она и была. Панчулидзевъ имѣлъ даръ не уйти съ сраженія; но сдѣлать что-либо отъ себя—это было выше его дарованія. Милорадовичъ, видя, что Панчулидзевъ ни съ приказами, ни безъ приказовъ ничего не дѣлаетъ и не трогается, послалъ меня съ тѣмъ, что (бы) Панчулидзевъ въ присутствіи моемъ совершилъ это движеніе. Я объявилъ ему приказаніе; но оное на него не подѣйствовало. Онъ, указывая на оковѣнность линіи, говоритъ мнѣ: «Тамъ въ лѣсу пѣхота; она возьметъ меня во флангъ и всѣ движенія мои сдѣлаетъ тщетными». Понимая хорошо, что это простой звукъ словъ, я полетѣлъ въ опасному мѣсту и нашелъ, что на всемъ пространствѣ непріятельской линіи оставленъ былъ, между двухъ смежныхъ пролѣсковъ, одинъ или еще и менѣе баталіона, который на площадкѣ просто караулилъ неподвижныя наши движенія. Я сообщилъ это замѣчаніе Панчулидзеву; но на него и сіе ни мало не подѣйствовало. Онъ требовалъ пушекъ, тогда какъ онѣ висѣли надъ его головой, и пѣхоты.

Я донесъ Милорадовичу, и онъ сдѣлалъ мнѣ честь, приказавъ выбить изъ лѣсу непріятеля. Я взялъ конвойный баталіонъ и готовъ былъ со словомъ «ура!» броситься въ лѣсъ, какъ въ ту же минуту прискакалъ отъ Милорадовича извѣстный Потемкинъ и приказалъ, для острастки непріятеля, открыть по немъ огонь. Баталіонъ этотъ тотчасъ разстроился и не достигъ своей цѣли; а Панчулидзевъ и французскій баталіонъ остались неподвижно на своихъ мѣстахъ. Видя, что дѣло испорчено, я бросился на гору искать пособія въ Милорадовичъ; но вижу издали, что прямо въ позиціи мѣтится стремглавъ артиллерійское вещество. Я приналъ его за пушку и полетѣлъ на встрѣчу прямо къ нему. Въ

жару усердія и энтузіазма, я не разобралъ формы этого вещества. Но видя, что лошади мчатъ съ ужасной горы, что готлангеръ не въ состояніи ихъ удержать и что пушка и человѣкъ, безъ особой помощи, разобьются въ дребезги, я бросился поперегъ лошадей. Лошадей я удержалъ, но дышло разбило мнѣ ногу—и я упалъ замертво! Очувствовавшись, я увидѣлъ, что это была не пушка, но ящикъ, и лошади, отъ взрыва въ немъ, испугались и понесли готлангера съ дымящимися еще остатками.

Не могши ни сидѣть верхомъ, ни идти пѣшкомъ, я, съ помощію моего казака, взобрался на вершину горы. Тамъ меня оттерли, перевязали, и я съ больною ногою пустился опять на поле чести. Милорадовичъ благодарилъ меня за спасеніе человѣка; но самъ какъ-будто не принималъ ни въ чемъ участія. Для него все было хорошо, когда двигались и дрались. Онъ съ фанфаронскою миною рисовался на своемъ конѣ и съ такою же миною отдавалъ приказанія. Это былъ Ричардъ Львиное Сердце. Граббе управлялъ въ сей день позиціею боя, но поставилъ орудія такъ, что они стрѣляли вертикально, а въ 10-ти шагахъ отъ нихъ былъ густой лѣсъ, никѣмъ незанятый и неприкрытый. Непріятеля на его линіи не было, а наши не трогались съ мѣста. Я замѣтилъ это Граббе; но это было уже поздно. Непріятель, довольствуясь нашею оплошностію, потянулся весь на правый нашъ флангъ, войдя въ уголъ самой главной квартиры. Она встревожилась и выслала подъ ружье всю свою армію. Слѣдующая фигура изобразить тогдашнее положеніе:

aaa означаетъ нашу позицію, *d* лѣсъ.—Непріятель, бросивъ *aaa*, потянулся чрезъ *d* до *z*; положеніе мѣста способствовало ему столько же удобно уйти, какъ и придти, что и случилось въ этотъ день.

Странно было видѣть несмѣтливость Милорадовича и посреди важнаго, рѣшительнаго и опаснаго, самыхъ мелкія распоряженія,

впадающія въ игру дѣтей! Не подозрѣвая, что непріятель обгибаетъ весь правый нашъ флангъ, онъ приказываетъ:

— «Господинъ Маевскій! побѣжайте вонъ—къ той кавалеріи; скажите, чтобы она пошла въ атаку: сначала рысью, потомъ въ галопъ и потомъ во весь карьеръ».

Съ симъ словомъ, давъ шпоры своей лошади, какъ вихрь умчался въ другую сторону. Авангардъ нашъ, по мѣрѣ выстрѣловъ непріятеля, постепенно перемѣнялъ дирекцію подъ прямымъ угломъ и изъ *а а а* перешолъ въ *б* до *с*. Слабый кавалерійскій отрядъ, ставъ на оконечности нашей линіи, опровинулъ бы его до *с*, и завладѣлъ бы остаткомъ земли, раздѣлявшей насъ отъ арміи.

Въ этотъ день пуля спшибла эполетъ Милорадовичу. Онъ, не перемѣняя ни вида, ни тона, провозгласилъ только: «итаеъ, наконецъ, первый разъ въ моей жизни, осмѣлилась пуля прикончиться ко мнѣ», указывая на свой эполетъ.

Милорадовичъ, по возвышенности духа, былъ истинный Баярдъ; по недостатку приготовленія, безопасности и избалованному счастью не дорожилъ наукою. Онъ совершенно ея не зналъ; и у него всегда должно быть другому, которой бы управлялъ цѣлою пьесою. Его можно сравнить съ хозяиномъ, который даетъ волю приказнику—всѣмъ располагать, но который беретъ на себя только трудное и опасное. Первые мысли Милорадовича—мысли возвышенныя, счастливыя и были бы даже и удачныя; но тутъ же измѣняются онѣ, по мѣрѣ мыслей другихъ, такъ, что едва успѣетъ родиться хорошее, какъ оно замѣняется дурнымъ.

Неудачное, или больше безпокойное сраженіе наше подъ Вороневымъ нѣсколько огорчило Кутузова. И не трудно было Милорадовичу дать правильный видъ сраженію, которое, впрочемъ, было противъ всякаго вычисленія. Однако же, сраженіе сіе такъ обезпокоило фельдмаршала, что онъ ежедневно требовалъ къ себѣ Милорадовича для совѣщанія. И вскорѣ послѣ того рѣшили притянуть авангардъ къ арміи. Я получилъ, въ званіи генералъ-аудитора, самое лестное для меня порученіе: командовать заднею цѣпью аріергарда, защищать мостъ и, бывъ послѣднимъ, ссечь его въ самой уже крайности.

Кстати, положить и тѣнь, и цвѣтъ на картину Милорадовича. Его сердце равно было прочимъ благороднымъ его качествамъ;

но безопасность прикрывалась всегда любезностью его характера. До меня не было въ авангардѣ ни устройства, ни продовольствія: это не дѣло Милорадовича. Съ моимъ прибытіемъ все получило новый видъ. Генералъ Корфъ, командовавшій передовою цѣпью, обрадовавшись изобильному корму людей и лошадей, скачетъ къ Милорадовичу съ полною благодарностью. Но едва онъ высказалъ содержаніе рѣчи своей, или ближе, изліяніе чувствъ его, какъ Милорадовичъ, съ обыкновеннымъ и торжествующимъ своимъ тономъ, сказалъ ему: «благодарите не меня, но Маевского: (указывая на меня) онъ кормитъ и васъ, и меня». Одной этой черты достаточно уже для похвалы Милорадовича; онъ свое бралъ себѣ, а цѣлое уступалъ подчиненному.

Въ другой разъ, мы шли походомъ. Милорадовичъ ѣхалъ съ Остерманомъ, окруженный свитою. Я вижу брошеннаго раненаго, останавливаю повозку и кладу его на нее въ глазахъ Милорадовича. Милорадовичъ, увидя заботу о спасеніи раненаго, обращается къ Остерману и говоритъ: «то, что сдѣлалъ теперь Маевскій, можете сдѣлать только вы и я». Въ переносномъ смыслѣ, сочли бы это за мою дерзость; но въ душѣ Милорадовича выражалась этимъ сильнѣйшая похвала.

На Красной Пахрѣ мы остановились послѣ сильнаго преслѣдованія. Всѣмъ намъ казалось, что глубокая рѣка, раздѣляя насъ отъ непріятеля, дѣлаетъ насъ безопасными; но вышло напротивъ. Милорадовичъ, послѣ неустанныхъ трудовъ и плохихъ обѣдовъ, покойно расположился въ господскомъ домѣ, и оживлялъ свой аппетитъ испарявшимся отъ кухни запахомъ. Я остался подъ открытымъ небомъ отдавать приказанія и поддерживать силы спартанскою похлебкою. Но едва я занесъ ложку въ супъ, какъ дали мнѣ знать, что французы, подобно индійскимъ бѣлымъ муравьямъ, оставили позади себя всѣ препятствія и убирали уже всѣ блюда на кухнѣ Милорадовича. Я бросился на готоваго коня, повелъ съ собою конвой и опровинулъ неожиданныхъ гостей. Но они усилились. Я ввелъ въ дѣло Васильчикова и Пассека, а Милорадовича спасъ адъютантъ его Деюнкеръ, ударивши на невѣждъ-гостей, имѣвшихъ одно только торжество въ истребленіи обѣда Милорадовича.

Вотъ хактеристическія черты Милорадовича, которыя, впрочемъ, имѣли всегда пріятность и посреди крайностей, и посреди

опасностей. Но главный за нимъ порокъ былъ тотъ, что онъ, въ минуту дѣла, восторженъ бывалъ услугою сотоварищей; но прошло дѣло—прошла и мысль о немъ! Однако, по чувству души и цѣны подчиненнаго, онъ, при всякой встрѣчѣ, спрашивалъ каждого, служившаго съ нимъ: «все-ли вы получили по моимъ представленіямъ?» Отвѣтъ, натурально, никогда не былъ отрицательный, хотя никто ничего не получалъ. Это просто размынь вѣжливостей. Но Милорадовичу и въ голову не приходило вспоминать, кого и какъ онъ представлялъ.

Теперь обращаюсь къ моему порученію. Будучи упоенъ восторгомъ столь лестнаго порученія, я напередъ рисовалъ въ воображеніи моемъ или героическую защиту, или героическую смерть. Я именно положилъ этотъ выкупъ за предпочтеніе меня предъ достойнѣйшими авангардными генералами и штабъ-офицерами,—а особливо въ мундирѣ, который противурѣчилъ моему назначенію и возвышалъ славу мою въ глазахъ арміи. Но на зло мнѣ, непріятель не трогался и не хотѣлъ украсить чела моего лавровою вѣткою. Я горѣлъ нетерпѣніемъ: подставилъ смоляныя бочки, засыпалъ ихъ соломой, и фитиль мой ожидалъ только времени. Честь—зажечь мостъ на половинѣ французскаго движенія я предоставилъ лично себѣ, не вѣряя этого ни казаку, ни товарищу. Тутъ было не дѣло зависти, но дѣло чести штатскаго—по мундиру и военного—по чувству.

Въ одинъ день, когда я всего ближе былъ къ исполненію моего желанія, летитъ ко мнѣ верхомъ Милорадовичъ. Обращаясь ко мнѣ говорить:

— «Господинъ Маевскій, свѣтлѣйшему давно угодно, чтобъ вы были при немъ. Я приказанія его оставлялъ безъ исполненія, боясь за васъ, чтобъ вы не попали въ простую толпу пресмыкающихся. Теперь я объяснился съ свѣтлѣйшимъ и, слѣдуя непремѣнной его волѣ, скажу вамъ, что вы будете при немъ на другой ногѣ и сохраните уваженіе, которое вы у меня и у всѣхъ заслуживаете».

Я не успѣлъ растворить рта, какъ Милорадовичъ, по привычкѣ своей, далъ шпоры и понесся какъ вихрь.

Вѣсть сія, признаюсь, крайне огорчила меня: во-первыхъ, она лишила меня блистательнаго поприща, во-вторыхъ, я зналъ нетерпѣніе фельдмаршала. Я уже полагалъ, что на меня набро-

пена тригометрическая сѣтъ и что я никогда не свяжу узловъ въ мою пользу.

Дѣлать было нечего. Я повиновался силѣ и ту-же минуту отправился къ фельдмаршалу. Но по дорогѣ заѣхалъ я къ другу моему Марину, жившему вмѣстѣ съ Кикинымъ и Ермоловымъ. Они увеличили мои ужасы, и Ермолову крайне хотѣлось оставить меня при себѣ. Но хаосъ его «дежурства» еще болѣе испугалъ меня. Однако-жъ, Ермоловъ нашелъ предлогъ оставить меня при себѣ подъ видомъ сдачи дежурства Баграціона.

V.

М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

Первый пріемъ. — Коновницынъ. — Докладъ «бумажекъ». — Достоинства и недостатки Кутузова.

1812 г.

Я явился къ Коновницыну; онъ представилъ меня фельдмаршалу. Пріемъ былъ обыкновенный и самый сухой. Я рѣшился отдѣлаться и показывалъ видъ, что я привожу въ порядокъ бывшія на рукахъ моихъ дѣла. Меня отпустили; но не прошло недѣли, какъ опять потребовали къ фельдмаршалу. Я явился къ Коновницыну; онъ встрѣтилъ меня съ новою, но лучшею уже миною. Вотъ нашъ разговоръ:

Коновницынъ: «Батюшка, батюшка! Я утопаю въ дѣлахъ. У меня нѣтъ ни одного помощника (хотя при немъ было свиты до 100 офицеровъ). Я и фельдмаршалъ надѣмся, что вы облегчите насъ и раздѣлите съ нами труды».

Я: «Я за особую почель бы честь оправдать ваши ожиданія; но малая опытность, а еще меньшая способность останавливаютъ меня приняться за порученіе, хотя и лестное, но свыше силъ и ума моего».

Коновницынъ: «Батюшка, батюшка! Такъ вы не хотите?»

Я: «Я хочу, но не могу; и вотъ, признаніе мое—самое лучшее оправданіе».

Коновницынъ (смягчая тонъ): «Батюшка! Мы лучше знаемъ васъ, чѣмъ вы себя; мы оцѣнили уже ваши способности и знаемъ, что вы все можете, ежели только захочете».

Я: «Ежели я за способности мои имѣю уже такую поруку, какъ ваша, то я съ охотою принимаю ваше приказаніе».

Это было въ 10-ть часовъ утра; а въ 7-мь вечера представили меня фельдмаршалу. Фельдмаршалъ, послѣ отвлеченныхъ вопросовъ, когда мы были наединѣ, сказалъ мнѣ:

— «Любезный Маевскій! въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы теперь находимся, ни одинъ истинный сынъ отечества не долженъ отказаться отъ самаго труднаго и опаснаго порученія. Мой дежурный генералъ всякій часъ безпокоитъ меня о тебѣ, говоря, что онъ утонулъ въ дѣлахъ и что, къ стыду его, отказывается безъ помощника отъ своей должности. Я предоставилъ ему избрать достойнаго изъ всей моей арміи. Его выборъ палъ на тебя; но ты, по словамъ его, отказываешься отъ предложенія. Мы призвали тебя съ тою же самою цѣлью, и я надѣюсь, что ты раздѣлишь съ нами труды (и тутъ же, воздѣвъ руки къ небу, продолжалъ): за то Богъ, всемогущій Богъ тебѣ заплатитъ».

Бывъ увлеченъ почтеннымъ видомъ маститаго старца, чистотою его души и отеческимъ языкомъ, я принялъ должность,—и съ той минуты пріятно служилъ при немъ до конца его дней.

Чтобъ знать все и почему и мелкіе умы, какъ и мой, пускаются на большое поприще, я начну съ штата свѣтлѣйшаго.

Онъ привезъ съ собою Кайсарова и Фукса. Первый занялъ должность дежурнаго генерала; второй—директора канцеляріи. Неспособность ихъ обнажилась въ первые три мѣсяца, а интрига довершила разрушеніе славы ихъ.

Кутузовъ, уступая необходимости и голосу арміи, избралъ дежурнымъ генераломъ Коновницына, прославившагося сею должностію въ Финляндіи. При немъ былъ нѣкто Ахшарумовъ, владѣвшій перомъ Коновницына. Съ минуты вступленія въ сію должность, оба они увидѣли, что дѣла 1812 г. со всѣмъ не похожи на дѣла 1808 г.,—и новый трудъ, объявшій обоихъ ихъ, заставилъ искать третьяго.

Въ дежурствѣ свѣтлѣйшаго, которое называлось дежурствомъ всѣхъ дѣйствующихъ армій, не засталъ я ни лоскутка бумаги! Все это дѣлалось на полевую руку, а главныя распоряженія шли чрезъ Ермолова, который, не имѣя главнокомандующаго (Барклай тогда уѣхалъ, а Тормасовъ еще не пріѣхалъ),—дѣйствовалъ именемъ начальника штаба, какъ главнокомандующій. Этимъ средствомъ дежурство Кутузова не знало письменнаго труда и фельдмаршалъ былъ только мыслящее лицо.

Мнѣ должно было все сотворить, все устроить; но у меня было всего-на-всего два безграмотныхъ помощника въ офицерскихъ чинахъ. Коновницынъ, заложивъ гать неистощимой письменной рѣкѣ, наводнилъ меня запущенными бумагами, и я вдругъ получилъ ихъ до 10 т.! Не видя, что кому прежде при-казывалось, и не имѣя ни въ комъ компаса, который бы руко-водилъ меня въ направленіи, я далъ свободу смѣлому моему ха-рактеру и въ недѣлю возстановилъ полный и должный ходъ. Но, на бѣду мою, меня помѣстили въ курной избѣ, неимѣвшей и трехъ аршинъ квадрата. Въ ней была больше съѣзжая, чѣмъ дежурство! Нѣкто Скобелевъ, занимавшій прежде мое мѣсто, по тѣснотѣ избы, помѣстилъ себя на печи и съ помощію пріа-телей дѣлалъ мнѣ всѣ непріятности и затрудненія. Я его вы-жилъ, и съ большимъ просторомъ избы получилъ большій про-сторъ и въ дѣйствіяхъ.

Я помню, что первыя мои бумаги, сотворенныя небогатымъ умомъ моимъ, весьма понравились фельдмаршалу: это была по-хвала оружію и оборотъ набору съ Московской губерніи. Онъ слушалъ ихъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ; но когда дошло дѣло подписывать, онъ утомился на 10-ти подписяхъ, возвысилъ голосъ и хотѣлъ-было сдѣлать мнѣ обыкновенное привѣтствіе, т. е. разбранить; но, почувствовавшись, перемѣнилъ тонъ и съ большимъ усиліемъ и вряхтѣніемъ подписалъ остальные 10 бу-магъ. Для Кутузова написать вмѣстѣ 10 словъ труднѣе, чѣмъ для другаго описать кругомъ 100 листовъ; сильная хирагра, ста-рость и непривычка — вотъ враги пера его. Но за то природа и навыкъ одарили его прекраснымъ языкомъ, который восходилъ до высокаго краснорѣчія. Въ немъ были счастливые обороты въ мысляхъ и словахъ; и при томъ, онъ умѣлъ сохранять всегда чудную прелесть лаконизма и игривость отъ шуточнаго до вели-чественнаго. Можно сказать, что Кутузовъ не говорилъ, но игралъ языкомъ: это былъ другой Моцартъ или Россини, обворо-живавшій слухъ разговорнымъ своимъ смычкомъ. Но, при всемъ творческомъ его дарѣ, онъ уподоблялся импровизатору; и тогда только былъ какъ-будто вдохновенъ, когда попадалъ на мысль, или когда потрясаемъ былъ страстью, нуждою, или дипломати-ческою уверткою. Никто лучше его не умѣлъ одного заставить говорить, а другаго — чувствовать, и никто тоньше его не былъ

въ ласкательствѣ и въ проведеніи того, кого обмануть или обворожить принялъ онъ намѣреніе; вы увидите въ минуту: благоговѣйный восторгъ его и слезы умиленія или жалости; но прошелъ часъ — и онъ все позабылъ. Это былъ и тончайшій политикъ по уму, и самый добродѣтельный по сердцу. Ко вреду подвинуть его было трудно. У слабости бывалъ онъ иногда въ рукахъ; но тѣхъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ раздѣленіи славы его, невидимо поддѣдалъ такъ, какъ поддѣдаетъ червь любимое или ненавистное деревцо. Въ общемъ очеркѣ онъ былъ больше великодушный отецъ, исправлявшій кротко, тихо, поучительно и сильно своихъ дѣтей, нежели начальникъ, гордящійся своими жертвами. Его нетерпѣніе выводило его къ грубостямъ. Но, увидавъ того, кого сію еще минуту заочно и жестоко бранилъ, онъ бросается къ нему на шею и осыпаетъ его величайшею ласкою и вѣжливостію. Съ такимъ даромъ сердца, Кутузовъ много походилъ на азіатца, который, углубясь въ журчаніе фонтана, забываетъ цѣлый свѣтъ. Его сѣера — нѣжить тѣло, чувство и воображеніе. Для него, по большей части, надобно было все придумать и обработать; но и тутъ надобно было еще поймать минуту, чтобы заставить его выслушать себя и кое-что подписать. Такъ онъ былъ тяжелъ для слуханія дѣлъ и подписи своего имени въ обыкновенныхъ случаяхъ.

Съ другой стороны, Коновницынъ былъ суетливъ, заботливъ и вмѣстѣ недѣятеленъ и безпеченъ. Цѣлый день курить онъ трубку и говоритъ съ сотнями людей, которыми попеременно наполняется его комната. А въ ночи онъ не спитъ и записываетъ, что исполнено и не исполнено. Но принеси къ нему бумаги — онъ ничего не подписываетъ, всего боится и все отсылаетъ къ фельдмаршалу; а фельдмаршалъ тяготится и при видѣ 10 бумагъ. Какъ же ему подписывать отъ 300 до 500 вдругъ?! Коновницынъ, дорожа своею репутаціею, хотѣлъ, кажется, выказывать себя вседѣйствующимъ; но, не имѣя силы въ объемѣ цѣлаго, онъ вѣрно рассчиталъ, что все хорошее отнесется къ нему, а все дурное припишется фельдмаршалу. Но Кутузовъ держался, кажется, и самъ этой же системы, въ обратномъ только смыслѣ. Въ критическомъ положеніи каждый особенно дорожитъ самимъ собою.

Въ постепенномъ ходѣ событій раскрываются ихъ характеры; они послужатъ эмблемою тогдашняго размышленія и скажутъ

свѣту: возможно-ли, чтобы при двухъ противудѣйствующихъ силахъ, слабая третья машинка могла дать имъ полное движеніе?

На другой день службы моей при Кутузовѣ, я принесъ къ нему въ 7-мь часовъ вечера (это было обыкновенное его время — послѣ обѣда и сна заниматься бумагами) нужнѣйшія бумаги; ихъ было не болѣе 10 и короткихъ, по 20—30 словъ. Онъ все выслушалъ, одобрилъ и сталъ уже подписывать. Но отъ утомленія или отъ каприза велѣлъ въ одной добавить два слова «заковать въ кандалы». Я счелъ неприличнымъ помѣщать сверху эти слова отъ фельдмаршала и хотѣлъ бумагу переписать. Но онъ, вырвавъ ее у меня изъ рукъ, сказалъ: «ты не хочешь — я самъ напишу». Трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ моимъ костямъ и я не смѣлъ перевести дыханія, хотя, по волѣ его, и сидѣлъ прямо противъ него. Кутузовъ, нанеся на 10 бумагахъ 10 «Кутузовыхъ», отеряхтѣлся, отдохнулъ, пришелъ въ себя и отпустилъ меня съ такою отеческою попечительностью, что я не зналъ цѣны его милостямъ. Съ сей минуты я не зналъ при немъ огорченія и не слыхалъ ни одного слова, которое бы оскорбило слухъ или чувство мое. Съ этого дня я всякій день подносилъ Кутузову важнѣйшія бумаги, а остальные подносилъ Коновницину. Ни тотъ, ни другой не трудились давать мнѣ мысли своей. Но свѣтлѣйшій смотрѣлъ на число бумагъ, а Коновницынъ увертывался значеніемъ словъ, — и я съ симъ послѣднимъ имѣлъ большіе хлопоты: то ему некогда, то пусть подписываетъ фельдмаршалъ, то вмѣсто «прошу», напиши «благоволите». Итакъ 500 бумагъ идутъ къ завтраму, а завтра дѣлаются 1,000. Я вышелъ изъ терпѣнія, сказавъ наотрѣзъ, что я, не умѣя угодить, не могу и служить. И Коновницынъ долженъ былъ подписывать все, что я ему ни подносилъ. Одинъ только Ермоловъ озадачивалъ его выисканными возраженіями, которыя до меня принимались, какъ заповѣди; но я принудилъ Коновницина положить конецъ этимъ дурачествамъ. И онъ, не смотря на то, что просказалъ: «Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ: онъ обижаетъ старика», подписалъ наконецъ отвѣтъ, стойвшій Александрова меча. И Ермоловъ, какъ грозный Нилъ, вошелъ въ свои берега.

VI.

Тарутино.

Бой съ Мюратомъ. — Черты доблести. — «Рыжій трусъ». — Поцѣлуй фельдмаршала. — Размолвка съ Бенигсеномъ. — Барклай и Кутузовъ. — Достопамятная присяга. — Бой при Маломъ-Ярославцѣ. — Доблесть Коновницына. — Доклады у главнокомандующаго. — Черты характера Кутузова.

1812. г.

Мюратъ, помѣстившись на рѣчкѣ Черной, что у Тарутина, имѣлъ неосторожность отдѣлиться отъ своей арміи на 60 верстъ. Послѣ долгаго совѣщанія, положено было его атаковать. Мы выѣхали для дѣйствія; но 1-я армія, которою управлялъ Ермоловъ, по ошибкѣ, была вовсе не приготовлена. Свѣтлѣйшій, вмѣсто Ермолова, жестоко разругалъ генераль-квартирмейстера и, переночевавъ въ крайней отъ позиціи деревнѣ, возвратился на другой день назадъ.

День еще прошелъ въ приготовленіи, — и все, по ошибочному предразсудку, думали, что не только люди, но и кусты измѣняютъ тайнамъ нашимъ. Но вышло совсѣмъ напротивъ: Мюратъ, не зная ничего о происходившемъ у насъ, застигнуть былъ въ безпечномъ состояніи. Мы разбили его. И если бы въ общемъ было больше связи и дѣйствія, тогда бы изъ всего корпуса не ушло ни души. Въ этомъ дѣлѣ я отличался, сколько могъ. И Коновницынъ, представляя меня фельдмаршалу на полѣ сраженія, сказалъ:

— «Ваша свѣтлость! господинъ Маевскій отличился сегодня во всѣхъ дѣйствіяхъ. Онъ былъ вмѣстѣ со мною во всѣхъ казачьихъ атакахъ».

Свѣтлѣйшій, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Любезный Маевскій, подѣзжай ко мнѣ, обними меня и поцѣлуй». И, съ этимъ вмѣстѣ, обнялъ меня и поцѣловалъ въ глазахъ всей арміи.

Въ этомъ дѣлѣ я видѣлъ смѣсь странностей и чудесъ. Кутузовъ, желая усилить преслѣдованіе непріятеля нашею кавалеріею, кричитъ: «Гдѣ этотъ дуракъ! рыжій! трусъ!» и т. д. Послѣ многихъ присканныхъ, или приблизительныхъ именъ, Кутузовъ съ сердцемъ повторялъ: «нѣтъ, нѣтъ» и усиливался напасть на имя этого труса рыжаго... Но когда сказали ему: «не Бениксона-ли?» тогда онъ повторилъ: «да, да!» А когда ему сказали: «да вотъ онъ

здѣсь», тогда Кутузовъ съ ласкою и отеческою миною обнялъ его и, вслѣдъ затѣмъ, отдалъ приказаніе.

Я видѣлъ тутъ же героизмъ и слабодушіе. Французскій эскадронъ, опоздавъ примкнуть къ своимъ, атакованъ былъ всѣми нашими казаками. Едва мы бросимся на него, какъ храбрый французъ повернетъ эскадронъ лицомъ къ намъ и, не стрѣляя, отражаетъ насъ одною своею неустрашимостью, строгимъ порядкомъ и присутствіемъ духа. Онъ спасся и мы утѣшились только предпріятіемъ.

Другое: посреди сотней нашихъ солдатъ идетъ гренадеръ-французъ: едва налетитъ на него казакъ съ пикомъ, французъ приложится ружьемъ — и казакъ летитъ отъ него прочь. Это правда, что единицы не занимали тогда насъ; но смѣлость и рѣшительность въ солдатѣ, даже и въ непріятелѣ, есть благороднѣйшая черта, достойная подражанія.

Тарутинское дѣло поссорило и разлучило Бениксона съ Кутузовымъ. Бениксонъ игралъ важное лицо во всѣхъ военныхъ операціяхъ. Кутузовъ не совсѣмъ еще не вѣрилъ звѣздѣ своей и отдѣлывался старинною методою — отраженіемъ, предоставляя остальное въ волю Божию. Но гибкій умъ его, гдѣ надобно, находилъ всегда пособіе¹⁾.

Въ дѣлѣ тарутинскомъ Кутузовъ главную часть арміи собралъ вокругъ себя, и вмѣсто того, чтобы въ назначенный часъ идти въ разрѣзъ Мюратова корпуса, утвердившагося между полянами въ лѣсахъ, кои болѣе походили на рощи, чѣмъ на лѣса, онъ опоздалъ и остался простымъ зрителемъ происшествія.

Бениксонъ, въ жару негодованія, а можетъ и хвастовства, хотѣлъ уеолодить Кутузова, написавъ слѣдующее: «Войска его императорскаго величества совершили сію побѣду съ такою правильностью и порядкомъ, какую можно видѣть на однихъ только маневрахъ. Жаль, очень жаль, что ваша свѣтлость слишкомъ были далеко отъ мѣста дѣйствія и не могли видѣть вполне прелестной картины пораженія!»

Этого довольно было для Кутузова, чтобы постигнуть истинный смыслъ иронизма и событь Бениксона.

¹⁾ Далѣе четыре строки тщательно вымараны Маевскимъ: подобныя пометки довольно часты въ его Запискахъ, именно въ характеристикахъ дѣятелей его времени.

Я не могу умолчать нѣкоторыхъ происшествій, тѣсно связанныхъ съ компанією и Кутузовымъ.

Несчастная ретирада наша до Смоленска дѣлаетъ честь твердости и уму безсмертнаго Барклая. Собственное его оправданіе есть лучшая улика жестоко дѣйствовавшимъ противъ его особы. Остальныя дѣла его и смерть (послѣ которой хвалятъ даже и враговъ своихъ) есть лучшая поручительница его талантовъ; но въ современномъ понятіи смотреть на настоящее, не относясь въ будущее, и каждый указываетъ на Суворова, забывая, что Наполеонъ не Сераскиръ и не Костюшко.

Съ приѣздомъ Кутузова въ Царево-Займище, всѣ умы воспрянули и полагали видѣть на другой день Наполеона совершенно разбитымъ, опрокинутымъ, уничтоженнымъ. Въ опасной болѣзни надежда на лекаря весьма спасительна. Кутузовъ имѣлъ всегда у себя вѣрное оружіе — ласкать общимъ надеждамъ. Между тѣмъ, среди ожиданій къ упорной защитѣ, мы слышимъ, что армія трогается назадъ. Никто не ропщетъ, никто не упрекаетъ Кутузова, и пламенный Багратионъ принимаетъ это, какъ необходимость, какъ благоразуміе, за которое Барклая называлъ бы онъ измѣнникомъ. (Въ этомъ можетъ увѣрить переписка его съ Ермоловымъ). Успѣвъ въ умахъ арміи, ему нужно было успѣть въ умѣ публики и царя, ибо казалось неестественно — Кутузовъ ретируется безъ бою назадъ... Вотъ его оборотъ: «Когда Смоленскъ, ключъ Москвы, въ рукахъ непріятеля, то у насъ для отпора нѣтъ другаго мѣста, кромѣ Москвы». Такъ онъ писалъ въ своемъ донесеніи царю, прибавляя еще другое и болѣе сильное, что армія Барклая превратилась въ мародеровъ, и что онъ половину ее употребляетъ на то, чтобы караулить другую. Въ столь горестномъ положеніи и половины этой картины достаточно бы было поразить царя. Но безпорядокъ, неподчиненность и ненадежность арміи довершили его страданія. Въ несчастіи мы болѣе нежели подозрительны. Тогда казалось, что Россія до половины составлялась изъ наполеонистовъ; но эта ошибка въ мнѣніи открылась не раньше, какъ послѣ перехода черезъ Нѣманъ.

Въ одинъ день, уже въ Тарутинѣ, фельдъегерь привезъ намъ около 6-ти большихъ тюковъ. Ихъ приняли и просто положили на лавку. Смѣлый Скобелевъ беретъ ножъ, разрываетъ пакъ и къ ужасу — читаетъ вновь присланную для арміи присягу. Слова,

въ ней помѣщенныя, столь были сильны и поразительны, какія можно читать въ однихъ только клятвахъ народа еврейскаго. Скобелевъ устѣлъ сдѣлать ее гласною, и когда она до половины была извѣстна арміи, тогда только догадались прибрать ее, сохранить въ тайнѣ и съ тѣмъ же фельдгегеремъ обратить назадъ. Эта присяга—была улика флеветѣ и на армію, и на Барелая.

Послѣ оставленія Наполеономъ Москвы, мы славно расположились на Полотняныхъ заводахъ. Не беру на себя труда разбирать правильности ни своихъ, ни непріятельскихъ движеній. Но скажу, что Кутузовъ слалъ золотой мостъ ретирующимся. Вотъ какъ сильно еще было въ насъ предубѣжденіе о великости Наполеонова генія!

Къ Мало-Ярославцу пришли мы почти сутками прежде. Наполеона и всей его арміи. Ермоловъ уступилъ мѣсто Доктору, а я съ Коновницынымъ, по обыкновенію, испытывали силу нашего мужества. Изъ нашей свиты ранили почтмейстера Добровольскаго. Огонь постепенно усиливался; городъ переходилъ изъ рукъ въ руки и, наконецъ, къ ночи уже достался въ обладаніе непріятелю. Тутъ я видѣлъ довѣренность и любовь подчиненныхъ къ начальнику. Коновницынъ вводилъ войска въ огонь съ рѣчью, ихъ воссидаменявшею. Они хватали фалды его, дѣлавали ихъ и не отставали ни на шагъ отъ рысистой его лошади; перепрыгивали черезъ рвы, черезъ заборы и ничто ихъ не удерживало! Ежели бы къ Коновницыной охотѣ, храбрости и доброй волѣ жертвовать всегда и вездѣ собою прибавить бы Суворовскаго генія, тогда бы онъ много оказалъ пользы на своемъ мѣстѣ. Но онъ думалъ только рисоваться и удивлять своею храбростію, не помышляя ни мало, какъ выйдѣе начать и кончить принятое дѣло. Любимая его была привычка—стремиться въ опасность съ своею свитою, погонять плетью лошадь и поминутно оглядываться назадъ въ окружающимъ. чтобъ читать на ихъ фізіономіи чувства удивленія и признательности къ чудесной его смѣлости.

Прежде, нежели я возвратился къ Кутузову, собиравшемуся на другой день отступить въ Калугу, онъ спрашивалъ меня нѣсколько разъ, и когда Коновницынъ выхвалялъ опять храбрость мою, онъ сердито ему сказалъ:

— Я прошу васъ не брать съ собою Маевского: я отдамъ

это и въ приказѣ по арміи. Вы и такъ лишили меня достойныхъ людей; а если я потеряю еще и Маевского, такъ я останусь, какъ безъ рукъ». (Это часто повторялъ онъ и при мнѣ, при каждой перемены моего лица, говоря: «Любезный Маевскій, не болѣнъ-ли ты? Сохрани Богъ! Тогда я останусь, какъ безъ рукъ».)

Это легко могло и быть: я весь день просиживалъ у фельд-маршала: по-утру онъ отълаживалъ до вечера, а вечеромъ — до утра; отъ него уходилъ ночью въ 12-ть часовъ, а въ свѣту заготавливалъ 500 — 600 №№.

Я долженъ правду сказать, что оборожительный тонъ, даръ и обращеніе Кутузова составили ему друзей въ арміи и даже во всей Россіи. Его слова и ласки происходили отъ души, и не было человѣка, даже и огорченнаго имъ, который бы при новой ласкѣ не забылъ старой обиды или грубости, ему сдѣланной. Его приемъ всегда былъ отеческій; а въ бесѣдѣ съ нимъ забываешь всегда, что ему 70 лѣтъ. Онъ сохранилъ для насъ древній характеръ и російской грубости, и русской доброты. Манаера его приемовъ въ отношеніи ко мнѣ на походѣ и на мѣстѣ, въ чертогахъ или курной избѣ: я чуть свѣтъ прихожу къ Кововницину, а сей, послѣ долгихъ споровъ, отсылаетъ къ фельд-маршалу. Въ 7-мъ часовъ иду къ сему послѣднему. Когда растворяются двери прямо къ нему, я, какъ свѣча, стою у этого отверстія. Фельдмаршалъ подзоветъ меня и всегда одно и тоже скажетъ мнѣ: «Любезный Маевскій, подожди, я сейчасъ подпишу бумажки твои». Но вдругъ — походъ, вдругъ некогда, вдругъ развлеченія, — и бумажки ¹⁾ остаются на завтра, завтра и завтра! Когда пройдетъ много такихъ дней, тогда фельдмаршалъ говоритъ: «Не сердись, любезный Маевскій, я, право, завтра подпишу бумажки твои», и рѣдко когда не сдержитъ слова.

Когда бываетъ день доклада, докладчикъ всегда садится противъ него. Фельдмаршалъ всегда говоритъ: «Любезный N. N., садись; я не могу смотрѣть, когда кто стоитъ; у меня рябитъ въ глазахъ», которые тутъ же онъ протираетъ и разглаживаетъ свою руку, въ коей былъ 40-лѣтній фонтанель.

Въ ягрѣ словъ онъ часто шутилъ: «Охти! какъ я не люблю этихъ бумажекъ. Мнѣ счастливится отдѣлаться отъ всѣхъ, кромѣ

¹⁾ Кутузовъ имѣлъ привычку все выговаривать смягчительно, или въ уменьшенномъ видѣ: «бумажки» и т. д.

Маевского; но этотъ человѣкъ всегда возьметъ такую позицію, что я вижу его, какъ свѣчу. Мнѣ жаль его: я не могу отказать ему и долженъ иногда по неволѣ работать съ нимъ».

Отдавая приказанія, онъ всегда говаривалъ: «Напиши то, или то; я знаю, любезный Маевскій, что ты хорошо это обниmeshь и хорошо, очень хорошо напишешь»¹⁾.

По тѣмъ же расчетамъ, по коимъ палъ Бениксонъ, началъ упадать и Коновницынъ; ибо слишкомъ прославляемая въ Петербургѣ слава его начала рябить въ глазахъ Кутузова. Онъ вручилъ мнѣ всѣ дѣла, всѣ доклады и велѣлъ распечатывать и исполнять имянные повелѣнія, прибавя: «Ты одинъ только будешь мнѣ за это отвѣтствовать». Съ этого времени Коновницынъ былъ какъ чужой и почти не имѣлъ ни на что вліянія, тѣмъ больше, что Кутузовъ принудилъ себя—занимался лично: со мною, съ Безроднымъ²⁾ и Толемъ, который, послѣ отступленія непріятеля изъ Москвы, началъ играть большое лицо, независимо отъ Коновницына.

VII.

Бѣгство непріятеля.

Гвардія при Красномъ. — Кн. Кудашевъ. — Генералъ Марковъ. — Въ Вильнѣ. — Назначеніе Ермолова начальникомъ артиллеріи. — Опорманъ. — «Инструкція генералъ-полиціймейстера». — Первый докладъ императору Александру.

1812 г.

Къ Красному мы пришли днемъ раньше французовъ и остановились—было на большой дорогѣ. Но Кутузовъ разсчелъ, что эта ширма можетъ служить и западнею для Наполеона, и безславіемъ для Кутузова, ежели первый успѣетъ прорвать ширму и уйти въ глазахъ «спасителя отечества», ибо нельзя остановить цѣлую армію. Онъ выбралъ среднее: отошелъ въ сторону версты

¹⁾ Поздно, въ одинъ вечеръ, призываетъ онъ меня, говоря: «Теперь возвращаются прощенные поляки; имъ положенъ срокъ возвращенія. Но пока таможни получать разрѣшеніе, срокъ этотъ пройдетъ и они лишатся дарованной имъ милости. Какъ ты, думаешь, поправить это неудобство, которое, впрочемъ, зависитъ не отъ насъ?» — «Считать срокъ съ возвращенія ихъ въ таможню», отвѣтилъ я. — «Да, да! точно такъ думалъ и я: твоя мысль встрѣтилась съ моею». С. М.

²⁾ Это тотъ самый Безродный, который играетъ роль въ запискахъ Д. Н. Ваятыша-Каменскаго: «Шемакинъ-судъ въ XIX вѣкѣ». См. «Русская Старина» изд. 1873 г., т. VII, стр. 735—785. Ред.

три п, оставляя дорогу въ виду у себя, чертилъ въ умѣ, какъ нанести ему ударъ сильнѣе обыкновеннаго... Но пламенный кн. Кудашевъ, зять его и совѣтникъ, горя желаніемъ—однимъ ударомъ рѣшить судьбу Наполеона и Россіи, установился на самой дорогѣ, или, какъ говорится, лобъ въ лобъ Наполеону! Я, по привычѣ, обскакалъ эту линію и Кудашевъ поручилъ мнѣ просить свѣтлѣйшаго придать ему войска, но что онъ ручается честью разбить все наголову и не выпустить ни души. Едва я сказалъ фельдмаршалу, какъ онъ закричалъ на меня:

— «Скажи ты къ этому..... скажи ему, чтобы онъ сію же минуту оставилъ свое предпріятіе и очистилъ дорогу. Онъ ребенокъ и думаетъ, что это идетъ дѣло съ обыкновеннымъ человекомъ; а не знаетъ того, что его ожидаетъ. Мы имѣемъ дѣло съ Наполеономъ! А такихъ воиновъ, какъ онъ, нельзя остановить безъ ужасной потери. Для насъ довольно и очень довольно выгнать его изъ Россіи и уничтожить посреди бѣгства».

На ночь подоспѣла къ намъ гвардія. Она, кромѣ избы фельдмаршала, уничтожила и сожгла всѣ другія. Фельдмаршалъ, выходя къ нимъ, одобрялъ ихъ попеченіе о себѣ, и просилъ побережь только его избу, чтобы было гдѣ самому ему согрѣться. Это воспламенило воиновъ. И надо было видѣть, что въ эту ночь происходило!.. Къ этому своевольству, сумятицѣ и шуму присоединился ужасный холодъ. И посреди жалостной картины бивака, къ фельдмаршалу врывается въ полночь офицеръ французскаго войска и просить помилованія и спасенія. Это встревожило его и насъ, а кончилось смѣшнымъ, но жестокимъ. Къ Ермолову привели въ полночь плѣнныхъ, а онъ былъ утомленъ и сердитъ. Въ такомъ худомъ расположеніи онъ говоритъ приведенному ихъ казацкому офицеру: «Охота тебѣ возиться съ ними; ты бы ихъ тамъ же....» Для казака этого было довольно. Онъ вышелъ и тутъ же принялъ ихъ всѣхъ въ дротики. Одинъ изъ нихъ сорвался съ копья и полетѣлъ прямо къ фельдмаршалу, гдѣ онъ былъ принятъ и успокоенъ по-отечески.

Кутузовъ, не зная зла, сотворенъ былъ для добра. Но добро сіе такъ умно и значительно было соразмѣряемо, что оно не растроивало цѣлаго. Нѣкто генералъ Марковъ, 30-лѣтній товарищъ и фаворитъ Кутузова, въ надеждѣ на его милости, погубилъ себя языкомъ своимъ,—растроился съ Чичаговымъ и, будучи отрѣ-

шенъ отъ команды, явился къ Кутузову. Кутузовъ принялъ его, какъ стараго знакомаго, и какъ-будто онъ ничего не знаетъ прошедшаго. Марковъ вообразилъ, что тутъ-то наступаетъ время его и тутъ-то отличится онъ преимуществами. Ничего не бывало. Кутузовъ видѣлъ его у себя всякій день, говорилъ съ нимъ ласково, но болѣе ничего. Въ день Красненскаго сраженія, Марковъ подъѣзжаетъ къ Кутузову, говоря: «Позвольте, ваша свѣтлость, поѣхать туда (т. е. въ сраженіе)», полагая, что Кутузовъ дастъ ему команду. «Поѣзжай, мой милый, посмотри, что тамъ дѣлается, и скажи намъ». Вотъ чѣмъ отвѣтилъ Кутузовъ! Другой попытки Марковъ уже не дѣлалъ. Не прежде 3—4 мѣсяцевъ, и тогда уже, когда Чичагова не было, Марковъ получилъ корпусъ; но и симъ не долго командовалъ. Кутузовъ, говоря о валантныхъ генералахъ, на счетъ Маркова говорилъ:

— «Я бы далъ корпусъ Е. П. (такъ звали Маркова); но П. В. (такъ звали Чичагова) подумаетъ, что я потворю тѣмъ, которыхъ онъ прогналъ изъ своей арміи».

Въ томъ вѣкъ можно было найти возможность примириться съ сдѣланною глупостью и исправить ошибку по службѣ, не разстроивая себя на всю жизнь, не теряя даже лавра, прежнею службою приобрѣтеннаго. Это много помогало усердію и средству сберечь достойныхъ. Кто же изъ людей вѣкъ проводилъ безъ ошибки?

Сравнивая характеры одного, надобно коснуться и другихъ. Марковъ извѣстенъ былъ въ арміи остротою и интригами. Долго удавалось все его проискавъ и ласкательству. Послѣ долгой моей разлуки съ нимъ, я первую встрѣчу имѣлъ съ нимъ въ Луцкѣ, гдѣ онъ, во вредъ себѣ, вредилъ мнѣ. Во второй разъ засталъ я его въ Красномъ, въ кабинетѣ фельдмаршала, гдѣ онъ игралъ роль домашняго человѣка. Я, по обыкновенію, усѣлся и началъ работать съ фельдмаршаломъ. Кутузовъ все одобрялъ и подписывалъ. Но является полиціймейстеръ высшей полиціи: я собираю бумаги и хочу дать имъ просторъ, зная, что тайна ихъ есть тайна лично дворянъ. Кутузовъ, останавливая меня, говоритъ:

— «Не уходи, любезный Маевскій, ты у меня не лишній человѣкъ,—ты можешь побыть здѣсь и погрѣться у каміна, пока мы поговоримъ».

Марковъ догадался, что присутствіе его не у мѣста, вышелъ

вонъ, а за нимъ вышелъ и я. Тамъ Марковъ встрѣтилъ меня съ извѣтельной насмѣшкою, говоря:

- «Ты, Маевскій, нынче очень спѣсивъ».
- Столько, сколько мнѣ надобно, отвѣчалъ я.
- «Ты что-то много навѣсилъ крестовъ».
- Столько, сколько я заслужилъ.

До Вильны мы съ нимъ не видались. Тамъ замѣтилъ онъ, что ему многое не благопріятствуетъ, а мнѣ—напротивъ. Итакъ, онъ началъ ласкаться ко мнѣ и предлагать свои услуги до низости, разглашая, между тѣмъ, что онъ развилъ мои способности и что я до него не умѣлъ связать десять словъ.

Изъ Краснаго быстро дошли мы до Копыса; тамъ остановились заготовить продовольствіе. Но, по мнѣнію многихъ, здѣсь Березина играла ту же роль, что и армія Наполеона подъ Краснымъ.

Изъ Копыса на почтовыхъ прискакали мы въ Вильну. Это мѣсто было какъ родное Кутузову: тамъ любили его всѣ и онъ любилъ безъ разбора всѣхъ. Тутъ было уже не до дѣла. Цѣлая недѣля прошла въ свиданіяхъ, въ разговорахъ, ласкахъ и нѣжностяхъ. Я и дѣла мои были позабыты. Но послѣ трудности эти еще болѣе увеличились: собрались 3—4 арміи, прибылъ дворъ и я ежедневно слышалъ, въ 12-ть часовъ утра: «приди вечеркомъ», а въ 12-ть часовъ ночи: «завтра, завтра подпишу бумажки твои». Наконецъ, все установилось и дѣла пошли своимъ порядкомъ.

Въ одинъ день я докладываю фельдмаршалу, что, по случаю соединенія всѣхъ армій, нужно назначить одного начальника артиллеріи.

— «Кого же лучше, какъ не Д. П. Рѣзваго?» отвѣчалъ князь, «онъ человекъ умный и знаетъ это дѣло лучше всѣхъ».

Вдругъ докладываютъ, что гр. Аракчеевъ пріѣхалъ къ свѣтлѣйшему. И представьте наше удивленіе: графъ говоритъ о томъ же, о чемъ говорили и мы за минуту до него; но разговоръ былъ въ другомъ уже тонѣ и духѣ.

Гр. Аракчеевъ: «Государю императору угодно соединить командованіе всею артиллерією въ лицѣ одного артиллерійскаго генерала; а выборъ послѣдняго представляетъ вашей свѣтлости. Его величество думаетъ, что всего ближе дать этотъ постъ А. П. Ермолову».

Кутузовъ: «Вотъ спросите у него (указывая на меня): мы сію минуту объ этомъ только говорили. И я самъ хотѣлъ просить государя императора, чтобы назначенъ былъ А. П. Ермоловъ. Да и можно-ли назначить лучше кого другаго?»

Надобно примѣтить, что Кутузовъ ненавидѣлъ съ нѣкотораго времени Ермолова, а Аракчеевъ — Рѣзваго.

Когда я сказалъ Ермолову, бывшему въ залѣ, о его назначеніи, онъ отвѣчалъ:

— «Слава Богу! хоть разъ не помѣшали мнѣ».

Въ Вильнѣ все начало перемѣняться: Коновницынъ сталъ упадать, Толь — возвышаться; но роль моя ни мало отъ того не перемѣнилась. Скажу мимоходомъ о себѣ. Кутузовъ, получивъ антипатію къ Коновницину, который сталъ уже проситься въ Петербургъ, чтобы опочить на лаврахъ побѣдъ, готовилъ въ умѣ на его мѣсто Опермана, извѣстнаго умомъ и тонкостью. Толю крайне не хотѣлось этого совмѣстничества, которое бы лишило его, ежели не всѣхъ, то, конечно, на половину лавровыхъ цвѣтовъ, которые начали уже тутъ слишкомъ сильно для него прозябать; мѣры были напрасны, а Оперманъ началъ получать силу.

Въ одинъ день призываетъ меня Кутузовъ, говоря:

— «Любезный Маевскій, я просилъ Опермана, Коновницина, Бороздина и Толя, чтобы они вмѣстѣ съ тобою потолововали и рѣшили запросъ Бороздина. Желанія его, какъ мнѣ кажется, прихотливы и довольно неудобно исполнительны».

А Толь мимоходомъ замѣтилъ мнѣ:

— «Отбить умствованія у Опермана, чтобы онъ впередъ не вмѣшивался въ наши дѣла и чтобы сдѣлать его ненужнымъ Кутузову».

Бороздину дано было порученіе собирать въ тылу арміи плѣнныхъ, непріятельскіе ящики, орудія и проч., и проч. Онъ требовалъ полновластиа и денегъ. Оперманъ дѣлалъ двусмысленныя рѣшенія; Коновницынъ твердилъ: «нельзя, нельзя; онъ хочетъ королевской власти». Итакъ, все это родило одни толки и ничѣмъ не рѣшалось. Но дѣло шло о томъ, чтобы въ тотъ же вечеръ сказать Кутузову наше рѣшеніе. Я замѣтилъ больше неопытность, чѣмъ затрудненіе, и рѣшилъ Бороздину дать открытый листъ, съ предъявленіемъ котораго всѣ власти исполняли бы его требованія въ одной силѣ съ повелѣніями фельдмаршала.

Бороздинъ былъ обрадованъ, а прочіе согласились безъ преко-словія. Но Оперманъ, увеличившій сіе дѣло въ глазахъ Кутузова, упалъ въ его мѣшнѣ. И точно, не мѣшался уже больше въ наши дѣла.

Коновницину хотѣлось пристроить при арміи Эртеля, кото-рый также лишился команды въ арміи Чичагова. Сдѣлать его простымъ полиціймейстеромъ было мало; увеличить власть — было ново. Уравновѣсить это Коновницинъ возложилъ на меня. Я предоставилъ Эртелю изложить его мысль на бумагѣ; но, уви-дѣвши, что онъ желаетъ карать и вѣшать, отказался отъ повто-ренія уродливаго этого желанія. Коновницинъ, потерявъ терпѣ-ніе, спрашиваетъ меня: «почему нѣтъ до сихъ поръ инструкціи военнаго генераль-полиціймейстера?» Меня это взбѣсило и я ска-залъ на отрѣзъ, что безъ собственной идеи Коновницина, я не знаю, что писать. «Это пустяки», подхватилъ Коновницинъ. «Если бы я имѣлъ время, я бы самъ написалъ. Принесите мнѣ Желтую книгу, я вамъ покажу, что тамъ все написано». Книгу принесли; но тамъ ничего не нашли. Тогда Коновницинъ, смяг-чивъ тонъ, сказалъ: «пожалуйста, напишите какъ знаете; я увѣ-ренъ, что вы хорошо напишите».

Инструкція родилась на другой день, и я имѣлъ два торже-ства: сотворить генераль-полиціймейстера и военные дороги, ко-ихъ до меня не знали въ арміяхъ.

Въ Вильнѣ примѣтно обтирались лавры Коновницина до того, что онъ, кромѣ общихъ представленій, не бывалъ самъ по себѣ у фельдмаршала. Въ одинъ день даетъ онъ мнѣ запечатан-ный рапортъ Кутузову о награжденіи Безроднаго орденомъ св. Анны 1-й степени. Этотъ способъ списываться удивилъ столько же фельдмаршала, сколько и меня. Но значеніе Коновницина явно переходило на мою сторону и поминутно въ одномъ уси-ливалось довѣренность, а въ другомъ — уваженіе; такъ всегда было и будетъ въ свѣтѣ.

Въ это же время Милорадовичъ присылаетъ за мною. Я застаю у него всю грамотную орду авангарда, составляющую реляціи. Милорадовичъ былъ недоволенъ ни одною изъ нихъ и продер-жалъ меня до вечера. Между тѣмъ, цесаревичъ (Константинъ Павловичъ) хотѣлъ объясниться со мной и сдѣлать какое-то по-

ложение на счетъ кавалеріи; но, не найдя меня нигдѣ, сердился и въ нетерпѣніи безпрестанно твердилъ: «гдѣ онъ таскается?»

Я помню, какъ въ одно утро принесли готово-написанный приказъ къ фельдмаршалу, гдѣ отъ имени его напоминалось о Суворовѣ. Фельдмаршалу прочитали его ¹⁾, и все, кромѣ имени, ему понравилось. Но чтобы скрыть ревность свою, онъ раскрылъ ее слѣдующимъ разговоромъ:

— «Конечно, Александръ Васильевичъ былъ великій полководецъ. Но ему не представилось еще тогда спасти отечество. Я, вставая и ложась, молю Бога, что я русскій и что судьбы Его дали ~~мнѣ~~ случай спасти отечество».

Этотъ девизъ былъ всегдашнимъ и любимымъ его разговоромъ.

Въ Вильнѣ началъ докладывать дѣла Коновницынъ лично государю; но онъ скоро честь сію подъ рукою уступилъ Толю — въ видѣ чтеца.

Въ новый годъ, 1813 года, я ѣздилъ съ Кутузовымъ во дворецъ, и въ первый разъ въ жизни докладывалъ дѣла и былъ такъ близко обожаемаго Александра ²⁾.

Сообщ. Н. С. Маевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Теперь и къ простому полковнику не поднесутъ бумаги, которая родилась бы внѣ его головы. 1831 г. С. М.

²⁾ Изъ помѣтъ автора на поляхъ Записокъ видно, что приведенныя выше семь главъ были написаны: 17—19 и 23-го февраля. 4, 6, 7, 11, 12, 13, 16, 19 и 28-го марта 1831 года. Ред.

МОЙ ВѢКЪ или ИСТОРІЯ ГЕНЕРАЛА МАЕВСКАГО.

1779 — 1848.

VIII¹⁾.

За границей.

Кн. П. М. Волконской. — При Люценѣ. — «Повозки для равныхъ и цѣль для трусовъ». — Тѣнь Кутузова. — Отступление въ Бауцену. — Ермоловъ. — Производство меня въ полковника. — Моро, Жюини и Мишо въ сраженіи при Теплицѣ. — Кульмскій бой. — Толь. — Барклай-де-Толли. — Назначеніе меня шефомъ 13-го егерскаго полка.

1813 г.

Въ Вильнѣ я получилъ чинъ военнаго совѣтника и орденъ св. Анны. Мѣсто Коновницына скоро заступилъ князь Волконскій, а я, по его приглашенію, остался при немъ и сохранилъ исполнѣ всю его довѣренность. Какъ мнѣ казалось, фельдмаршалъ этимъ выборомъ крайне былъ недоволенъ, потому что живой свидѣтель царя могъ ему передавать живую картину фельдмаршала; при томъ, съ нами онъ работалъ, когда хотѣлъ, а съ Волконскимъ работалъ хотя и по неволѣ, но безъ отказа. Къ тому, Волконскій необыкновенно дѣятеленъ и утомлялъ старика многочисленнымъ выслушиваніемъ дѣлъ. Это правда, что дѣла наши летѣли на парусахъ. Да и не мудрено: Волконскій въ одинъ день рѣшалъ то, что до него накоплялось мѣсяцами. Все, что касается до начальника штаба, подписывалъ безъ Коновницинскихъ предисловій; что нужно подносилъ фельдмаршалу, а чего сей не рѣ-

¹⁾ См. I—VII главы въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 125.
„РУССКАЯ СТАРИНА“, т. VIII, 1873 г. сентябрь.

паша, въ тотъ же день докладывалъ государю. Фельдмаршалу неприятно показалось быть въ зависимости князя Волконскаго. Онъ иногда отдѣльно призывалъ меня и дѣлалъ порученія; но это были метеоры въ сравненіи съ молніями въ бурную погоду. Бурною погодою называю я фабрику, на которой рѣшали мы въ день по 1,000 бумагъ. Я не понимаю, какъ на это доставало одного Волконскаго, который въ сутки могъ объѣздить: фельдмаршала, царя, всѣхъ королей, прочитатъ и подписать 1,000 бумагъ ¹⁾. Но Кутузову все хотѣлось замѣнить его Оперманомъ. А я думаю, что кромѣ Волконскаго, который, по привычкѣ къ царю, путя почти работалъ съ нимъ, никому другому не удалось бы двинуть столь быстро застой армейскихъ нашихъ дѣлъ.

До Дрездена дѣла наши шли въ обыкновенномъ быстромъ разливѣ. Но тамъ роскошь, нѣга и земныя удовольствія овладѣли нами. Я здѣсь заболѣлъ; но тоже, что лишило, возвратило и опять силы мои. Пока я былъ болѣнъ, дѣла мои подносилъ князю нѣкто Старынкевичъ. Но довѣренность перваго такъ была ко мнѣ велика, что онъ не подписывалъ ни одного (дѣла), пока я не напишу карандашемъ, что я читалъ и видѣлъ.

Отъ Люцена начинаю я новый періодъ жизни и службы моей. Наканунѣ сего дня, я, по обыкновенію, ѣхалъ къ мѣсту сраженія въ свитѣ царя. Мы 'проѣхали верхами цѣлую ночь. Отъ слабости здоровья и сырости ночи у меня разболѣлись зубы и сильно опухла щека. Волконскій, увидѣвши меня, ужаснулся. Но я просилъ позволенія быть при немъ въ дѣлѣ. Волконскій долго не вѣрилъ возможности; но уступилъ усиленной моей просьбѣ.

Надобно замѣтить, что это было первое сраженіе; гдѣ по плану моему приготовлены были повозки для раненыхъ и цѣпь — для удержанія трусовъ. Это сдѣлалось въ послѣдствіи закономъ и оставило лишніи тысячи въ рядахъ храбрыхъ. Объѣзжая поле сраженія, я замѣтилъ новость въ войнѣ, вызвался самъ осмо-

¹⁾ Мнѣ много способствовало то, что я могъ вдругъ диктовать тремъ пабѣю и безъ поправокъ. Это въ послѣдствіи дало мнѣ возможность писать все по моей диктовкѣ. Въ поселеніи жена моя списала такимъ образомъ цѣлые томы и написала всю Турецкую кампанію. С. М.

Рукописный трудъ С. И. Маевскаго: «Исторія турецкой войны» (1808 — 1812 гг.) занимаетъ семь частей, въ листъ убористаго письма, всего до 1,000 страницъ, съ приложеніями разныхъ документовъ, снимковъ, вѣдомостей и пр.

трѣть все и устроить все. Князь далъ мнѣ сотню лейбъ-казаковъ и я, осматривая всѣ закоулки, писалъ донесенія князю, а онъ докладывалъ государю. Съ сей минуты я пользовался у него военною довѣренностью и во всѣхъ сраженіяхъ былъ собственнымъ его глазомъ.

Сраженіе сіе сопровождалось большими погрѣшностями. Но армія дѣйствовала тѣнью еще Кутузова, ибо наканунѣ сраженія, адъютантъ Дипканецъ привезъ извѣстіе о смерти свѣтлѣйшаго и она сокрыта была съ величайшею тайною. Такова сила очарованія и общей любви и довѣренности!

Давъ себѣ слово не входить въ отвлеченныя обстоятельства, скажу, только то, что видѣлъ собственными глазами и дѣлалъ по собственному побужденію. По случаю смерти Кутузова, государь, кажется, принялъ на себя управленіе театромъ войны. Сильная довѣренность къ генію Толя ручалась за успѣхъ. Но вышло противное: Толь въ тотъ день сильно заболѣлъ и пролежалъ на курганѣ, гдѣ была главная квартира. Князь Волконскій дѣйствовалъ, сколько могъ; но дѣло, ему незнакомое, не шло на ладъ.

Мы пріѣхали къ Люцену тогда, какъ непріятеля вовсе почти не было. Храбрые пруссаки летѣли на бой съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ и очистили всю равнину. Но не было души, управляющей движеніями. Волонтеры бросались на батареи; но, не имѣя штыковъ, отбрасываемы были назадъ. Какой-то пруссакъ съ коннымъ полкомъ стоялъ на 100 шаговъ противъ 4-хъ непріятельскихъ орудій,—и обѣ стороны ни мало не обезпечивали себя. Волконскій безпрестанно посылалъ меня вводить войска въ бой. Я исполнялъ это съ честью, и съ помощью егерей очистилъ одну изъ 3-хъ укрѣпленныхъ деревень, которая пламенѣла отъ ружейныхъ и картечныхъ выстрѣловъ. Здѣсь ранили подо мной лошадь. Я возвращаюсь назадъ и вижу государя за загруднымъ ретраншаментомъ и на пистолетный выстрѣлъ отъ сражающихся. Государь, увидя меня, спросилъ:

— «Маевскій, что тамъ дѣлается?»

— Хорошо, государь, наши егеря дерутся и уже пронеслись на штыкахъ за самую деревню.

Государь, послалъ меня къ Волконскому сказать о семъ успѣхѣ и велѣлъ вводить въ дѣло прибывающіе корпуса. Вол-

конскій возложилъ это на меня, и я до самой ночи вводилъ корпуса: Сен-Пріеста, Коновницына и др.

Изъ-подъ Люцена отступили мы къ Бауцену. Здѣсь я былъ уже въ лицѣ государя. Государь наканунѣ генеральнаго сраженія, почти уже къ вечеру, приказываетъ Волконскому:

— «Волконскій, пошли надежнаго офицера найти передовыя войска и остановить ихъ тамъ, гдѣ онъ ихъ застанетъ».

Волконскій, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— «Маевскій, поѣзжайте: исполните волю государя».

Въ день генеральнаго сраженія подъ Бауценомъ, государь замѣтилъ впереди одну высоту незанятую, хотя подлѣ нее видны были войска. Государь, обращаясь къ Волконскому, сказалъ:

— «Волконскій, пошли отличнаго офицера и прикажи начальнику войска занять эту высоту».

Волконскій повторилъ мнѣ при царѣ вчерашній приказъ, и я вихремъ полетѣлъ къ высотѣ, самъ занялъ ее и устроилъ батарею противъ непріятеля, который, минутою спустя, упредилъ бы наше намѣреніе. Съ утра еще, когда я ѣхалъ въ сраженіе, встрѣтилъ я графа Аракчеева. Онъ подозвалъ меня къ себѣ, говоря:

— «Маевскій, скажите князю Волконскому, что нашъ правый флангъ въ огнѣ и что тамъ, кажется, не очень-то хорошо».

Я сказалъ это замѣчаніе Волконскому; но онъ принялъ его съ ироническою улыбкою. Правый флангъ нашъ къ вечеру, точно, былъ обойденъ и мы должны были отступить. Я видѣлъ здѣсь весь испугъ пруссаковъ и австрійцевъ, которые съ потерю Бауцена считали уже потерю Берлина и Вѣны. Одинъ только Александръ не потерялъ присутствія духа. У ногъ его, на ужасной высотѣ, ложились ядра необыкновенной величины. Всѣ окружающіе его пришли въ движеніе; но онъ одинъ какъ-будто былъ внѣ всякой опасности. Съ 11-ти часовъ утра до 6-ти вечера безпрестанно скакали къ нему и повторяли одно и то же, что правый нашъ флангъ отброшенъ и что мы обойдены; но Александръ всѣмъ отвѣчалъ одно:

— «Упрямый въ войнѣ всегда побѣдитъ».

Когда, наконецъ, пріѣхалъ Паленъ, а очевидность говорила намъ, что французы далеко у насъ въ тылу, тогда государь приказалъ арміи отступить, а Ермолову прикрыть отступленіе ся.

Ермоловъ симъ дѣломъ загладилъ ошибки Люцена и вообще управленія по артиллеріи.

Скажу объ Ермоловѣ. Когда его назначили начальникомъ артиллеріи, онъ безпрестанно затруднялъ Волконскаго; а подъ Люценомъ не зналъ, гдѣ его ящики и артиллерія. Это лишило его команды и милостей царя. Хотя я лично уважалъ Ермолова, но не мѣшаетъ мнѣ сказать мимоходомъ о поступкѣ его, имѣющемъ связь съ моею исторіею.

Предъ началомъ войны 1812 г., военный министръ Бареклай прожектировалъ устроить 4 осадныя роты. Война до половины кончилась безъ нихъ. На другой (годъ), или когда мы были уже за Вислою, спрашивалъ военного министра князь Герчаковъ: приводится-ли планъ Бареклая къ исполненію? Какъ общее движеніе дѣлъ, такъ и масштабъ разсужденія объ нихъ предоставлены были непосредственно мнѣ, — кому-жъ, думалъ я, рѣшить сей запросъ, какъ не Оперману и не Ермолову? Бумага послана, отвѣтъ полученъ и представленъ отъ насъ государю. Довѣренность къ талантамъ трактующихъ, а ближе — мое незнаніе не подозрѣвало въ нихъ грубой ошибки въ дѣлѣ государственномъ. Но что же вышло? Оперманъ и Ермоловъ составили смѣту огнестрѣльнымъ запасамъ въ такой пропорціи, каковой бы и нельзя было найти тогда въ Россіи. Графъ Аракчеевъ ужаснулся этой выкладки. Государь прогнѣвался на Волконскаго, а сей, какъ говорится, опрокинулся на меня. Я иду къ Ермолову, говорю ему и онъ, отыгрываясь, говоритъ:

— «Я не былъ введенъ въ тайну войны. Смѣта наша сдѣлана по правиламъ лучшихъ инженеровъ нашего времени. Но что много, этому я уже не виноватъ».

Я передаю смѣту Рѣзвому и онъ сдѣлалъ другую. Ермоловъ взялъ въ расчетъ крѣпости всѣхъ ранговъ, начиная съ Вислы, которую мы уже миновали, до Рейна, во всемъ ихъ протяженіи. Но это послужило урокомъ мнѣ, и я наизусть вытвердилъ Вобана и всѣхъ авторовъ съ комплектными вычисленіями осадъ, — и глупость одного раза не повторилась уже въ другой; а надежда на чужой умъ исчезла съ первымъ этимъ опытомъ.

Изъ подъ Бауцена мы пришли въ Штетинъ. Тамъ, между прочими, представленъ былъ и я къ золотой шпагѣ. Государь, разсматривая списки и остановившись на мнѣ, сказалъ:

— «Къ какой статѣ ему золотая шпага (не забудьте, что я былъ тогда военнымъ совѣтникомъ)? Ему дать чинъ: онъ будетъ славный офицеръ!»

Князь Волконскій, придя ко мнѣ въ дежурство, говорить:

— «Я представлялъ васъ въ золотой шпагѣ; но государю угодно дать вамъ военный чинъ. Согласны-ли вы принять его?»

Не зная происходившаго, я отвѣчалъ:

— Позвольте ваше сіятельство узнать мнѣ, какой чинъ государь изволитъ мнѣ жаловать (полагая, по тогдашнему, чинъ капитана, а много майора)?

Волконскій отвѣчалъ:

— «Натурально, полковничій».

— О, когда такъ, то я милость сію считаю величайшею наградою и счастьемъ (и, въ самомъ дѣлѣ, она была образцовая въ Россіи).

На другой день (16-го мая 1813 г.) былъ я полковникъ и въ эполетахъ сего достоинства. Признаюсь въ моей слабости, этотъ чинъ и эти эполеты свели меня совсѣмъ съ ума. Не готовя себя никогда выше вице-губернатора, я тотчасъ обрисовалъ себѣ успѣхъ корпуснаго... И всякій день объѣзжалъ поля, рекогносцировалъ, разбиралъ всѣ ручьи, горы и даже кусты. Въ жару этого сумасбродства, двигалъ по полямъ мысленныя арміи. Разумѣется, что тутъ вездѣ я былъ Наполеонъ, вездѣ побѣдитель!

Среди такого военного бреда, я оставался старшимъ адъютантомъ главнаго штаба его императорскаго величества и управлялъ общею военно-походною канцеляріею. Но когда кн. Барклай, послѣ Бауцена, заступилъ мѣсто Кутузова, то и штабъ нашъ, кромѣ меня, перешелъ къ Барклаю.

Перемиріе продолжалось не долго. Прагскій конгрессъ разразилъ военныя бури, и мы пошли къ Дрездену чрезъ Богемію. Неудачное дѣло привело насъ къ Теплицу. Въ этомъ походѣ я видѣлъ, какъ два великіе военные генія, Моро и Жюмини, сблизившись съ собою въ первый разъ, раскрыли и даръ свой, и ошибки. Я видѣлъ, какъ Моро потерялъ ноги, какъ несли его гренадеры; какъ Жюмини струсилъ и какъ Мишо занялъ высокое ихъ мѣсто.

Въ Теплицѣ я почти всякій день бывалъ въ дѣлахъ противъ непріятеля. Самый походъ нашъ туда и день боя можно отнести

только къ глупости Наполеона ¹⁾ и къ нашему счастью. Представьте высоты горъ, усѣянные экипажами, войско, идущее подъ облаками въ кучкахъ по сто, по полутора ста человекъ вмѣстѣ, а въ тылу у нихъ, у воротъ почти Теплица, обширный корпусъ Вандама,—и тогда вы можете заключить, что могло тогда быть съ нами!... Но великъ, великъ Богъ русскій! Велика глупость (!) Наполеона! Пруссскій король и цесаревичъ схватили перво-попавшіяся имъ горсти солдатъ, сами вводили ихъ въ дѣло, и едва-едва набрали 2 — 3 тысячи человекъ: такова была наша опасность! Но когда гвардія пробилась сквозь французовъ и ущелья, тогда мы имѣли твердую передовую ширму. Однако-жъ, только что ширму. Государь отдалъ уже приказъ ретироваться дальше; но Барклай устоялъ дать сраженіе,—и мы приобрѣли большіе лавры въ Вандамѣ ²⁾. Въ этомъ дѣлѣ я съ самаго утра былъ въ отъѣздѣ; лично самъ взялъ пушки и посланъ былъ отъ Милорадовича поздравить Барклая съ побѣдою. Подо мной убили лошадь и я довершилъ сраженіе на простой казачей. На этомъ полу-буцефалѣ подѣхалъ я къ Барклаю, стоявшему подлѣ государя. Барклай, принявъ отъ меня поздравленіе, обратился къ государю, говоря:

— «Ваше величество! имѣю счастье поздравить васъ съ совершенною побѣдою», указывая на меня и показывая тѣмъ весь разговоръ, который слышалъ государь. Волконскій спросилъ у меня:

— «Маевскій, у тебя вѣрно убита лошадь?»

— Да, убита, отвѣчалъ я.

Волконскій меня обласкалъ, а государь удостоилъ самую очаровательную своею улыбкою!

Послѣ быстрыхъ или взаимно промелькнувшихъ поздравленій, которыя мгновенно воскресили общую радость, государь говорить Барклаю:

— «Ваше сіятельство изволите распорядить и преслѣдовать непріятеля».

Но Толь, ни мало не обдумавши вѣсь словъ, почти прокричалъ:

¹⁾ Разъясненіе глупости Наполеона, вслѣдствіе которой уничтоженъ былъ Вандамъ, см. въ сочиненіи Жюминъ, т. II, стр. 413. Ред.

²⁾ О плѣненіи Вандама см. интересный разсказъ очевидца, П. А. Колзакъ, записанный К. П. Колзакъ-вымъ и помѣщенный въ «Русской Старинѣ», изд. 1870 г., т. II. Ред.

— «Государь, намъ не должно повторять той глупости, которую сдѣлалъ Вандамъ и преслѣдовать его» и т. д...

Государь, обруженный свидѣтелями, составлявшими лицо Европы, пораженъ былъ неумѣстнымъ выраженіемъ Толя. Но, цѣня пользу выше честолюбія, согласился съ Толемъ и тутъ же отдалъ другое приказаніе.

Барклай до сей минуты совсѣмъ почти не зналъ меня, и я мало почти и видѣлъ его вблизи. Но здѣсь ему угодно было, чтобы я велъ его на мѣсто боя. Деревня, которую я оставилъ въ огнѣ, пылала уже со всѣхъ сторонъ самымъ яркимъ пламенемъ; пороховые ящики взрывались на воздухъ и не давали подступить въ деревнѣ. Не зная другой дороги, я бросился влѣво, нашелъ тропинку и повелъ Барклая по незнакомому пути, прямо на пирамидальную высоту, гдѣ была обсерваторія и гдѣ Вандамъ находился во все время сраженія. Радуюсь хладнокровію и благородству Барклая,—ибо всякій другой принялъ бы кривизну путей за вѣроломство и дурное намѣреніе,—я, чтобы выказать чистое усердіе и оградить его отъ несчастія быть извнѣ застрѣлену, взлетѣлъ одинъ на обсерваторію. И представьте себѣ ужасъ мой! Тутъ застаю я до 100 вооруженныхъ французовъ, которые, утѣшившись, конечно, не менѣе меня, ѣхавшихъ за мной, къ счастью моему, начали бросать ружья и кричать: «пардонъ!» Барклай все это видѣлъ; но не показалъ и знака неудовольствія. Великая душа его истинно умѣла различать зло отъ добра. Со всякимъ другимъ я могъ дорого заплатить за излишнюю смѣлость — навестъ фельдмаршала на опасное мѣсто.

Это было послѣднее торжество мое въ лицѣ государя; ибо, вскорѣ послѣ того я получилъ полкъ и фантазировалъ уже не одинъ, но съ помощію 2,000 славнѣйшихъ егерей.

IX.

Шефство.

Графъ Воронцовъ предлагаетъ полкъ. — Соперничество Аракчеева съ Волконскимъ. — Отѣздъ въ полкъ. — Товарищи. — Опасная шутка. — Возрожденіе 13-го егерскаго полка. — Гамбургъ. — Въ Нидерландахъ. — Битва при Краонѣ. —

Торжество мопхъ егерей. — Рядъ бѣтв. — Походъ на Парижъ.

1813 — 1814 г.

Дѣло при Кульмѣ возвысило славу мою, и я заслужилъ всеобщее одобреніе и поздравленія. Генераль Раевскій, поздравляя

меня съ своей стороны, прибавилъ самую лестную похвалу, говоря:

— «Когда мнѣ сказали, что адъютантъ главнаго штаба отбилъ пушки, я ту же минуту сказалъ: это вѣрно Маевскій».

За сіе дѣло я былъ представленъ къ Георгію и иностранному знаку; но то, что возвышаетъ, часто и уничтожаетъ насъ. Еще въ Рейхенбахѣ, т. е. во время перемирія, неожиданно получилъ я письмо графа Воронцова слѣдующаго содержанія: «Ежели вамъ угодно исполнить общую нашу просьбу и принять въ свою команду 13-й егерскій полкъ, то стоитъ только вамъ подать фельдмаршалу прилагаемый при семъ рапортъ». Кто не забылъ еще мечты мои въ первые дни полковничьихъ эполетовъ, тотъ весьма скоро догадается, до какого восхищенія могло меня привести такое предложеніе,—предложеніе, которому не было еще примѣра, котораго я никакъ не ожидалъ и которое, по тогдашнему понятію вещей, ставило меня на верхъ совершеннѣйшаго счастья. Однако-жъ, борьба страсти съ благодарностью уступила веѣ права послѣдней. Я полушумомъ бѣгу къ Волконскому, объявляю ему желаніе графа Воронцова, и когда Волконскій сказалъ:

— «Это пустяки; это отъ тебя не уйдетъ».

Я спросилъ у него:

— Что же я буду отвѣчать графу Воронцову, на столь лестное для меня предложеніе?

— «Напиши ему», подхватилъ кн. Волконскій, что я прошу его оставить тебя у меня, для меня».

Уже 13-й полкъ получилъ другаго шефа, уже я отчаялся когда-либо двигать мою армію и гремѣть побѣдами, какъ вдругъ въ Теплицѣ нѣкто Омеляненко показываетъ мнѣ новое обо мнѣ представленіе и собственноручную отмѣтку государя императора (20-го сентября 1813 г.) слѣдующаго содержанія: «Маевского, какъ отличнаго и извѣстнаго мнѣ штабъ-офицера, назначить шефомъ 13-го егерскаго полка». Вотъ что поставило противъ меня князя Волконскаго и лишило всѣхъ трофеевъ за Кульмъ! Надо замѣтить ходъ страннаго моего назначенія. Графу Воронцову непременно хотѣлось имѣть меня у себя въ корпусѣ и изъ личностей къ князю, съ которымъ онъ былъ не въ ладахъ, и чтобъ болѣе его огорчить, онъ далъ ходъ представленію мимо князя къ Барклаю. Посредствомъ Сабанѣева докладъ сей сдѣланъ не чрезъ князя, а

чрезъ Аракчеева. Аракчеевъ, обрадовавшись, что можетъ оторвать меня отъ князя, который сдѣлался ему соперникомъ и болѣе имѣлъ вѣсу въ дѣлахъ ¹⁾), безпрекословно взялъ сей трудъ на себя, тогда какъ всѣ дѣла шли чрезъ князя, а не чрезъ него. Я въ это время былъ очень болѣнъ отъ ушиба въ бокъ въ Кульмскомъ сраженіи и ничего не зналъ о происходившемъ между сіятельными. Но это-то и ввело меня въ подозрѣніе у князя, и онъ долго былъ непримиримъ. Уже во Франкфуртъ-на-Майнѣ явился я къ князю Волконскому. Онъ сначала не принялъ меня; а потомъ, выйдя ко мнѣ, сказалъ:

— «Богъ тебѣ судья, ты бросилъ меня».

Сколько я ни увѣрялъ его въ невинности моей, онъ остался неумолимъ. Наконецъ, говорю:

— Ваше сіятельство, я не имѣю ни гроша,—и каково будетъ вамъ, когда полковникъ, имѣвшій стачіе служить подъ вашей командой, отправится почти пѣшкомъ къ новому назначенію.

— «Вы къ шефству проложили себѣ путь безъ меня; слѣдственно и къ деньгамъ можете проложить путь безъ меня».

— Ваше сіятельство, отвѣчалъ я, къ шефству проложилъ я путь заслугами и честію, къ деньгамъ же не знаю другаго пути, кромѣ вашего сіятельства.

Однако же, все это не помогло, я я съ 100 руб. долженъ былъ отправиться изъ Франкфурта въ Гамбургъ, ѣхавъ — то на форшпанѣ, то на почтовыхъ, то кое-какъ. Въ ГанOVERѣ какая-то добрая гановрянка дала мнѣ въ долгъ 100 рублей, которые я и отослалъ ей тогда же съ нарочнымъ. Надобно примѣтить, что я въ званіи военнаго совѣтника получалъ жалованья 400 рублей серебромъ и 15 рублей въ сутки столовыхъ денегъ. Въ званіи же полковника получалъ жалованья по чину и тѣже столовыя. Но военный образъ жизни имѣетъ много дыръ, въ которыя деньги сыплются. Взятковъ и барышей я во всю жизнь мою не терпѣлъ, да и дѣти мои не позволяютъ себѣ подарковъ даже и отъ родныхъ.—Глаголъ брать такъ соблазнительно, что онъ съ первымъ шагомъ обращается въ болѣзненную натуру.

На дорогѣ присталъ ко мнѣ какой-то венгерскій дезертиръ. Онъ былъ у меня и факторомъ, и переводчикомъ. Не понимая себя, мы

¹⁾ Отъ того, что князь былъ всегда на лицо, а графъ въ безпрестанныхъ отлучкахъ.

выразительно изъяснялись пантомимами. Онъ зналъ нѣсколько по-славянски,—а я по-нѣмецки, и онъ удивлялся совершенству моему въ этомъ языкѣ, котораго, однако же, со всѣмъ онъ не понималъ. По проворству этого человѣка, я избавленъ былъ отъ многихъ хлопотъ въ таковой землѣ, языка которой я вовсе не зналъ. Онъ всегда приготовить слухъ къ важности моего чина, приищетъ мнѣ славную квартиру, услугу и форшнанъ. Въ одно время усадилъ онъ меня въ коляску какой-то нѣмецкой трактирщицы, дѣлавшей вояжъ за 3 или 4 мили отъ мѣста своего пребыванія, и она везла меня съ собою все это разстояніе, а въ домѣ приняла, какъ стариннаго друга ея дома.

Пріѣхавъ къ полку, я обрадованъ былъ встрѣчею съ двумя моими друзьями, Красовскимъ и Дунаевымъ. Графъ Воронцовъ принялъ меня отлично и мы четверо составили какъ-будто родъ особаго товарищества. Графъ въ обращеніи съ военными-подчиненными имѣлъ весь даръ очарованія. Онъ былъ обожаемъ отъ офицера до солдата. Въ минуту боя онъ требовалъ самоотверженія; внѣ боя—любилъ свободу и простоту; за его столомъ обѣдывало насъ по 100, по 200 человѣкъ; его домъ былъ нашею гостинницею, гдѣ мы жили безвыходно. Частые концерты, праздники и угощенія подслащивали жизнь бивуачную и единообразную. Посреди такого образа жизни, который сроденъ натурѣ военнаго, мы забывали опасности и пріятно наслаждались жизнію.

Во все это время тишина сражала меня; я рвался въ поле посмотреть на самаго себя и увѣриться въ существительности моихъ мечтаній. Но на зло мое, дѣла нигдѣ не было, а заводить свое стоило бы мнѣ слишкомъ дорого.

Подъ Глюштатомъ датчане напали врасплохъ на изюмскихъ гусаръ и довольно ихъ помяли. По просьбѣ Палена, графъ отрядилъ меня съ полкомъ, и я въ воображеніи моемъ начерталъ уже планъ сраженія. Но и тутъ какъ-будто самъ дьяволъ вмѣшался въ дѣло мое, и я, кромѣ бутылочныхъ пробоекъ, не слыхалъ другаго выстрѣла. Признаюсь, пьянство гусаръ такъ опротивѣло мнѣ, что я готовъ былъ отказаться отъ всякаго ихъ товарищества.

Безъ смѣха не могу вспомнить одного случая, который долженъ быть большимъ урокомъ для всякаго военнаго, ежели только онъ опрометчивостью своею не захочетъ сдѣлать себѣ пятна и

несчастія. Многие изъ молодыхъ офицеровъ имѣютъ гибельную привычку дѣлать неумѣстные выходы насчетъ невѣжества поселяннина. Одна изъ нихъ чуть-чуть не стоила рѣки крови. Графу Воронцову дали знать, что въ одну изъ близъ-лежащихъ къ намъ деревень ожидаютъ на ночь французы. Чтобы упредить опасное это сосѣдство и нанести имъ неожиданный ударъ, графъ отрядилъ туда цѣлую роту съ крестьяниномъ, принесшимъ это извѣстіе; а чтобы сохранить здѣсь всю военную осторожность и не дать въ возможный обманъ, графъ послалъ эту роту съ надежнымъ капитаномъ, придавъ ему въ руководители своего адъютанта Ягницкаго. Рота расположилась, выставила ведеты и капитанъ спокойно занялъ свою квартиру. По обыкновенію, солдаты поставили чайникъ и пиръ начался своимъ порядкомъ. Хозяинъ, сперва боязливый, потомъ пріятливый, а потомъ и услужливый, не видавши никогда ни русскихъ, ни французовъ, осмѣлился сдѣлать запросъ капитану. Этотъ изъ шалости и любопытства, чтобы лучше узнать прямое расположеніе жителей, назвалъ себя французомъ. Натурально, что они все вмѣстѣ ~~пробрали~~ ^{пробрали} русскихъ и въ веселомъ расположеніи духа составили для себя комическую забаву. Хозяинъ, однако, скрылся, и никому не пришло въ голову подозрѣвать его образа мыслей. Но что же вышло? Хозяинъ полетѣлъ къ графу Воронцову, увеличилъ число постоя и ввелъ его въ ошибку. Графъ полагая, что рота его ошиблась и взяла другое направленіе, посылаетъ туда баталіонъ, приказавъ ему обойти деревню съ непріятельской стороны, ударить и разбить мнимыхъ французовъ. Какъ приказано, такъ и сдѣлано. Но въ сіе время является къ графу адъютантъ Ягницкій. Графъ, послѣ немногихъ объясненій, узнаетъ ошибку, посылаетъ Ягницкаго, возлагаетъ на него упредить послѣдствіе. Это было далеко уже за полночь. Ягницкій летитъ стрѣлою къ атакующему баталіону, застаётъ его на позиціи и готового вступить въ дѣло. Съ другой стороны видитъ капитана, приготовившагося къ отпору. Быстрый умъ его рѣшилъ тотчасъ развязку: онъ ѣдетъ къ сторонѣ деревни и затягиваетъ русскую пѣсню: «Растоскуйся, разгорюйся»... Это удивило обѣ боевыя линіи и спасло отъ пролитія собственной крови. Часъ спустя, пѣсня эта обратилась бы въ погребальную!

Я засталъ въ моемъ полку двухъ полковниковъ: одного, ко-

торый старше меня—былъ трусъ и другаго, который былъ мо-
ложе — храбръ, какъ шпага, и простъ, какъ индѣецъ. Надобно
было съ обоими уладить. Первый ничего болѣе не зналъ, какъ
играть въ карты; второй—любилъ войну и гнѣвался на меня за
то, что я, по мнѣнію его, лишилъ его полка и славы. Заставъ полкъ
ограбленнымъ до гроша, я началъ тѣмъ, что подарилъ солда-
тамъ изъ собственныхъ моихъ денегъ, которыя сберегались у
Красовскаго, 1,000 рублей и приступилъ къ преобразованію ихъ—
изъ нищихъ въ солдаты. На музыку далъ другіе 2,000 рублей.
Черезъ мѣсяцъ, полкъ мой не узнавали: изъ замарашекъ, какъ
ихъ всѣ и всегда называли, солдаты сдѣлались парадною гвар-
діею графа Воронцова; это возвысило духъ моихъ товарищей
и надѣлало мнѣ пропасть враговъ по зависти. До того времени
храбрый полкъ какъ-будто бы гордился именемъ чернень-
каго; парадными назывались только полухрабрые, а сочетаніемъ
того и другаго вмѣстѣ никто еще не дорожилъ. Внутренній
огонь моихъ полковниковъ раздувалъ еще больше пламя зависти.
Но мой тонъ и прямота умѣли подставить всѣмъ большую пожар-
ную трубу и погасить огонь въ самомъ его воспламененіи. Не
было парада, котораго бы не украшалъ мой полкъ,—безъ моего
полка не было и парада. Графъ Воронцовъ прилѣпился къ нему
всею душою—по храбрости его въ войнѣ и по щегольству, кото-
раго онъ до меня не могъ ввести въ своемъ корпусѣ. Зависть на
крыльяхъ молвы обвиняла меня въ излишествѣ, а старая солдат-
чина удивлялась и не вѣрила, чтобы тотъ, кто взлетѣлъ на голову
сѣдыхъ полковниковъ и не былъ самъ ни солдатомъ, ни ефрей-
торомъ, могъ быть хорошимъ полковникомъ ¹⁾).

— «Это правда», говорили они, «что Маевскій въ войнѣ, мо-
жетъ быть, будетъ и храбръ. Но этого-ли одного требуется отъ
полковника? Ему надо знать круглое солдатское дѣло; а можно-
ли это знать статскому?».

Другіе же повторяли: «Говорятъ всѣ, что графъ умный чело-
вѣкъ. А можно-ли теперъ назвать его такимъ, когда онъ избралъ

¹⁾ Въ Лубнахъ, когда Дябичъ смотрѣлъ дивизію и нашелъ мой полкъ сти-
лянымъ, одинъ изъ полковниковъ упрекалъ меня: «Мы всѣ дослужились отъ
унтеръ-офицерскаго званія; а вы, какъ принцъ, вдругъ сдѣлались полковни-
комъ».

штатскаго и посадилъ на голову двумъ полковникамъ, которые родились и посѣдѣли между солдатами?»

Это мнѣніе смѣшило графа и утѣшало меня. Я искалъ случая разрубить эту молву и однимъ ударомъ истребить сомнѣніе; но случая не было, а гдѣ и были, тамъ другаго сажали мнѣ въ видѣ политическаго учителя. Я терпѣлъ такое униженіе и не смѣлъ до времени жаловаться.

Два раза подъ Гамбургомъ удалось мнѣ быть въ дѣлѣ; но сжатая моя воля не умѣла еще возвыситься до своего достоинства. Мнѣ было, однако же, пріятно, когда корпусъ офицеровъ 3-го баталіона пришелъ ко мнѣ весь, жалуясь, что я, вступая въ дѣло, беру только 1-й баталіонъ, а ихъ лишаю чести драться въ моемъ присутствіи.

— Гг., отвѣчалъ я, наши дѣла слишкомъ незначительны. Настанетъ время, когда я буду имѣть счастье видѣть оба баталіона подъ моими приказаніями. Теперь я обидѣлъ бы храбраго г. полковника Изб..., ставъ при немъ командовать въ дѣлѣ его баталіономъ.

А г. полковникъ Изб.... на подобную претензію отвѣчалъ:

— «Г. полковникъ, я слишкомъ уважаю ваши достоинства и за оскорбленіе почелъ бы себя и вамъ отнимать лавры ваши. Но какъ вы совершили уже кругъ вашихъ побѣдъ и васъ никто не укоритъ ни въ трусости, ни въ нехотѣніи, то позвольте мнѣ сдѣлать и мою репутацію».

Это всѣхъ успокоило, но у завистливыхъ не истребило жало зависти. Я исподоволь знакомился съ солдатскими обязанностями и, благодаря моему глазу, успѣлъ развязать ихъ ловкость, живость и быстроту. Тяжелый строй уничтожился самъ собою, и каждый изъ моихъ солдатъ былъ вольтижеръ и стрѣлокъ. Ни ровъ, ни плетень, ни скала не останавливали ихъ. И я могу похвастать, что солдата моего всегда можно было отличить отъ солдата всей арміи. Я не зналъ баталіоннаго ученія, да его тогда и никто не зналъ. Но я прагматически постигъ науку боя и маневрировалъ не шереножнымъ ученіемъ, какъ всѣ другіе дѣлали, а линіею противъ линіи, развивая этимъ понятія и честолюбіе солдата и офицера; а о желудкѣ ихъ я всѣ заботы приналя на себя.

Изъ-подъ Гамбурга пошли мы во Францію, взявъ направ-

леніе на Дюсельдорфъ, стоящій на Эльбѣ въ прелестнѣйшихъ рамахъ природы. Переправа здѣсь была трудная: ледъ провалился и не одна пушка окунулась въ рѣку. Въ Кёльнѣ простояли мы нѣсколько дней. Въ число рѣдкостей можно поставить тамошнюю кафедральную церковь, гдѣ гробъ Господень украшенъ крупными драгоценными рубинами и другими богатыми камнями.

Я не брался описывать видѣнныхъ мною мѣстъ ни въ историческомъ, ни въ топографическомъ положеніи; это не вошло теперь въ планъ моего разсказа, ибо записки мои сожжены, а память уступила времени; но я разскажу картину похода и нѣкоторые смѣшные и серьезные случаи.

Въ Кёльнѣ хозяинъ мой приглашаетъ меня на обѣдъ съ офицерами. Я далъ имъ знать и ихъ собралось до 20-ти чел. Между тѣмъ, и хозяинъ пригласилъ своихъ гостей обоого пола до 20-ти особъ. Хозяину показалось, что офицеровъ очень много и что ихъ можно убавить на $\frac{1}{3}$, предложивъ мнѣ обѣдать съ его гостями наверху (въ бель-этажѣ), а офицеровъ оставить внизу. Не относя этаго къ оскорбленію, а къ глупости и скупости хозяина, я отклонилъ это раздѣленіе; и чтобъ вывести его изъ затрудненія, я повезъ всѣхъ своихъ офицеровъ въ трактиръ, гдѣ готовый хозяинъ не сердился за излишество гостей. Къ вечеру мы были дома; и жадная толпа, видя русскихъ съ огромною ихъ музыкою, постепенно перешла внизъ, такъ что, наконецъ, хозяиномъ сдѣлался я и угощеніе съ изобиліемъ, вмѣстѣ съ танцами, довершило пиръсей и помирило насъ съ хозяиномъ и его гостями.

Къ солдатамъ я успѣлъ присоединить и славныхъ офицеровъ. Между ими были геркулесы, адонисы и купидоны. Это много даетъ вѣсу въ приватномъ обществѣ, а въ дѣлѣ сливается въ одно и геркулеса, и купидона. Любовь къ славѣ былъ общій ихъ девизъ. До меня 13-й полкъ состоялъ не болѣе, какъ изъ 300 всѣхъ чиновъ. Безпечность командовавшихъ избѣгала излишества людей, подъ предлогомъ неимѣнія чѣмъ одѣть и вооружить. Я думалъ иначе, и у меня вдругъ родились 1,000 и одѣтые, и вооруженные. Графъ обрадовался моему усердію и ничего не щадилъ для его усиленія и улучшенія. Впослѣдствіи графъ помирился съ собой, назначая прежде этотъ полкъ, какъ слабый въ людяхъ, къ обращенію въ кадры, или резервъ.

Перейдя въ Нидерланды, походъ нашъ походилъ больше на

карнавальныя праздники, чѣмъ на походѣ. Въ Бременѣ, остальномъ ганзейскомъ городѣ, публика давала намъ обѣдъ, а за нимъ подавали столѣтній рейнвейнъ изъ бочекъ, которыя, въ видѣ нектара, хранятся въ погребѣхъ ратуши на цѣпяхъ. Рейнвейнъ этотъ въ обыкновенномъ ходѣ вещей начинаетъ расходываться не раньше 100 лѣтъ, и то по рецептамъ докторовъ и для поддержанія только силъ. Но мы въ полной силѣ пили, какъ гости, и со всѣмъ уже не по рецептамъ: ихъ не успѣли бы написать вмѣстѣ и сто лекарей. Англичане, бывшіе съ нами, увеличивали расходъ этотъ и скорость его отпуску.

До самаго почти Намюра мы форсированно шли и ѣхали: переходы были отъ 12-ти до 15-ти часовъ. На каждомъ привалѣ готовы были завтракъ и вино для солдатъ отъ жителей, а для офицеровъ—взаимное угощеніе, т. е., сегодня офицеры 13-го егерскаго полка угощали 14-й, а завтра 14-й—тринадцатыхъ. Подходя къ Намюру, гдѣ были французы, мы взяли оборонительное положеніе и становились бивуаками. Предъ Краономъ одинъ католическій священникъ спасъ меня и полкъ. Придя въ селеніе за полночь, я отъ усталости бросился въ постель. Но вдругъ входитъ священникъ и говоритъ, что чрезъ полчаса войдутъ сюда же французы и что мнѣ оставаться тутъ не безопасно. Отнеся это къ фарсамъ—политически выжить меня, я взялъ, однако же, мои мѣры и онѣ-то помогли мнѣ счастливо отдѣлаться отъ сильнѣйшаго непріятеля.

Наконецъ наступилъ день и моего торжества. У Краона стали мы въ позицію (22-го и 23-го февраля 1814 года).—Наполеонъ, переправившись съ цѣлою арміею, гналъ въ виду нашемъ казаковъ. Графу хотѣлось блеснуть отдѣльною атакою. Но какъ графъ Воронцовъ принималъ армію Наполеона за отдѣльный корпусъ, то ему хотѣлось завязать дѣло и спасти Карбонье, гдѣ непріятель могъ отрѣзать насъ отъ соединенія съ арміею. Генералу Красовскому поручено было осмотрѣть мѣсто на Натленъ и средства отраженія. Онъ взялъ меня съ собою. Но едва мы доѣхали до передовыхъ постовъ, какъ гусары стали садиться уже на коней и готовились въ бой. Нѣкто Лашкаревъ командовавшій гусарами, указывая на сильныя массы непріятеля, строившіяся на обширнѣйшей равнинѣ, рѣшительно говорилъ, что онъ при первой атакѣ непріятеля долженъ будетъ отступить.

Красовскій передать все это Воронцову, а сей, держась своего мнѣнія и плана, принялъ сіе извѣстіе за увеличенное,—и жаркій споръ съ обѣихъ сторонъ показывалъ явное неудовольствіе графа. Не смотря на то, пѣхотѣ велѣно было отступить.

Едва мы отошли съ версту, какъ насъ воротили назадъ и мы встрѣтили нашихъ гусаръ, несущихся по тропинкѣ у подошвы горы, какъ говорится, во всю прыть! Мы остановились на горѣ, командовавшей всѣмъ плацдармомъ происшествія. Графъ не доумѣвалъ, а Красовскій усиливался въ доказательствахъ перваго своего донесенія. Графъ, теряя терпѣніе, сказалъ ему нѣсколько колкостей и дѣло было все еще не рѣшено. Но графу хотѣлось пробиться въ Карбонье и связать свою линію съ линією своей арміи. Красовскій спорилъ, доказывалъ невозможность; но перевѣсъ остался на сторонѣ графа.

Уже ночью графъ призываетъ меня и, какъ-будто въ упрекъ Красовскому, тутъ же бывшему, говорить:

— «Любезный Маевскій, я надѣюсь, что вы, не смотря на увеличенныя затрудненія, пройдете съ вашимъ полкомъ до Карбонье. Вотъ вамъ и проводникъ».

Я обрадовался случаю. Но Красовскій сказалъ:

— «Ежели ваше сіятельство не вѣрите словамъ моимъ и считаете, что я говорю отъ трусости, то позвольте мнѣ идти съ полкомъ».

Графъ смягчился. Но между мною и Красовскимъ родился споръ: я ему доказывалъ, что онъ сдѣлалъ уже здѣсь свою репутацію, а я новый еще человѣкъ: отнимать у меня случай идти въ опасность, значитъ обижать меня. Графъ и Красовскій уступили мнѣ эту честь и я ту же минуту полетѣлъ къ полку; но вмѣсто Карбонье занялъ Краонъ, который лежитъ у подошвы горы, на коей стоялъ весь корпусъ Воронцова. Надобно примѣтить, что, за нѣсколько предъ симъ дней, въ полкъ мой и Красовскаго дали по 5-ти гренадерскихъ ротъ другихъ полковъ и комплектъ солдатъ составлялъ до 1,200 чел. и 20 офицеровъ. Я всѣмъ ночью уже въ селеніе, сбилъ непріятельскіе посты и, устанувъ, на ихъ мѣстахъ свои, спокойно засыпалъ до 11-ти часовъ другаго дня, жалуюсь на судьбу, что она и здѣсь играетъ счастьемъ моимъ. Офицеры раздѣляли печаль мою и всѣ приходили въ отчаяніе, что намъ не достанется подраться безъ опекуна.

Посреди того, какъ мы предавались дѣтской горести и безпечно угощали себя славнымъ виномъ, не забывая и аванпостныхъ своихъ товарищей,—графъ Воронцовъ, по важности занимаемаго нами положенія и по обширности соображенія, предугадывалъ роковой для насъ день, и повсечасно присылалъ адъютантовъ узнавать о томъ, что у насъ дѣлается, чего, если правду сказать, не знали и сами мы. Такъ-то новость, самонадѣянность, или ближе, неопытность губить многихъ людей.

До 11-ти часовъ утра французская армія въ большихъ массахъ устроивалась въ виду у насъ, на той же самой равнинѣ, на которой расположилась она и наканунѣ. Мы равнодушно смотрѣли на нее, и признаюсь, къ стыду моему, я не принудилъ себя прежде осмотрѣть вѣкругъ мѣстность моего положенія; самый уже бой познакомилъ меня съ нимъ. Высоту, на которой стоялъ корпусъ Воронцова, можно скорѣе принять за сухопутный мысъ на протяженіи въ ширину $\frac{1}{4}$ версты, а въ длину около трехъ; съ фронта, или гдѣ былъ я съ полкомъ, шла болѣе вертикальная, чѣмъ покатая отлогость, на коей засажены были виноградныя лозы. У подошвы покатости ровъ и довольно густой лѣсъ, раздѣленный небольшою сельскою дорогою на двѣ ровныя половины. За лѣсомъ, на $\frac{1}{4}$ версты, площадь и непріятельскіе пикеты. Съ правой стороны дорожка у самой подошвы высоты, а правѣе ее—другая, пересѣбаемая виноградникомъ. Съ лѣвой стороны лощина, ведущая чрезъ лѣсъ и упирающаяся въ высоту.

Съ приближеніемъ непріятеля, я схватилъ казаковъ и драгунъ и пошелъ прямо по дорогѣ чрезъ лѣсъ. Во 100, а много въ 200-хъ шагахъ встрѣтилъ я французскаго генерала, конечно, рекогносцировавшаго. Любимое наше «ура!» сплотило насъ: мы опрокинули непріятеля и я, разсыпавъ по лѣсу стрѣлковъ, открылъ огонь. Половина моихъ взводовъ стояла въ цѣпи; другая была въ резервѣ ¹⁾, такъ что одна линія поддѣрпывалась другою. Сраженіе сдѣлалось жаркое и упорное. Подо мною убили трехъ лошадей, убили 2-хъ штабъ—и 14-ть оберъ-офицеровъ; но мы дра-

¹⁾ Это было слѣдствіе не шереножныхъ, но домашнихъ моихъ маневровъ. Я меня дралась уже не толпа, а устроенная масса хорошо образованнаго полка и тѣмъ пріятнѣе, что маневристомъ былъ я, а не опекунъ. Отсюда начинается первая довѣренность къ мыслящему и истребляется предразсудокъ.

лись, какъ лвы. Огонь былъ столь жарокъ, а солдаты и офицеры столь мужественны и храбры, что мы, дравшись пять часовъ, одинъ противъ 20-ти, не уступили имъ даромъ и пяти шаговъ. Графъ приказывалъ мнѣ нѣсколько разъ отступить; но посланные не могли доѣзжать до меня, а я не могъ отойти, или не потерявъ полка и имени, или не удержавъ непріятельскаго стремленія. Первая опрометчивость или, что все равно, поспѣшное отступленіе по труднымъ мѣстамъ лишило бы меня и славы, и полка. Къ чести гг. офицеровъ, я упомяну о храбрѣйшихъ: поручикъ Товбичъ до десяти разъ бросался въ штыки и удержалъ дорогу, составлявшую главный нашъ пунктъ. Онъ тутъ тяжело былъ раненъ. Поручикъ Литвиновъ защищалъ лѣвый флангъ, и когда ему приказано было ретироваться отдѣльно отъ полка, онъ съ благороднымъ самоотверженіемъ объявилъ: «Доколѣ мой полкъ въ опасности, я умру или обезпечу его флангъ»,—и вслѣдъ за тѣмъ былъ убитъ. Адъютантъ мой Авиловъ, 16-ти-лѣтній юноша, когда подо мною убиты были вслѣдъ одна за другою двѣ лошади и когда я потребовалъ третью, т. е. изъ подъ него, равнодушно, т. е. подъ градомъ пуль, спросилъ:

— «А я какъ-же буду?»

— Кому ближе быть пѣшкомъ—тебѣ, или мнѣ? подхватилъ я.

— «О, конечно, мнѣ», отвѣчалъ Авиловъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ пошелъ въ стрѣлковую цѣпь.

Потеря 14-ти офицеровъ, между которыми многихъ я любилъ, какъ братьевъ, такъ меня поразила, что я плакалъ о нихъ, какъ ребенокъ.

Оставивъ позицію по необходимости, я еще два раза былъ атакованъ фланговымъ движеніемъ непріятеля въ двухъ дефилеяхъ; но штыки и дружное «ура!» спасли меня вновь.

Графъ сердился сперва за медленное мое отступленіе; но, бывъ убѣжденъ въ невозможности, отдалъ полную справедливость храбрости и неустрашимости полка, а особенно гг. офицеровъ, которые въ сей день кровію и жизнію утвердили славу свою, и, если смѣю такъ выразиться, то и любовь, и усердіе къ

Разбей непріятель сто разъ ефрейтора-полковника, это было бы все-тоже, что ничего; разбей меня, цивильнаго полковника, отъ этого взбеленилась бы вся армія и покрасвѣлъ бы царь и Воронцовъ. Эти чувства и расчеты одушевляли меня и я, конечно, не перенесъ бы пораженія.

С. М.

начальнику, одушевлявшему ихъ среди величайшихъ опасностей. Они, посреди разговоровъ, часто повторяли мнѣ:

— «Какъ же намъ не драться хорошо, когда вы видѣли каждый шагъ нашъ и заставляли насъ позабыть и опасность, и смерть».

Изъ солдатъ выбыла $\frac{1}{3}$; но я похвалиться могу тѣмъ, чѣмъ. конечно, рѣдкіе похвалятся: у меня выбыли только тѣ, коихъ похитила только смерть или тяжелыя раны; съ легкими ни одинъ не оставилъ ни мѣста боя, ни полка. Такъ общій духъ его облагородилъ дѣйствія каждого и возвысилъ душу до степени героевъ и побѣдителей! Въ вѣкѣ безъ храбрыхъ я, можетъ быть, удостоился бы чести слыть вторымъ Багратиономъ; но въ послѣднемъ и самомъ блистательномъ вѣкѣ обожаемаго Александра I, едва-ли не всякій офицеръ былъ уже Багратиономъ. Сказать-ли вамъ правду, чего жаждала душа моя?... Рѣдкой опасности, отчаяннаго дѣла! А для чего? Чтобы обожаемый мною царь удостоилъ меня при случаѣ ангельской улыбки своей, которую украшала душа его, и чтобы сказалъ самъ себѣ: «Маевскій оправдалъ выборъ мой». Я дожился до этого счастья и наслаждался имъ до конца дней сего бога-царя!

День Краонскаго сраженія отрубилъ всѣ вѣтви у предразсудка, но не искоренилъ зависти. Съ этой минуты я положилъ твердое основаніе для военной моей репутаціи. Но сѣдые полковники изъ-подтишка говорили между собою:

— «Хорошо ему здѣсь отличаться; но каково-то будетъ въ мирѣ, для котораго кто не взросъ между солдатъ, тотъ никогда не будетъ солдатъ».

Другіе же говорили:

— «Слыханная-ли вещь—навязываться самому въ дѣло и лишать родителей толпкаго числа дѣтей!»

На другой день я отдыхалъ послѣ трудовъ и, признаюсь, оплакивалъ добрыхъ товарищей. Друзья мои и ихъ, т. е. однокорытники 13-го пѣхотнаго полка—Красовскій и Канивальскій—утѣшали меня; а этой чести удостоилъ меня и графъ, получившій въ тотъ же день сильный ушибъ. Но горе мое еще болѣе увеличивалось потерей друга раннихъ дней моихъ—Дунаева, который охраняя дефиле, остававшееся для моего отступленія, получилъ смертельную почти рану и безъ надежды въ жизни отвезенъ въ госпиталь. Вотъ въ другой разъ оплакиваю я его и въ другой разъ нахожу утѣшеніе въ выздоровленіи его.

За полдень уже было, какъ намъ велѣно отступать. Обширная равнина; пересѣзавшаяся у насъ въ тылу оврагами и пропастями, начала застилаться непріятельскими линіями. Къ несчастію, у насъ вовсе не было кавалеріи. Графъ устроилъ пѣхоту кареями (эшалонами),—и гдѣ больше опасность, гдѣ больше огонь, тамъ, конечно, былъ уже и графъ Воронцовъ. Подѣхавъ ко мнѣ при самомъ приближеніи непріятельской кавалеріи, съ удивительнымъ хладнокровіемъ отдалъ приказанія и выждалъ, пока мы славно приняли непріятеля и опрокинули его назадъ. Послѣ этого сдѣлалось общее отступление эшалонами. По особой довѣренности и надеждѣ, бригада наша, подъ командою Красовскаго, прикрывала ретирату корпуса до самаго вечера, пока не подоспѣла къ намъ армія Блюхера. Но дѣло это послѣ вчерашняго было для меня точно такъ, какъ бываетъ борей послѣ урагановъ. Конечно, надобно отдать здѣсь всю справедливость графу Воронцову, который изъ всей своей свиты остался цѣлъ только одинъ. Судьба сохранила его для великаго. Къ довершенію моего счастья, или лучше, къ удивленію, судьба явно стала покровительствовать мнѣ. Когда мы съ трудомъ перебрались черезъ пропасти и оставили за собой графа съ частію кавалеріи и батарей, бомба падаетъ между 13-мъ и 14-мъ полками. Общій голосъ закричалъ: «Разсыпся!» 14-й—это сдѣлалъ, а я пошелъ массою. У меня не убило ни одного и полкъ былъ въ порядкѣ, а у 14-го перебило до 20-ти чел. Я строго держался правила: прогонять страхъ устройствомъ: ибо привычка рассыпаться отъ cadaго выстрѣла разстроиваетъ невозвратно духъ и поселяетъ невольный страхъ. Я это испыталъ и надъ собою, и надъ другими.

Вотъ два дня сплошь, какъ кровавый бой не оставлялъ насъ ни на шагъ. Ночью уже пришли мы къ Этуведелю и полагали, что насъ замѣнитъ армія Блюхера. Но въ полночь пріѣзжаетъ генералъ Красовскій и съ ужасомъ говоритъ намъ о положеніи нашихъ армій. Представьте вы себѣ картину, когда въ одну точку сосредоточатся сотни тысячъ войскъ, шедшихъ по разноцентреннымъ направленіямъ и слѣзавшихъ къ свѣту занять свои мѣста,—тогда пересѣзаемые пути дѣлаются уже непроходимыми. А добавьте къ этому глубокую ночь, мрачное небо и непріятеля, какъ говорится, на плечахъ,—тогда вы дорисуете остальную картину.

Красовскій объявилъ мнѣ, что мы остаемся въ арьергардѣ и что именно намъ приказано: «или умереть на мѣстѣ съ честью, или, во чтобы то ни стало, удержать непріятеля!» Красовскій, я и Апушкинъ сокрыли положеніе наше въ большой тайнѣ; но дали себѣ взаимную клятву — оправдать довѣренность, хотя бы это стоило величайшихъ жертвъ. Мы всѣ трое жили какъ братья, и никогда никто еще не видѣлъ, чтобы въ мирѣ и въ бою былъ кто-либо насъ дружнѣе. Наши офицеры и солдаты были какъ-будто одного семейства и раздѣляли съ нами самыя высокія и рѣшительныя чувства. Мы знали, что пока одинъ изъ насъ троихъ останется дѣйствующимъ, до тѣхъ поръ дѣло будетъ упорное и кровавое. Когда насъ не станетъ, тогда мы смѣло скажемъ: «мы, трое вмѣстѣ и каждый по одиночкѣ, исполнили долгъ чести».

Я, болѣе другихъ утомленный, бросился на свою бурку и благодарѣтельный мореей скоро принялъ меня въ свои объятія. Но голодъ, несносно сырая и холодная ночь и близость непріятеля не дали долго наслаждаться мнѣ моимъ покоемъ. Тоскуя о томъ, что нечего съѣсть и выпить — ибо запасы съ выюками отбились, а для чайника огня разводить не возможно — мы, признательно сказать, провели эту ночь точно въ постѣ и большемъ бдѣніи, ожидая, что съ разсвѣтомъ Наполеонъ непремѣнно насъ атакуетъ.

Чтобы дать понятіе о критическомъ положеніи арміи, а тѣмъ болѣе нашему, надобно пробѣжать вмѣстѣ со мною по мѣстному черку обѣихъ позицій.

У Этуведеля сгибаются высоты на 50 — 60 и 70 саж. вышишенности и опоясываютъ селеніе амфіатрально, или ближе сказать, подковою. Съ этой высоты какъ-будто ниспадаетъ дорога въ селеніе: ибо она усѣченно идетъ съ горъ, а по сторонамъ у нея лежатъ пересѣкаемые мѣста, т. е. низменныя или луговныя, изрытыя правильными каналами и утвержденныя шлюзами. Красовскій сталъ съ своимъ полкомъ въ селеніи на самой дорогѣ, обезпечивъ выходъ къ ней рвами, окопами и славною батареею Апушкина. Я съ моимъ полкомъ расположился вправо, по протяженію рва, служившаго мнѣ въ родѣ крѣпостнаго вала до оконечности каналовъ. Къ счастью нашему, французы во-время дали намъ проснуться, осмотрѣть позицію, утвердиться и познакомиться и съ мѣстоположеніемъ, и съ важными пунктами. Сдѣлай они съ нами съ вечера то, что сдѣлали ввечеру другаго дня съ

смѣнвившимися насъ войсками, тогда участь наша, а можетъ и всей арміи, равна бы была послѣднимъ. Но французы или сами опасались этого мѣста, или не знали драгоцѣнныхъ выгодъ времени, — они атаковали насъ почти въ 10-ть часовъ утра. Попытка на дороге была неудачна: два героя — Красовскій и Апушкинъ, одушевляя другъ друга, носились вездѣ, какъ перуны. Апушкинъ, не смотря на холодное время, на слабость здоровья — отъ чего онъ и лѣтомъ не выходилъ изъ шубы — здѣсь сбросилъ съ себя все до рубахи, и самъ заряжалъ, наводилъ и стрѣлялъ. Прочіе всѣ послѣдовали его примѣру. Огнедышащая эта батарея всего страшнѣе была тѣмъ, что заряды ея были — елятва, а фитилемъ служили ей — честь и слава. Красовскій почти въ началѣ получилъ сильную контузію и прислалъ мнѣ сказать, что когда его убьютъ, чтобъ я принялъ команду: такъ мало надѣялся онъ на средства спасти свою жизнь!

Французы, видя твердость упора, начали ощупывать правый мой флангъ и заняли рошу, имѣвшую сообщеніе съ промежуточною полосою нашей позиціи. Я схватилъ роту егерей съ храбрымъ Товбичемъ и повелъ ихъ къ рошѣ. Не долго держались французы: они уступили мѣсто боя. Но огонь усилился и сраженіе завязывалось сильнѣе и сильнѣе. Посреди того, какъ я подъ градомъ пуль и картечи занималъ рошу, принялъ команду надъ нами генераль-адъютантъ Чернышевъ. Первая обо мнѣ рекомендація была роша; второй онъ уже не требовалъ. Я обратился къ резервамъ, потребовалъ охотниковъ: солдатъ и офицеровъ было много. Но къ стыду, три баталіонныхъ командира отказались отъ команды. Двоихъ, какъ трусовъ, я оставилъ, угрызёнію собственнаго стыда ихъ, а третьяго, болѣе смѣлѣйшаго, заставилъ идти съ собою. Онъ, отъ страха, слѣзъ съ лошади и при каждомъ ядрѣ падалъ на землю, а сему послѣдовалъ и одинъ изъ офицеровъ... Виновать! Я приказалъ: перваго, кто струситъ, отвести къ Красовскому, и это помогло мнѣ довести баталіонъ до мѣста боя.

Надобно замѣтить, что это не тѣ уже были офицеры, которые дрались подъ Краономъ; ихъ осталось только 6, и это былъ единственный оплотъ храбрыхъ. Прочіе прикомандированы изъ другихъ полковъ, а кто же пошлетъ лучшаго? Къ тому-же, послѣ моего дѣла при Краонѣ, въ арміи получили мудреное какое-то

понятіе, что идти со мной—значитъ идти прямо на пиръ смерти. Такъ всегда трусы боятся храбрыхъ. И это бываетъ только въ часы боя; а послѣ боя говорятъ: «я былъ съ Маевскимъ въ дѣлѣ». Это на нашемъ языкѣ есть тоже, что торжествовать совершенную побѣду надъ собою и преимуществовать предъ другими. Многіе говорили: «я сегодня былъ въ дѣлѣ съ Маевскимъ, и если бы каждая пролетѣвшая мимо насъ пуля попадала прямо въ насъ, тогда-бъ изъ насъ сдѣлалось бы рѣшето!».

Въ войнѣ иногда и излишняя строгость необходима. Трусость хуже всякой заразы. Зараза пожираетъ свои жертвы исподоволь, а трусъ въ минуту уничтожаетъ тысячи: закричи только извнѣ: «спасайся!» и, конечно, на мѣстѣ не останется ни одного. Это доказала намъ славнѣйшая французская армія при Ватерлоо,—отчего главнѣе она и погибла.

Едва я подкрѣпилъ мой флангъ, какъ новыя массы вновь начали дебушировать слабыя мои укрѣпленія. Мнѣ подослали баталіонъ егерей и два мушкатерскихъ полка. Я былъ все это время въ огнѣ и ничего не зналъ о происходившемъ у меня въ тылу: ибо власть моя ограничена до того была однимъ только моимъ полкомъ, бывшимъ съ утра въ самомъ жаркомъ огнѣ, а начальники резервныхъ моихъ войскъ, не явившись ко мнѣ, ожидали появленія моего у себя уже въ линіяхъ. Но каково было мое удивленіе, когда я издали вижу сзади за собой бугры необычайной величины! Не ожидая, чтобъ непріятель взялъ меня въ тылъ, я тѣмъ не менѣе пораженъ былъ странностью вида и неизвѣстностью. Прискакавъ на мѣсто, вижу скачущаго ко мнѣ подполковника Букойскаго. Онъ прибылъ съ егерями и ожидалъ моего приказанія; а съ нимъ же прибыли два полка мушкатеръ—Пензенскій и Саратовскій. При мушкатерскихъ полкахъ почти никого изъ начальниковъ не было, а люди ихъ лежали на льду подъ ружейными выстрѣлами въ видѣ накладныхъ кочекъ. Я приказалъ Букойскому вывести ихъ изъ-подъ выстрѣловъ, сомкнуть въ колонну и составить твердый резервъ подъ его командою, пока явятся настоящіе мушкатерскіе начальники, изъ коихъ оба были старѣе меня въ чинахъ.

Ровно три дни, какъ люди мои, вмѣсто хлѣба, разжевывали одни только патроны и съ помощію отдѣляемой ими влаги сохраняли еще остатокъ нѣкоторой питательной силы. Ночь застала

насъ опять въ новомъ и весьма сомнительномъ положеніи. Но въ 11-ти часамъ ночи смѣнили насъ мушкеры Пензенскаго и Саратовскаго полковъ.

По условію съ Красовскимъ, мы должны были пройти въ ту же ночь къ Лаону, верстъ 20, и примкнуть къ тамошнему войску, гдѣ Блюхеръ торжествовалъ уже побѣду. Я рассчиталъ, что мой полкъ, уставшій и неѣвшій отъ 3-хъ-дневнаго безпрестаннаго боя, долженъ будетъ въ новомъ лагерѣ искать еще позиціи, готовить мѣсто, дрова и воду; а у Этуведеля все это уже было готово. Итакъ, я рѣшился отдохнуть здѣсь и остатками крохъ хлѣба и воды подкрѣпить угасавшія силы людей. Яркое пламя огней дѣйствовало на насъ, подобно лѣтнему лучезарному солнцу послѣ холодныхъ и влажныхъ ночей. Мы забыли о себѣ и о пищѣ и искали услажденія въ одной благотворной теплотѣ и покоѣ.

Но тутъ выстрѣлъ, тамъ другой,—тамъ «ура!»,—а тамъ батальонный огонь, потомъ тихо,—потомъ огонь, потомъ опять тихо и опять огонь.... Относя это къ недостатку опыта стоять умно въ цѣпи, мы занимались только собой. Но вдругъ слышу голосъ, зовущій меня: лечу и вижу генералъ-адъютанта Чернышева, котораго сквозь цѣпь обошли французы и стали въ тылу занимать его квартиру! На бивуакахъ подъемъ,—минута—я сталъ въ ружье, ударилъ и отрѣзалъ. Но въ это время въ тылу цѣпи отерлся адскій огонь и два полка мушкатырѣ сдѣлались жертвою своего невѣжества. Вотъ главная причина: мушкеры, какъ я уже сказалъ, пришли и заняли мѣста въ большомъ безпорядкѣ; нѣто изъ ихъ начальниковъ не обезпокоилъ себя осмотрѣть мѣста, связать цѣпь, пикеты, разѣзды и патрули. При томъ, по обыкновенію, они стали ночью и заняли посты такъ, какъ занимаютъ въ лагеряхъ, т. е. офицеръ смѣнилъ офицера, унтеръ — унтера, а часовой—часоваго: «честь и мѣсто!» Вотъ и вся сдача.

Но французы днемъ еще высмотрѣли мѣста, узнали отъ жителей и навѣрное имѣли проводниковъ. Они стали дѣлать фосъ-атаки, и пользуясь безконечнымъ огнемъ, разрѣзали цѣпь и посты и очутились главными массами въ тылу нашего аріергарда. Мушкеры, неимѣвшіе тогда привычки къ раздѣльному бою, побросали оружіе и болѣе 800 попало въ плѣнъ, а прочіе всѣ, безъ команды и строя, спасались какъ кто могъ! На цѣломъ плацдармѣ этого боя остался одинъ я съ своимъ и двумя казачьими полками,

и всю ночь и до 10-ти часовъ утра, если можно такъ выразиться, несть на плечахъ у себя до 10-ти т. непріятеля до самаго Лаона. У меня было убито и ранено не болѣе 100 человекъ. Ночь и мѣстное положеніе всего болѣе благопріятствовали моему отступленію. Итакъ, я, за два часа обманчиваго покоя, заплатилъ трудами 12-ти часовъ и 100 человекъ людьми. Красовскій былъ прозорливѣе меня.

У Лаона я засталъ торжество побѣды. Здѣсь Мармонтъ потерялъ все, кромѣ чести. Съ этой стороны ни одного француза укорить невозможно, тогда какъ я видѣлъ тутъ же своихъ двухъ-трехъ шефовъ, которые, распустивъ полки въ цѣпь, оставались караулить денежные казенные ящики. По крайней мѣрѣ, такъ они виды свои прикрывали, считая несомнѣннымъ — генералу быть съ полкомъ въ цѣпи.

Я не знаю торжества выше героизма; чѣмъ сильнѣе опасность, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на тебя сила воображенія, — оно расширяетъ свои крылья и въ полетѣ своемъ чертитъ самыя яркія картины, унося насъ въ міръ волшебный и очаровательный. Въ это время герой чувствуетъ себя выше простаго смертнаго и въ душѣ покоряетъ все своей волѣ и силѣ. Нельзя отвергать, чтобы чувство это не вознаграждало гордости и славолюбія; но если эти два чувства творятъ героевъ, такъ пусть же онѣ существуютъ во всѣ времена и вѣка.

У Лаона опять поставили меня въ цѣпь. Ночной выстрѣлъ произвелъ тревогу; но скоро все успокоилось. На другой день мы простились съ славнымъ нѣкогда Сень-При, который заплатилъ жизнію дань Реймсу.

Въ войнѣ, какъ и въ министерствѣ, на кого болѣе надѣются, того болѣе и употребляютъ. Я счастливъ былъ только однимъ, что война и труды меня не утомляли; а гг. офицеры и солдаты искали опасностей, какъ влада: такъ сила одного и преимущество общее очаровываютъ иногда чувства и сливаютъ желанія въ одну урну.

Отъ этого времени начинается эпоха новыхъ нашихъ военныхъ дѣйствій. Союзные полководцы, по ошибочному расчету раздѣливши между собою поле войны, спѣшили, каждый по себѣ и безъ связи съ цѣлымъ, занять Парижъ, или просто заслужить вѣнецъ славы. Они пошли туда въ разныхъ направленіяхъ. Блю-

херъ обошелъ Суасонъ и пошелъ далѣе; Сен-Пріестъ занялъ Реймсъ, а Лаонъ былъ въ нашихъ рукахъ. Наполеонъ врѣзался въ средину, выгналъ изъ Реймса Сен-Пріеста, отрѣзалъ Блюхера и пошелъ къ Лаону. Удайся ему здѣсь одна побѣда—и онъ прогналъ бы насъ за Рейнъ. Но судьбы человѣка сильнѣе ума человѣческаго.

Отъ Лаона мы пошли къ Ретелю, заняли его и простояли тамъ два дня. Тамъ нашли мы большой оружейный арсеналъ и фабрику. Графъ позволилъ офицерамъ взять себѣ часть оружія, а я мое раздарилъ офицерамъ. Къ Суасону подошли мы еще въ-время, т. е. когда Блюхеръ былъ впереди его на $\frac{1}{2}$ дни ходу. Наполеонъ гналъ его и въ хвостъ, и въ голову. Мы всѣ эти полтора дни дрались и намъ капитулировали: комендантъ далъ себя обмануть и мы, почти изъ-подъ картечныхъ выстрѣловъ Наполеона, взяли важнѣйшую эту крѣпость на капитуляцію. Отворивъ ворота Блюхеру и затворивъ ихъ для Наполеона, остановили мы бурный потокъ непріятеля и всѣ ожидавшія насъ бѣдствія.

Въ Суасонѣ я имѣлъ два торжества: 1) то, что я уже независимо отъ опекуна командовалъ самъ-по-себѣ 12-ю баталіонами, а 2) то, что побѣда наша надъ сею крѣпостью короновалась церемоніальнымъ вшествіемъ 13-го егерскаго полка, какъ храбрѣйшаго и щеголеватѣйшаго изъ всего корпуса.

Изъ-подъ Суасона пошли мы къ Реймсу, который до насъ взять былъ легкой партіей Чернышева, но который того же дня уступилъ его опять превосходной силѣ непріятеля. Полеъ мой, по частой кровавой битвѣ, вошелъ въ кордъ-дарме не для того, чтобъ отдохнуть, а для того, чтобъ заглушить ропотъ другихъ, завидовавшихъ мнѣ и Красовскому, что наши полки всегда идутъ въ головѣ корпуса. А кто изъ военныхъ не зналъ того, что головной полеъ противъ хвостоваго имѣетъ всегда 7-мъ и 8-мъ часовъ въ сутки лишняго отдыха? Къ полудню кричатъ: «13-й и 14-й егерскіе полки вперед!» Мы обогнали всѣхъ и очутились опять на головѣ. Я по привычкѣ ѣхалъ всегда при полку, а Красовскій ристалъ при главной квартирѣ, но въ дѣлѣ былъ всегда со мной.

Къ семи часамъ вечера Красовскому и мнѣ велѣно штурмовать Реймсъ. Красовскій повелъ атаку отъ юго-западныхъ, а я отъ юго-восточныхъ воротъ. Мнѣ дали пушку и колоновожатаго.

Ночь упредила наше приближеніе. Колоновозжатою исчезъ, а пушка, по ошибкѣ 16-ти-лѣтняго артиллерійскаго прапорщика, засорила затравку и не могла стрѣлять. Мы вошли въ дефиле, или чрезъ большую парижскую дорогу, которая съуживалась слѣва каменною крѣпостною стѣною 8-ми и 9-ти саж. высоты, а справа — озеромъ. Прямо противъ меня стояли такой же высоты желѣзныя рѣшетчатые ворота, а по бокамъ ихъ были двѣ караульни, цѣлою стѣною къ наружной сторонѣ.

Не видя ни зги, мы видѣли воду и прямо предъ собою чернѣющійся путь. Заеричали «ура!» и ударились, какъ говорится, лбомъ объ ворота, которыя были забиты и обвиты цѣпями. Общій голосъ заеричалъ: «Пушку! пушку!» Она подѣхала, но стрѣлять никакъ не могла. Устроивъ линіи, я отъ нетерпѣнія бросился въ ворота, которыя были въ 10-ти шагахъ отъ насъ, сталъ на плечи моего адъютанта Лисецкаго, который былъ ростомъ чуть-чуть не до трехъ аршинъ, и началъ самъ разламывать цѣпи и ворота. Но сотня выстрѣловъ пролетѣла чрезъ промежутки воротъ прямо въ насъ. Стоявшіе за мною линіи отвѣчали огнемъ за огонь и обѣ стороны какъ-будто взяли насъ за свою мѣту. Мы пали на землю, утушили свой огонь и возстановили порядокъ; но ворота взять не могли. Храбрый Товбичъ (готовый рѣзаться, ежели бы пустили его впередъ) вломился въ окно одной изъ карауленъ, пробился въ другое во внутрь крѣпости и открылъ намъ путь, хотя трудный и опасный, но, по крайней мѣрѣ, единственный. Красовскій былъ съ Воронцовымъ и не имѣлъ такихъ затрудненій. Мы съ нимъ соединились у моихъ воротъ и заняли Реймсъ. Приди я раньше, я пропелъ бы въ бродъ и не имѣлъ бы такихъ затрудненій ¹⁾.

¹⁾ Вотъ что писалъ двадцать одинъ годъ спустя, послѣ описанныхъ здѣсь событій, историкъ войны 1812—1814 гг. А. И. Михайловскій-Данилевскій къ С. И. Маевскому:

«Милостивый государь, Сергѣй Ивановичъ! Двадцатилѣтнее дружеское ваше ко мнѣ расположеніе подаетъ мнѣ поводъ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Я занимаюсь описаніемъ похода 1814 года во Францію. Все то, что происходило въ главвой арміи или богемской, мнѣ извѣстно, потому что я самъ при ней находился; но дѣйствія прочихъ армій я знаю только по описаніямъ, изъ коихъ одни другимъ противорѣчатъ. Вотъ причина, побудившая меня безпокоить васъ и просить васъ покорнѣйше сообщить мнѣ нѣкоторыя подробности о вашихъ дѣйствіяхъ во Франціи съ незабвеннымъ и для меня 13-мъ егерскимъ полкомъ. Блистательное участіе, которое вы принимали

У Реймса я сталъ на аванпостѣ отъ стороны Эперне, знаменитаго своимъ виномъ. Вино, пища, роскошь и излишество въ удовлетвореніи всѣхъ нашихъ желаній вознаградили насъ за двунедѣльный кровавый бой и лишеніе потребностей. Мы походили тогда на мореходцевъ, которые, послѣ грозившей имъ бури и смерти, нашли тихую и пріятную пристань со всѣми житейскими радостями и наслажденіями. Полкъ мой со стороны желудка не терпѣлъ ничего; но со стороны одежды и обуви былъ совершенно голъ. Въ десяти шагахъ отъ меня стоялъ большой госпиталь; больныхъ въ немъ не было, но вещи оставались на лицо. Я, по праву побѣдителя и хозяина, взялъ бѣлье, одѣяла и проч., и тутъ же, на бивуакахъ, одѣлъ полкъ. Графъ погнѣвался на меня за своевольство мое, но въ душѣ былъ радъ, что я, сокрывъ нищенскій, далъ полку видъ щеголеватыхъ солдатъ. Они имѣли рубахи, панталоны и изъ 2-хъ сдѣлали одинъ мундиръ, окунувъ его въ краску нашего цвѣта. Я два года донашивалъ французскіе мундиры и дрался съ ними ихъ же ружьями, подбираемыми на поляхъ сраженія. Человѣкъ, одушевляемый пользою, ищетъ только полезнаго. Офицеръ въ войнѣ похожъ на дилижансъ: онъ знаетъ только одно; когда его запрягутъ и повезутъ. Но куда, зачѣмъ и съ чѣмъ? Это не входитъ въ его разборчивость.

Я здѣсь описалъ бѣольшую часть моей нравственной и политической жизни. Но жизнь эта была больше машинальная, физическая, чѣмъ мыслящая. Отсюда только начинается свѣтъ моей филозофіи, объявшей меня впослѣдствіи. Званіе, чинъ, вѣсъ и извѣстность въ свѣтѣ, родили во мнѣ честолюбіе; честолюбіе потребовало ума, ученія и познаній. Я сталъ входить въ самого себя и увидѣлъ, что природа, одаривъ меня своимъ, ничего еще не

во многихъ сраженіяхъ, а особенно подъ Краономъ, если будетъ описано краснорѣчивымъ перомъ вашимъ, составитъ прелестное украшеніе моей исторіи. Не откажите въ моей усердной просьбѣ, я прошу васъ именемъ славы Россіи, именемъ собственной вашей славы. Если недосугъ и служебныя занятія не позволяютъ вамъ составить подробнаго описанія Краона, Лаона и другихъ безсмертныхъ дѣлъ, къ сожалѣнію, еще мало извѣстныхъ Россіи, а особенно юному поколѣнію, то удѣлите мнѣ хотя отрывки, отдѣльныя, разбросанныя черты. Вы сямъ наиболѣе чувствительнѣе меня обязать изволите..... Съ искреннимъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и проч. А. Михайловскій-Данилевскій».

С.-Петербургъ, 26-го марта 1835 г.

заимствовала у искусства. Ровно въ 33 года я узналъ потребность узнавать и образовывать самого себя. Однѣ великія нужды или одни великіе примѣры пробуждаютъ наше усыпленіе, развиваютъ наши способности и даютъ намъ возможность отдѣлать невѣжество отъ просвѣщенія.

Но пойдѣмъ далѣе за нитью военныхъ нашихъ произшествій..

Х.

П а р и ж ъ.

Бой подъ Паряжемъ. — Рекогносцировка. — Въ Парижѣ. — Пале-Рояль. — Ся-ренны. — Забавы и удовольствія. — Достопримѣчательности.

1814 г.

Намъ сказали походъ и мы просто и безъ размышленія по-шли къ Парижу. Не думая ни о затрудненіяхъ, ни объ опасностяхъ, мы уже напередъ рисовали себѣ эту столицу моды и вкуса. Какое-то особенное предубѣжденіе, всасываемое съ мѣкомъ матери, говорило мнѣ, что въ Парижѣ — все сверхъестественно и что, стыжусь сказать, что тамъ люди ходятъ и живутъ не такъ, какъ мы; словомъ, они существа выше обыкновеннаго.

Предъ тѣмъ, какъ подступать къ Парижу, сказано было намъ, что мы поступаемъ въ составъ арміи Блюхера и что Блюхеръ на маршѣ будетъ насъ смотрѣть. Мы одѣлись какъ на смотръ, или ближе, какъ на балъ. Но вдругъ, вмѣсто Блюхера, пошли въ пылъ сраженія. Красовскій командовалъ всею пѣхотою, а я — авангардомъ, т. е. его и своимъ полкомъ. Опрокинувъ вездѣ непріятеля, я занялъ форштадтъ, и здѣсь, подъ стѣною Парижа, выдержалъ жесточайшій огонь! У меня много перебито и переранено.

Когда сраженіе кончилось — это было 5-ть часовъ пополудни, тогда Красовскій приказалъ занять вправо новую позицію. Государь былъ самъ съ гренадерами въ огнѣ на высотѣ, которая командовала всею окрестностью, — и замѣтивъ необыкновенно щеголеватое войско, дерущееся съ отважностью и блестящее одеждою, полюбопытствовалъ узнать, какого рода были войска сіи? Красовскій согрѣшилъ, указавъ на одинъ свой полкъ, оставшійся на сценѣ сраженія, и умолчавъ о другихъ. Конечно, и Красовскій не гордился бы одною одеждою, ежели бы войска къ блистающей одеждѣ не присовокупляли блистательной храбрости. А храбрость эта оказана была подъ личною моею командою. Это

было дѣло авангарда, или двухъ полковъ моей бригады. Въ глазахъ божественнаго Александра храбрость почиталась первѣйшею добродѣтелью воина. Если же сказать правду, то добродѣтель эта не есть и принадлежность всякаго — это особый даръ неба, потому-то и надобно отдѣлять всегда храбрыхъ отъ такъ-извѣстныхъ подъ именемъ: «онъ не трусъ». Впослѣдствіи стали думать, что всякій солдатъ есть уже герой и что простая храбрость не есть уже особая добродѣтель. Эта мысль похожа на ту, когда бы всякаго стихомарателя стали считать писателемъ-геніемъ, ибо и тотъ, и другой пишутъ стихи.

Вечеру, или послѣ прелиминарныхъ условій, мы расположились на форштадтѣ Парижа. Какъ только мракъ ночи спустилъ свою завѣсу, я съ Красовскимъ поѣхалъ любоваться и посмотреть на стѣны Парижа. Главный планъ—любопытство, а второй и рекогносировка, ибо мы были головные бойцы и должны были знать, гдѣ лучше проломить лбомъ стѣну. Намъ предшествовали казаки, кочевашіе по улицамъ форштадта. Въ одномъ мѣстѣ видимъ мы сотни французовъ, рассматривающихъ мертвую женщину, которая за отвратительное поведеніе заплатила жизнію, и вѣрный признакъ поруганія былъ одинъ изъ многихъ казаковъ. Мы бросились оттуда прочь и подѣхали къ воротамъ, откуда выходили и выѣзжали смотрѣть русскихъ. Тамъ подошелъ къ намъ одинъ изъ польскихъ офицеровъ, и послѣ отвлеченныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, сказалъ:

— «Господа, мы сегодня братья по оружію; завтра враги по тому же праву».

Но онъ ошибся,—этотъ самый офицеръ первый встрѣтилъ меня въ Варшавѣ и былъ хорошимъ моимъ пріятелемъ. Пруссакъ, въ грабежѣ вѣрные послѣдователи учителямъ своимъ—французамъ, успѣли уже ограбить форштадтъ, ворваться въ погребъ, отбить бочки и уже не пить, но поколѣнно ходить въ винѣ. Мы долго держались челоуѣколюбиваго правила Александра; но искушеніе сильнѣе страха: наши люди пошли за дровами, а притащили бочки. Мнѣ достался въ удѣлъ коробъ, конечно, въ 1,000 бутылокъ шампанскаго. Я роздалъ ихъ въ полку и, не безъ грѣха, повеселился и самъ на канвѣ жизни, считая, что этотъ узоръ завтра или послѣзавтра завянетъ.

Понутру объявлено намъ шествіе въ Парижъ. Мы были го-

товъ; но солдаты наши были больше нежели полупьяны. Долго хлопотали мы прогнать ихъ чадъ и устроить.

Пройдя заставу, меня поставили на бивуакахъ. Около 11-ти часовъ утра, летитъ офицеръ и говоритъ: «нашихъ рѣжутъ». Онъ поспѣшилъ одинъ забраться въ центръ столицы и, конечно, худо былъ принятъ. Цѣлыя сутки простоялъ я у рогатки; въ вечеру взялъ я противоположный домикъ и расположился по-хозяйски, сохраняя и безопасность, и цѣлость имущества хозяина. Долго, очень долго его не было; наконецъ, является хозяйка съ двумя прекрасными дочерьми. Она боязливо разсматривала насъ и долго не вѣрила, что мы русскіе. Таеъ-то вездѣ обманываютъ чернь и представляютъ непріятеля въ видѣ щелоповъ и людоѣдовъ. Я вспоминалъ, какъ мы первый разъ пришли въ Венгрію, гдѣ хозяинъ дома попряталъ своихъ дѣтей, полагая, что мы ихъ съѣдимъ живьемъ!

На другой уже день мы были въ Парижѣ, какъ дома. Меня все занимало и все выводило изъ предубѣжденія. Я и Красовскій представляли собой двухъ сросшихся Сіамцовъ, т. е. мы вѣчно были вмѣстѣ, одного желали и одно чувствовали; наша казна была общая, а нужды одного составляли нужды другаго. Мы были вездѣ, осмотрѣли все. Но описывать Парижъ—это было бы тоже, что приняться строить новыя египетскія пирамиды. Къ чести народа, я видѣлъ въ немъ всеобщую вѣжливость; а что всего святѣе, онъ не знаетъ звѣрства, или вѣроломнаго мщенія. Французъ, запятнавшій себя убійствомъ обезоруженнаго, почелся бы извергомъ и пересталъ бы носить имя честнаго. Ихъ стихія—новость, легкость и разсѣяніе; ихъ улицы и площади похожи на волну людей, смѣняющую одна другую. Но чернь—вездѣ чернь. Она слѣдуетъ по движенію перваго впечатлѣнія и готова столько же на глупое, сколько и на великое. Въ первый день входа русскихъ, они хотѣли сорвать бронзовый обелискъ Наполеона, но вскорѣ послѣ того раскаялись и готовы были опять купить его потокомъ крови своей.

Пале-Рояль представляетъ биржу Англіи. Въ 7-мъ часовъ вечера спѣшить туда маркизъ съ семействомъ и замаранный его истопникъ съ замаранною своею супругою (и въ деревянныхъ башмакахъ); мужчины ходятъ подъ ручку каждый съ своею дамою. Какъ ни тѣсно въ Пале-Роялѣ, но я только въ два раза бытно-

сти моей въ Парижѣ видѣлъ маленькій шумъ, и то на секунду. Маркизь истопнику, а сей наоборотъ даютъ другъ другу столько мѣста, чтобы только не зацѣпиться плечами. (Мы, напротивъ, какъ турки, любимъ толкать слабѣйшихъ, за что въ Корфѣ были ежедневныя драки. Извѣстный математикъ нашъ Рахмановъ не могъ сносить равнодушно, что германцы не уступаютъ ему дороги и не снимаютъ предъ нимъ шляпы). Къ чести націи, каждый занимается собою и не знаетъ той презрительной улыбки, которая такъ разительно раздѣляетъ состояніе и наружность вида. А это-то дѣлаетъ всеобщую гармонію и не даетъ повода къ ссорамъ. О характерѣ французовъ всего ближе судить по слѣдующему. Около 11-ти часовъ ночи парижскія сирены вырываются изъ погребовъ своихъ и манятъ охотниковъ до наслажденій. Зная, что русскіе очень падки и щедры, онѣ почти насильно тащатъ въ свои норы молодыхъ нашихъ офицеровъ. Я замѣтилъ это одному пожилому французу. Но вотъ его отвѣтъ: «природа или искусство дали каждому родъ своей мануфактуры. Тутъ нечего удивляться, ежели онѣ промышляютъ тѣмъ, что составляетъ всю ихъ торговлю». Но и тутъ видѣнъ характеръ: женщина, заманившая васъ въ нору, въ домъ, на чердакъ 3—4-го этажа, никогда не рѣшится ни обобратить васъ, ни обворовать, ни ограбить; напротивъ, она дорожитъ репутаціею дома и даетъ вамъ билетъ, гдѣ отыскать ее на предбудущее время. Хозяйка дома и лекарь отвѣчаютъ за ея здоровье, но съ этой стороны не всегда и не на всѣхъ можно полагаться.

Въ Парижѣ на каждомъ шагѣ 5—6 новыхъ видовъ: здѣсь фокусникъ показываетъ, какъ птички штурмуютъ крѣпость; тамъ — какъ блохи везутъ пушку, заряжаютъ и стрѣляютъ. Но всего смѣшнѣе, какъ среди двухъ является 3-й, крича во все горло: «пожалуйте сюда, я покажу вамъ то, чего вы и въ вѣкъ свой не видали!» Толпа бросится къ нему волною и онъ, обобравъ напередъ съ нихъ деньги, отыграется острою шуткой. Народъ захочетъ и бросится къ новому чуду, которое всегда уже готово. Такъ Парижъ проводитъ дни, а едва-ли и не ночи.

Когда одна часть города утѣшаетъ себя видами фокусника, другая отправляется въ подземелье, гдѣ отерываются для нихъ театры въ лубочномъ вкусѣ. Но нѣкоторые изъ нихъ такъ хороши, что ихъ можно предпочесть многимъ нашимъ ярморочнымъ. Въ составѣ съ ними даютъ концерты глухо-нѣмые. Но вы

не отличите ихъ отъ зрячихъ: музыка хороша, пріятна, но сбивается на унылые тоны, какъ-будто чувство платитъ дань природѣ и говоритъ, что они несчастны. За входъ ничего не платятъ; весь доходъ содержателя въ доходѣ за напитки. Я бы счелъ общео государственною аксіомою сдѣлать это правило: за публичныя увеселенія (театры и пр.) класть цѣну меньше, чтобъ получить больше. А эта дешевизна распространила бы вообще вкусъ, смягчила бы общіе характеры и образовала бы цѣлую націю.

Всѣ эти забавы и удовольствія составляютъ пріятность для одной черни и среднего класса; люди, болѣе возвышенные вкусомъ, имѣютъ множество отличныхъ театровъ и грань-оперу, которой равной, конечно, нѣтъ ужъ въ Европѣ.

Въ Парижѣ духъ веселости и разсѣянія столь общій, что, начиная отъ вельможи до поденщика, каждый имѣетъ часы своихъ прогулокъ, отдохновенія и веселья въ одномъ изъ многихъ публичныхъ мѣстъ. Пойдете-ли вы въ Тюльерійскій садъ, тамъ найдете всякій день и всякій часъ множество гуляющихъ; подалѣе оттуда—увидите танцующія группы, которыя, увеличиваясь проходящими, составляютъ иногда сотни кругомъ. Во всѣ 24 часа Поле-рояль наполненъ народомъ; въ садахъ, въ трактирахъ, лавкахъ и кофейныхъ домикахъ, вездѣ—вездѣ множество публики. Елисейскія поля наполняются по однимъ только праздникамъ. Но это гульбище не имѣетъ ничего, кромѣ одного метафизическаго названія. Маленькія рощицы, простой домикъ и пески,—вотъ все, что называютъ Елисейскимъ полемъ. Не на зло-ли Магомету и мечтательности, поле сіе названо елисейскимъ, дабы показать; что настоящее милліоны разъ пріятнѣе будущаго? Но не надо забывать, что въ Парижѣ каждое публичное мѣсто имѣетъ своихъ партизановъ-приверженцевъ. Они вѣрны слову и долгу. Измѣнить послѣднему, поставилось бы такимъ же преступленіемъ, какъ ставится въ Италіи кавалеръ-сервенту, когда онъ оставляетъ одну даму для другой. Здѣсь-то партіи, столь-же себѣ вѣрныя, сколько и привычныя, читаютъ газеты, ораторствуютъ, декламируютъ, устанавливаютъ новый порядокъ вещей, спорятъ, соглашаются и творятъ новый міръ по своему понятію. Въ Парижѣ публичные дома замѣняютъ универсалы и изоцряютъ умы, понятія и языкъ. Сильнѣйшій грудью и красно-

рѣчимъ дѣлается диктаторомъ общества и, по мѣрѣ завоеванной довѣренности, заваевываетъ общее мнѣніе. У него всегда знамя распушено и влечетъ за собою толпы цѣлаго его общества. (Подъ этимъ разумѣю я столь извѣстныя партіи республиканцевъ, бурбонистовъ, бонапартистовъ и т. д.).

Въ Пале-Роялѣ есть трактиръ подъ колоннами, который содержитъ увядшая красавица, фаворитка Людовика XVI. Туда собирается вся молодежь лучшаго тона. Надобно представить себѣ обширную зеркальную комнату, гдѣ за длинною перегородкою сидитъ при двухъ восковыхъ свѣчахъ полу-царица, полу-богиня Парижа. При ней два служителя, передающіе письменныя ея приказанія: официантъ объявляетъ ей требованіе гостя; она беретъ перо, пишетъ требуемое, служитель передаетъ официанту, а сей несетъ въ буфетъ и получаетъ ассигнованное. Надобно видѣть прекрасное это существо и бѣлую прекрасную ручку, которая нанизываетъ строки. Она съ каждымъ 20-ю лѣтами какъ-будто перерождается, т. е. дѣлается лучше и моложе; но вы никогда ее не увидите прежде 8-ми часовъ вечера. Это—то время, когда фокусъ огня, означая однѣ только прелестныя формы, скрываетъ лѣта, морщины и отвратительность. И добавя ея безмолвіе, тонъ и важность въ ея роли, вы издали невольно подарите сердце воображенію. Это новый Тальма, очаровывающій васъ не красотою, а игрою.

Въ Парижѣ страсть къ новостямъ такъ велика, что нѣтъ гульбища, нѣтъ даже кабака, гдѣ бы не было своихъ афишъ, своихъ проблемъ и своихъ газетъ. Вездѣ углубленіе въ чтеніе и вездѣ измѣряютъ міръ!

У входа въ Пале-рояль найдете вы особую услужливость: одинъ бросается чистить ваше платье, другой—сапоги и т. д. Тамъ не нужно запасаться своимъ камердинеромъ; но, войдя туда, найдете вы весь извѣстный міръ. Всего смѣшнѣе видѣть подлѣ солдата національной гвардіи, котораго скорѣе можно принять за Адониса, солдата другой арміи. Я взялъ ихъ въ урокъ и размахалъ, такъ сказать, руки моихъ солдатъ. Когда послѣ, въ Кременчугѣ, введены они были на театръ, то публика удивлялась совершенству ихъ игры.

Въ Луврѣ я видѣлъ чудесную картинную галерею; но не безъ прискорбнаго чувства смотрѣлъ и на угасшее величіе: за-

навѣшанныя мѣста, гдѣ были прежде рѣдкія сокровища свѣта, доказывали отсутствіе завоевателя и непрочность земнаго счастья. Галерея скульптурная далеко уступаетъ дрезденской, но Лаоконъ, но Венера и Аполлонъ берутъ верхъ надъ всѣми. Дворецъ Тюльерійскій, въ сравненіи съ нашимъ Зимнимъ, есть простая хижина. Но гордость Наполеона украсила каждый шале его вензелемъ. Впрочемъ, тамъ ничего нѣтъ рѣдкаго, кромѣ древности, «Аустерлицкой ночи», «Плафона» и «Наполеона» въ разныхъ видахъ. Версаль—болѣе величественный и занимательный; фонтаны чрезвычайные. Но Малый и Большой Треанонъ менѣе чѣмъ обыкновенные. Все тутъ что есть любопытнаго—воспоминанія о Людовикѣ XVI и несчастной Маріи-Антуанетѣ, которая платила дань страсти; и каждый закоулокъ, каждая ниша, каждая бесѣдка передаютъ памяти исторію ея жизни. Исторію эту рассказываютъ увѣтливые придворные служители ея вѣка, и съ такимъ простодушіемъ, какъ бы рассказывали дѣла величайшей добродѣтели. Вотъ что значитъ привычка къ своему. Въ ея вѣкъ они были важные лица въ роляхъ интригъ и имъ кажется, чѣмъ сильнѣе тайна, тѣмъ важнѣе прошедшее, или давно уже улетѣвшее ихъ значеніе.

XI.

Во Франціи и въ Варшавѣ.

Стоянка въ Реймсѣ.—Обученіе капральской службѣ.—Возвращеніе въ Россію.—Тамбуръ-мажоръ.—Варшава.—Щегольство 13-го егерскаго полка.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.—Разводы и порады.

Съ 14-го августа 1814 по 1-е января 1815 г.

Изъ Парижа вошелъ я съ полкомъ въ Реймсѣ. Мы тогда носили лавровую вѣтвь въ киверѣ и бѣлую перевязь на рукѣ—въ знакъ соединенія съ Франціею. Чтобы имѣть идею о развратѣ столицы, надобно заглянуть въ другіе города: это будутъ копии съ оригинальной картины. Въ Реймсѣ точно тоже, что и въ Парижѣ. Мы стояли въ казармахъ. Днемъ женскій полъ занятъ работами по домамъ. Въ 8-мъ часовѣ онѣ отпускаются и главный ихъ пріютъ у стѣны казармы. Въ 9-ть часовъ парются солдаты, въ 10-ть—офицеры, а въ 10-ть—уже штабъ-офицеры. Эти полуночныя птички скрываютъ еще развратъ свой и поведеніе; но когда увидите вы тѣхъ и другихъ въ саду танцующихъ, не да-

дите вы имъ никакого различія. Это маркизши, со всѣми ихъ грассами, только въ деревянныхъ башмакахъ.

Во Франціи нѣтъ обычая цѣловать женщину въ руку, да это и хорошо; а близко знакомые и родные цѣлуются въ губы. Люди же возвышеннаго тона трясуть другъ друга за руку. Поцѣловать въ руку—значить оскорбить женщину.

Во Франціи намъ положенъ былъ столъ, вино и прихоти отъ хозяина. Это были дни истинной роскоши.

Въ Реймсѣ я занялся капральскою службою, ученіемъ шагу, ружью, маршировкѣ и выправкѣ. Я самъ ничего не зналъ: а къ стыду, изъ 25-ти офицеровъ, всѣ они въ этомъ родѣ были бессмысленнѣе еще меня. Наконецъ, по общему совѣщаніи, началъ насъ учить капральской службѣ поручикъ Коломитиновъ. Вся служебная его репутація состояла въ томъ, что онъ два раза былъ въ караулѣ у гр. С. Каменскаго и ни разу не былъ арестованъ. Вотъ этотъ-то Коломитиновъ былъ первымъ моимъ учителемъ и экзерсисъ-мейстеромъ. Судя по сему, можно заключить, въ какомъ совершенствѣ было домашнее образованіе нашего солдата и офицера! Но мы, не забудьте, были побѣдители непобѣдимаго.

Изъ Реймса сказанъ намъ походъ въ Россію. Сколько вдругъ роскошей и радостей представилось нашему взору. Каждый давалъ свободу своему воображенію; каждый ожидалъ или суворовскихъ почестей, или обворожительной дульциней, которая бы наградила его поцѣлуемъ за верхъ трудовъ его—храбрости и побѣду. Вездѣ встрѣчали и провожали насъ съ почестью, а это еще больше усилило въ насъ гордость и славолубіе. Пруссакъ въ первый нашъ походъ были друзья наши, во второй—принимали насъ, какъ непріятелей.....

Надобно признаться, что я во весь этотъ походъ былъ просто солдатъ. Не обращая ни на что вниманія, я изъ Парижа и изъ всей Германіи вышелъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ и вошелъ, не обогативши особо себя ни свѣдѣніями, ни наблюденіями, ни памятниками. Въ Мантеймѣ я долженъ былъ разстаться съ другомъ и товарищемъ моего дѣтства и славы—Красовскимъ. Онъ вошелъ въ гренадерскій корпусъ, а я остался въ армейскомъ, ибо изъ корпуса взято только по одному полку за храбрость. Тутъ обуюли меня страхи капральской службы и я чуть-чуть не оста-

вилъ фронта, такъ сильно подѣйствовало на меня предубѣжденіе сѣдыхъ ефрейторо-полковниковъ!

Предъ входомъ въ Варшаву, какой-то трепетъ пробѣжалъ въ мою душу. Бывъ всегда и всѣмъ самъ для себя, или другими словами, пріобрѣвъ все самъ собою безъ дядекъ, безъ друзей, безъ покровителей, я входилъ въ команду незнакомыхъ мнѣ людей—Барклая и Савена. Не зная ихъ и фронтowychъ отношеній, я полагалъ, что каждый видитъ одни только мои недостатки. Но надежда на усердіе (тогда мое еще цѣнилось) и на милость монарха успокоивало меня такъ, какъ больнаго успокоиваютъ за часъ до его смерти. Въ Брацлавѣ еще принялъ я нѣсколько русскихъ мундировъ. Но они такъ были дурны, что я не рѣшился ихъ и брать изъ комиссаріата. Къ счастью, комиссіонеръ меня струсилъ и далъ сукно; но шить походомъ было невозможно. На послѣдней дневкѣ я осмотрѣлъ полкъ и съ ужасомъ увидѣлъ, что каждый мундиръ моего солдата былъ шить изъ 5—6-ти французскихъ. Это было разноцвѣтное маскарадное платье. Я, какъ говорятъ, ухитрился: накупилъ красокъ, набралъ котловъ и окунули ихъ въ черную краску. Къ свѣту мы были уже во всемъ новомъ, принимая тутъ буквально одну только краску; музыкантамъ спилъ я басы изъ моихъ наволокъ и простынь. Офицеры много мнѣ помогали, а солдаты оказали пламенную готовность. Но вотъ наступаетъ новая бѣда. Въ Реймсѣ я первый изъ русскихъ завелъ у себя въ полку тамбуръ-мажора. Дивизионный командиръ Корниловъ, слѣдуя слѣпо привычкамъ, не хотѣлъ, чтобы онъ, какъ существо новое, шелъ предъ главою полка. Я спорилъ и побѣдилъ¹⁾.

Входъ въ Варшаву, или лучше, черная краска, наволоки, простыни и самый тамбуръ-мажоръ мой составили мою славу. Надобно признаться, что маскированный видъ полка, въ противоположности съ другими, мало думавшими о наружности и много мыслившими о достоинствахъ, столь былъ разителенъ, что фельд-маршалъ, увидя моихъ егерей, не могъ быть равнодушенъ къ прочимъ. Правду говорятъ, что красавица поражаетъ насъ съ перваго взгляда, а умная женщина—со втораго. Мой полкъ далъ мнѣ авантажъ первый. Я, какъ говорится, съ оника по-

¹⁾ Послѣ меня тамбуръ-мажоры приняты во всей арміи. Я могу похвалиться и тутъ—родоначальникъ русскихъ тамбуръ-мажоровъ. С. М.

паль въ фавору и къ Сакену, и къ Барклаю. Прелестный и непринужденный видъ моего солдата, ловкость комнатной его походки и свобода чувствъ, не стѣсняемая ни жестокостью, ни наказаніями, такъ плѣнила фельдмаршала, что онъ не зналъ, чему болѣе удивляться—солдатамъ-ли-ученикамъ, или ихъ учителямъ?

Разводы мои довершили его очарованіе и онъ жилъ чувствомъ полной душевной къ намъ привязанности. Въ одинъ вечеръ, когда у него стоялъ мой караулъ и играла славная моя музыка, которую оживлялъ капельмейстеръ-итальянецъ, фельдмаршалъ былъ въ совершенномъ восторгѣ. Разсматривая кругловидъ фронта и слыша совершеннѣйшую музыку, онъ не могъ скрыть своего восхищенія, что, по холодному его характеру, не всегда можно было видѣть. Когда вырвалась у него первая еще сердечная похвала Маевскому, то зависть уже ее сторожила. Начальникъ штаба Сабанеевъ, бывши другомъ моего предѣстника и желая оживить его память, замѣтилъ фельдмаршалу:

— «Ваше сіятельство, эту честь надобно отнести къ К. В. Вы изволите знать, что штатскій не могъ бы дать пользу такого совершенства».

— «Напрасно, генераль, вы такъ думаете», отвѣчалъ Барклай: «ежели бы Маевскій только бы и удержалъ полкъ въ прежнемъ видѣ, то уже и за сіе заслуживаетъ благодарность. Но здѣсь я вижу все его и не могу не отнести къ непосредственному его достоинству: это первый полкъ въ моей арміи».

Зависть на время замолкла; я блисталъ полкомъ и злоба зародилась въ сотнѣ сокамратовъ. Меня обвиняли то за излишнія издержки, то за излишнее щегольство, то за тамбуръ-мажора; но всѣ приняли мой видъ и мои затѣи. Опять напасть: что они и разорились, и не достигли равной со мной славы. Я могу похвастать, что я первый родилъ въ арміи щегольство и доказалъ, что, не кладя въ карманъ излишняго, достаточно полковнику и для себя, и для полка.

Съ этой минуты я у Сакена и Барклая былъ уже домашнимъ человекомъ. Всякій разъ, когда я давалъ разводъ, Барклай самъ выѣзжалъ къ моему фронту и всегда говорилъ:

— «Когда я вижу полкъ вашъ, этотъ день я считаю моимъ праздникомъ».

Въ одинъ день Безродный докладываетъ важныя бумаги

Барклаю. Онъ слушаетъ и вдругъ встаетъ со стула и идетъ къ окну смотреть, какъ проходить мой полкъ. Безродного это удивило. Фельдмаршалъ догадался.

— «Вы, конечно, удивляетесь», сказалъ фельдмаршалъ, «что я оставилъ васъ посреди разсужденій. Но это одно выше меня: я не могу пропустить равнодушно, когда идетъ 13-й полкъ».

— «Не пристрастіе-ли это, ваше сіятельство», подхватилъ Безродный, «къ егерямъ?»

— «Это правда, что я люблю егерей», отвѣчалъ фельдмаршалъ, «но полкъ 13-й превосходить все, что я видѣлъ до него».

Въ такомъ расположеніи я былъ около мѣсяца. Но вдругъ говорятъ: «ѣдетъ государь, ѣдетъ великій князь!» Неувѣренность въ себѣ произвела во мнѣ опять трепетную лихорадку. Я принялся за ученіе, постигъ нѣсколько построенія и отдался на волю Бога. Но великій князь проѣзжалъ только мимо. Барклай его встрѣтилъ и при похвалѣ князя войскамъ, Барклай сказалъ:

— «Если вашему высочеству угодно знать совершенство полковъ, то я вамъ ручаюсь въ этомъ случаѣ за 13-й егерскій полкъ; онъ у меня первый въ арміи».

Великій князь, не терпя имени штатскаго, сказалъ на мой счетъ нѣсколько эквивокъ и отнесъ это къ пристрастію, полагая невозможнымъ, чтобъ штатскій могъ когда-либо быть военнымъ, т. е. фронтовымъ.

Зная, что фельдмаршалъ будетъ у моего развода, я сдѣлалъ репетицію, и провѣятыя контръ-марши, которыхъ я не понималъ, задержали меня нѣсколько больше обыкновеннаго. На другой день, я уже готовъ былъ вести разводъ на парадное мѣсто, но Сакенъ велѣлъ ожидать приказанія. Я повиновался и разводъ, по расчету фельдмаршала, опоздалъ. Фельдмаршалъ прогнѣвался, а Сабанѣвъ воспользовался случаемъ, сказавъ, что я учу мой полкъ день и ночь. Фельдмаршалъ оскорбился этимъ поступкомъ и велѣлъ отдать приказъ по арміи съ выговоромъ мнѣ. Я былъ всѣми любимъ, и слухъ объ этомъ въ тотъ же часъ дошелъ до меня. Я лечу къ Сакену, а онъ хладнокровно отвѣчаетъ мнѣ:

— «Скажите фельдмаршалу, что я такъ приказалъ».

Я увидалъ безнадежность оправданія и уже готовился выслушать роковой приговоръ; но фельдмаршалъ, щадя чувство мое, оставилъ приказъ безъ дѣйствія. Вскорѣ послѣ того пріѣзжаетъ

великій князь. Ему разводъ мой не понравился. Это и немудрено: его высочество не имѣетъ привычки хвалить на первый разъ.

По взаимному нерасположенію великаго князя къ Барклаю и наоборотъ, мы не смѣшивались съ гвардіею, которую особо занимался великій князь, и насъ гнали отъ себя прочь, называя армейщиною и не показывая своихъ ученьевъ. Но вдругъ генералы главной квартиры даютъ фельдмаршалу балъ. Наканунѣ этого дня сказанъ намъ парадъ и велѣно было явиться къ его высочеству для полученія приказанія. Мы явились; отъ насъ потребовали рапортовъ о состояніи полковъ, но у насъ ихъ не было. Дунаевъ и я содержали гарнизонъ Варшавы. Великій князь, не терпя безпорядка и не зная еще, что мы не знаемъ порядка, потребовалъ, чтобы мы имѣли въ строю по три баталіона въ 30-ть рядовъ. Дѣло было невозможное: у насъ считалось на лицо много калѣбъ. Но великій князь въ резонъ этого не принималъ, говоря мнѣ:

— «Я буду просить фельдмаршала, чтобы онъ позволилъ мнѣ сдѣлать вамъ инспекторскій смотръ. Я знаю, что у васъ люди не выучены и что одинъ и тотъ же стоитъ всякій день на часахъ».

— Я: Я за счастье почелъ бы, ежели бы ваше императорское высочество удостоили осмотрѣть мой полкъ по внутреннему его состоянію; тогда бы вы изволили сами оправдать насъ и заключить о нашихъ трудахъ и попеченіи. Я всѣмъ отвѣчаю вамъ, ежели вы найдете хотя одного годнаго не выученнымъ.

Великій князь: «Ну, хорошо, поставьте всѣхъ калѣбъ ко мнѣ въ караулъ, а прочихъ выведите во фронтъ».

Это было исполнено. Витебскій полкъ прошелъ въ головѣ и очень дурно. Сакенъ подъѣзжаетъ ко мнѣ, говоритъ:

— «Пожалуйста, пройдите лучше,—витебцы такъ ходятъ, что стыдно смотрѣть».

Мнѣ какъ-то это удалось и я вышелъ съ торжествомъ. На балу великій князь взялъ меня подъ руку, и ходя со мною, хвалилъ мой полкъ.

— Ваше высочество, сказалъ я. Я этимъ счастіемъ обязанъ моимъ товарищамъ: вы изволите знать, что я совсѣмъ еще не военный.

— «Врешь, врешь», подхватилъ великій князь, «собаку съѣлъ!»

Это любимая его была поговорка. Съ этой минуты я у князя вошелъ въ большую милость. Онъ не гонялъ уже меня отъ своихъ ученьевъ; но, напротивъ, училъ меня всему самъ, и далъ мнѣ изъ гвардіи унтеръ-офицеровъ и мастеровыхъ. Ежели я получилъ въ послѣдствіи навыкъ и вкусъ, то этимъ обязанъ его высочеству. Онъ взялъ у меня въ гвардію 8-мъ офицеровъ, а взаменъ далъ 12-ть изъ кадетскаго корпуса.

Зависть еще больше зашипѣла, и если бы это было въ отдаленномъ вѣкѣ, то меня сочли бы колдуномъ и сожгли бы публично. Но и тутъ калѣйки не прошли даромъ: фельдмаршалъ, относя это къ выходѣ, велѣлъ Сабанееву меня повѣрить. Сабанеевъ удивился, отерывъ своими глазами ошибку исчисления. По этому случаю изъ арміи исключено до 40 т., почитавшихся въ госпиталяхъ, которые считались въ полкахъ, но которые, по милости лекарей, давно уже не существовали! Сабанеевъ началъ и самъ ко мнѣ перемѣняться, и при всякомъ новомъ случаѣ бралъ меня въ совѣтники преобразованія.

Съ умноженіемъ въ полкахъ людей, отъ 165 до 250 въ ротѣ, представлялась невозможность помѣщать въ фурахъ на новый комплектъ полный 10-ти душный провіантъ. Я доказалъ противное. Приказъ отданъ, армія меня проклинала; но вотъ 18-ть лѣтъ, какъ фуры возятъ сухари и не видятъ затрудненія.

Еще въ армію отпускались всѣ вещи на комплектъ, котораго не было, а считался мысленно. Я представилъ эту ошибку Сабанееву, и армія опять прогнѣвалась на меня за излишнее усердіе. Ибо всѣ госпитальные не дѣлали уже дохода своимъ обмундированіемъ и жалованьемъ. (Эта ошибка теперь, въ 1831 г., опять приняла свое существованіе). Тутъ и Сабанеевъ помирился со мной и взялъ верхъ надъ своимъ своенравіемъ. Я былъ коротокъ съ нимъ и пользовался его расположеніемъ.

Входя всякій день въ общую моду, я сдѣлался принадлежностью всѣхъ верховныхъ лицъ. Сакенъ часто поручалъ мнѣ узнавать о томъ или другомъ при варшавскихъ дворахъ, а великій князь, не имѣя въ гвардіи ни одного тамбуръ-мажора, далъ въ мой полкъ вольнаго. Я платилъ ему по 15-ти червонцевъ въ мѣсяцъ, а онъ парадировалъ въ моемъ мундирѣ съ гвардіею. Мундиръ и содержаніе стоили мнѣ 500 руб., ибо гвардейскіе полковники никакихъ побочныхъ расходовъ не хотѣли принять

на себя, зная, что великій князь замѣнитъ ихъ или своимъ карманомъ, или способомъ власти. Великій князь, находя полкъ мой одѣтымъ единообразнѣе и щеголеватѣе гвардейскихъ, называлъ его, вмѣстѣ съ публикою, «гвардейскимъ, только безъ петлицъ». Онъ приказалъ мнѣ привести къ себѣ, для образца, унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и барабанщиковъ и, по манеру ихъ, уравнивать одежду въ гвардіи. Вотъ новые враги Маевского. На меня опрокинулись гвардейцы и крайне досадовали, что армейскій дѣлается ихъ законодателемъ, а особенно виновникомъ незнакомыхъ до того имъ расходовъ. Въ одинъ день великій князь призываетъ меня въ свой кабинетъ и, показывая новые кивера, отъ постройки которыхъ отказались гвардейскіе полковники, говоритъ:

— «Маевскій, ты сдѣлаешь мнѣ такіе кивера?»

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ я.

И великій князь, обращаясь къ гвардейскимъ полковникамъ, сказалъ:

— «Вотъ, господа, вамъ все надо положить въ ротъ. Онъ армейскій, но на все готовъ».

Довольно было этого, чтобъ зацѣпить къ армейской и гвардейскую зависть.

У меня были люди, какихъ не было и въ гвардіи. Я подкупилъ отдатчиковъ и выбиралъ изъ 10 т. рекрутъ. Гвардейцы пристали къ великому князю, чтобы онъ позволилъ взять у меня людей для украшенія фланга.

— «Нѣтъ, нѣтъ, господа», отвѣчалъ великій князь. «Я знаю, вы хотите ограбить Маевского. Нѣтъ, этого не будетъ, онъ самъ славный офицеръ!»

И это, точно, спасло меня отъ грабежа. Главное мое торжество было—видѣть, что въ дни парадовъ и баловъ, брали моихъ людей для украшенія еомнатъ, убранныхъ арматурами и пр. Я для этого давалъ моимъ солдатамъ особые уроки: какое положеніе брать имъ, стоя на часахъ, въ глазахъ публики, собравшейся на балъ. Они, точно, эмитировали тутъ не солдатъ, но милиціоноровъ національной французской гвардіи. Видъ ихъ, одежда, свобода и переходъ изъ одного положенія въ другое впадали въ подозрѣніе, не нанялъ-ли я, на мѣсто солдатъ, актеровъ варшавской труппы?

При столь разнообразныхъ доказательствахъ совершенства моего полка, господа сѣдые полковники рѣшительно заключили, что одинъ только чортъ помогаетъ моему счастью. Но каждый изъ начальниковъ ихъ требовалъ и отъ нихъ того же совершенства. Это еще болѣе бѣсило ихъ, и они не знали, какъ потемнить врага общаго ихъ невѣжества и скупости. Утвердивъ базу моего совершенства извнѣ, я далекъ былъ отъ совершенства внутреннего, т. е. капральнаго: я не умѣлъ постичь глазомъ всѣхъ деппадъ и движеній гвардіи; но сильнѣе другихъ армейскихъ былъ и въ этомъ. Я не пропускалъ ни одного ученя, и 18-ть часовъ въ сутки посвящалъ службѣ, бѣготнѣ и ученю самого себя. Вотъ и все мое волшебство.

Одеждѣ полка много способствовалъ крискъ-коммиссаръ Тагичевъ, котораго я, въ свою очередь, спасъ отъ большихъ убытковъ. По его вниманію и благодарности, я получалъ лучшую одежду и имѣлъ способъ каждые три мѣсяца надѣвать на полкъ новые мундиры.

Но вотъ уже пять мѣсяцевъ, какъ я въ Варшавѣ, т. е. съ 14-го августа 1814 г. по 1-е января 1815 г. Я и мои офицеры въ домѣ Барклая точно также приняты, какъ офицеры 3-го егерскаго полка, когда онъ былъ ихъ шефомъ. Однимъ словомъ, все благопріятствуетъ мнѣ до невѣроятной степени. Въ это время наплись тайныя піявицы, окружавшія Сакена и представившія ему, что мой полкъ терпитъ много отъ парадовъ и долговременнаго караула въ Варшавѣ; но что я стараюсь удерживать тамъ полкъ дольше для собственныхъ моихъ видовъ.

Весьма натурально, что послѣднія выраженія потрясли честолюбіе Сакена и онъ отдалъ приказъ: съ 1-го января выдти на смѣну насъ новымъ войскамъ.

Не подозрѣвая ни одной стороны, я спокойно готовлюсь къ походу. Но вдругъ вижу адъютанта Барклая:

— «Пожалуйте къ фельдмаршалу».

Я ѣду, и вотъ интересный разговоръ:

Барклай: «Вы идете въ походъ?»

Я: Я получилъ о семъ повелѣніе отъ корпуснаго командира.

Барклай: «Знаю,—этого вамъ хотѣлось. Хорошо, довольно (показывая знакъ, чтобъ я его оставилъ. Я иду, но Барклай меня

останавливаетъ). Скажите Сакену, что въ моемъ присутствіи никто, кромѣ меня, войсками не располагаетъ. Скажите, что я хочу и приказываю полеа вашъ оставить въ Варшавѣ».

Я ѣду къ Сакену, объявляю приказаніе. Но Сакенъ, воображая, что я иду противъ воли его, говоритъ:

— «Я знаю, что вамъ этого хочется; но каково бѣдному полку?»

Я: Ваше высокопревосходительство! Польза полеа — есть моя польза. Но скажите мнѣ, что мнѣ дѣлать въ моемъ положеніи? Фельдмаршалъ подозрѣваетъ меня, что я искаю этого у васъ, а вы подозрѣваете, что я ищу этого у фельдмаршала. По мѣрѣ моего поведенія, я прошу ваше высокопревосходительство вывести себя и фельдмаршала изъ обиднаго для меня мнѣнія.

Сакенъ: «Хорошо, я объ этомъ поговорю самъ съ фельдмаршаломъ».

Я: Фельдмаршалъ, напротивъ, приказалъ мнѣ сейчасъ привезть отвѣтъ вашъ и остановить передвиженіе.

Сакенъ: «Ну, такъ поговори объ этомъ самъ съ Сабанеевымъ».

Я бросился къ Сабанееву, который былъ одного мнѣнія съ фельдмаршаломъ; я просилъ его объ одномъ — оправдать только меня въ глазахъ Сакена и фельдмаршала.

ХІІ.

Жевитьба. — Новый походъ во Францію. — Трусъ и храбрецы. — Опять въ Парижъ. — Стоянка въ Нанси. — Смотръ близъ Вертю. — Скобелевъ. — Успѣхи по службѣ.

1815 г.

3-го января 1815 г. полкъ мой вышелъ въ Гумбинъ, а 6-го я женился на дочери сенатора и воеводы Возницкаго, Марѣ Алексѣевнѣ, съ которою я счастливо жилъ до 26-го марта 1828 г.

Въ Гумбинѣ я еще болѣе посвятилъ себя службѣ, и если зналъ не больше, то, по крайней мѣрѣ, и не меньше сѣдовласыхъ соперниковъ, которые постоянно занимались не службою, а карманомъ. Я успѣлъ здѣсь познакомиться съ высшею тактикою и дѣлалъ часто маневры по всѣмъ правиламъ атаки и обороны. Чтобы ввести въ офицерахъ честолюбіе къ познанію своего дѣла, они обязывались присылать во мнѣ диспозиціи мѣстныхъ рот-

ныхъ и баталіонныхъ маневровъ, съ изложеніемъ мѣстности и правилъ нападенія и отпора. Общіе умы напряжены были къ полезной точкѣ. И смѣю похвалиться, что полкъ мой былъ точно полкъ славнѣйшихъ вольтижеровъ. Ученіе ихъ не утомляло, но составляло просто игру, развивающую способности; а воображеніе, доведенное до энтузіазма, такъ удерживало сторону чести, что одни брали, а другіе прикрывали свои пункты съ тѣмъ же искусствомъ и даже ожесточеніемъ, какое можно было только видѣть въ бою, но безъ пуль и безъ крови. Пальба въ цѣль была другою охотою. Я покупалъ на свой счетъ порохъ и свинецъ. Приходящая въ штабъ для караула рота не иначе приходила, какъ въ видѣ непріятеля; стоявшая до нее, ее встрѣчала, отражала, маневрировала по всѣмъ правиламъ военнаго искусства и, отступая шагъ за шагомъ, уступала, наконецъ, и городъ. Потомъ они соединялись и стрѣляли въ цѣль вмѣстѣ. Съ одной стороны, стояло ведро воды, съ другой — ведро воды: попавшій въ цѣль пилъ первую, давшій промахъ пилъ поневолѣ послѣднюю. Смѣхъ и стыдъ: вотъ какое неумѣющему было наказаніе. Мастерамъ стрѣлять — платилъ я по рублю и по два. Воспламененные честью, офицеры повторяли точно тоже у себя въ ротахъ.

Я испыталъ совершенно, что палка есть орудіе нетерпѣнія извѣрства. У меня ее не было, а полкъ гремѣлъ совершенствомъ. Жители Гумбина отдавали справедливость поведенію солдатъ и офицеровъ и напечатали изъясненіе ихъ чувства въ варшавскихъ газетахъ. Это былъ примѣръ новаго и перваго, можно сказать, расположенія къ русскимъ.

Я сблизился съ помѣщиками, бывалъ на всѣхъ ихъ праздникахъ, приглашая ихъ къ себѣ. Но мнѣ никогда не нравился тонъ ихъ молодежи. Она нагла, насмѣшлива, неблагопристойна. Того, чего французъ не хочетъ замѣтить, полякъ старается выискать, выдумать. Антипатія ихъ къ русскимъ обнаруживается часто до излишества и не покрывается вовсе мантией приличія. Этотъ характеръ въ Варшавѣ отражается съ дерзостью и притязаніями, въ провинціи — съ наглостью и невѣжествомъ. Я боялся входить въ домъ, гдѣ меня искали, ибо мнѣ должно было вытерпѣть болѣе по себѣ выстрѣловъ, чѣмъ подъ Краснымъ. Милая и прелестная жена моя, которая слыла красавицею Вар-

шавы, облизила меня съ поляками; но сердце мое никогда не лежало къ этому попугайчистому народу.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1815 г. сказано намъ новый походъ во Францію. Я служилъ въ дивизіи Маркова, который хотѣлъ, но не могъ. вредить моей репутаціи. Онъ вездѣ слабѣе меня былъ принимаемъ. Къ счастью, меня съ баталіономъ назначили въ конвой главной квартиры, чему противились Сакенъ и Марковъ, боясь потерять у себя мой полкъ.

Въ Пентковѣ уже я соединился съ главною квартирою. Фельдмаршалъ и супруга его обрадованы были свиданіемъ со мной. Фельдмаршалъ повторилъ мнѣ обычный свой комплиментъ и велѣлъ оба мои баталіона соединить въ конвоѣ главной квартиры.

Въ Брацлау я получилъ ордена: св. Георгія, Анны 2-й ст. съ алмазами, Пуръ-ле-меритъ и Шведскаго Меча. И это все въ одинъ день и часъ!

Въ главной квартирѣ шелъ я до Майна. Тамъ велѣно было смѣнить меня Колыванскимъ полкомъ. Но неряшество послѣдняго остановило смѣну. Сакенъ и Марковъ отнесли это къ моему искательству и домогались перемѣны.

Барклай, приказавъ, наконецъ, спустить меня къ дивизіи, добавилъ:

— «Вы не опасайтесь никого: я вашъ покровитель».

Въ Кейсельстраутернѣ я назначенъ въ авангардъ къ г. Деламерту. Вотъ переданный мнѣ разговоръ:

Дибичъ: «Намъ теперь надо дать графу одинъ изъ храбрѣйшихъ егерскихъ полковъ, и я полагаю дать 13-й».

Барклай: «13-й слишкомъ хорошъ для авангарда. Безъ него у насъ не будетъ параднаго войска».

Дибичъ: «Тѣмъ лучше. Парадный полкъ долженъ быть вездѣ отличный. Впрочемъ, и вся цѣль—имѣть отличное для войны. Да гдѣ же и употреблять отличныхъ, какъ не въ войнѣ?»

Барклай: «Согласенъ; но желалъ бы побережь этотъ полкъ для переды: ему еще много будетъ дѣла».

Дибичъ: «Да Маевскій и офицеры сами о томъ просятъ, чтобъ имъ дали случай отличиться».

Барклай: «Когда такъ, то съ Богомъ! Мнѣ очень пріятно слышать ихъ усердіе и доставить имъ случай къ отличію».

Это Дибичъ пересказалъ мнѣ, выйдя изъ кабинета фельдмар-

шала,—и я благодарилъ его за упрежденіе нашихъ чувствъ и желаній. Когда я объявилъ о семъ въ полку, всѣ краонскіе мои товарищи были въ восторгѣ, а прочіе повѣсили голову, пускаясь уже напередъ въ условія со смертью; но, на зло первымъ и къ радости послѣднихъ, кампанія наша обошлась безъ боя.

Въ двухъ моихъ кампаніяхъ я видѣлъ въ полку у себя 5 неимовѣрныхъ трусовъ, которыхъ одно слово «сраженіе» приводило уже въ трепетъ. Нѣкто Думбровскій предъ сраженіемъ всегда жаловался, почему я не беру его въ дѣло и съ неимовѣрною хвастливостью рассказывалъ о чудесахъ своей храбрости. Но когда дошла до него очередь, онъ такъ струсилъ, что признался мнѣ безъ обиняковъ въ недостаткѣ своего духа. Другой былъ у меня капельмейстеръ, итальянецъ Анжело. Ему очень захотѣлось имѣть офицерскій чинъ. Предъ тѣмъ, какъ намъ штурмовать Парижъ, мы шли въ самое дѣло съ музыкою, играя, что только пришло въ голову. Когда за ядрами полетѣли пули, онъ бѣжитъ ко мнѣ, говоря:

— «Г. полковникъ, весь мой хлѣбъ въ пальцахъ, а когда ихъ отобьютъ, что я буду тогда дѣлать?»

Третьяго нельзя было нигуда послать: онъ вѣчно спрячется. Во вторую кампанію обнаружили свою трусость М. и П... Если изъ 30, 6 естественно всегда трусы, другіе 6 не уходятъ отъ видовъ образованной стыдливости, третьи 6 — только что нетрусы, то въ 300-хъ едва-ли найдется 50 истинно храбрыхъ и на все готовыхъ. Тѣ ошибаются, которые думаютъ, что мундиръ составляетъ храбрость: нѣтъ, она родится съ человѣкомъ и никогда ничѣмъ пріобрѣстися не можетъ. А если и храбрость не есть общій удѣлъ человѣка, то ея надо считать: тому, кто имѣетъ — даромъ неба, а тому, кому она полезна, — счастьемъ государства. Простая даже храбрость, въ объемѣ общей и благоразумной, столько же необходима, какъ необходимы лафеты и колеса, для пушки; а лафеты, вѣдь, не стрѣляютъ, такъ же какъ и простая храбрость не распоряжается. Но одно безъ другаго мертво и неподвижно. Великъ тотъ, кому природа подарила оба эти таланта вмѣстѣ. Но въ моихъ глазахъ герой, въ полномъ смыслѣ этого слова, выше сотни стратегиковъ-трусовъ.

Въ Парижъ вошелъ я теперь совсѣмъ съ другими понятіями, нежели прежде. Болѣе солидности, болѣе благоразумія доставило

мнѣ не простую разсѣянность, но истинное удовольствіе. Не считывая уже жизнь на однѣ сутки, я разсчитывалъ ее впередъ и далеко впередъ! Дѣтскія игры меня уже не занимали; я смотрѣлъ на высокое и двигался только къ высокому. Въ это время былъ энтузиастическій хаосъ всѣхъ партій. Но примѣтнѣе другихъ была королевская. Эти живые мертвецы, возставши изъ гроба Бурбоновъ, хотѣли всѣхъ сдѣлать бурбонами,—и, забывая вѣкъ, раздѣлявшій ихъ прошедшее отъ настоящаго, они высказывали всю глупость, всю нескромность своего столѣтія. Францію можно было тогда уподобить картинѣ, на которой одна половина погребаетъ своего генія, а другая—видитъ воскресеніе своего. На 30 т. можно было положить одного, который бы въ тогдашнихъ обстоятельствахъ бралъ участіе въ радости. Даже и тѣ, кои отторгнуты отъ Франціи и получили собственное политическое существованіе, изъ сильныхъ враговъ сдѣлались друзьями Наполеона. Вотъ лучшее доказательство великости его генія. Потерю Наполеона не одна Франція, но цѣлые народы чувствовали почти въ той же степени, въ какой чувствовала Россія, потерявъ обожаемаго Александра.

Бывъ всегда безпеченъ на собственный свой счетъ, я рѣшился запастись себѣ въ Парижѣ тѣмъ, что составляетъ и память, и потребность. Но посланный отъ меня за покупками истратилъ мои деньги и скрылся. Это лишило меня возможности имѣть классическія рѣдкости Парижа.

Изъ Парижа я выступилъ въ Нанси, 4 часа отъ Парижа. Тутъ простоялъ я около 3-хъ мѣсяцевъ. Слѣдуя духу тогдашняго времени, я воззвалъ къ жителямъ, чтобы они были покойны и въ нуждахъ обращались ко мнѣ. Во все это время взаимная гармонія ничѣмъ нарушаема не была. Нанси небольшой, но густо населенный городокъ. Имъ управляла жена мэра, женщина строптивая и безпокойная. Образъ жизни жителей столь единообразный, что вы не замѣтите въ характерѣ народа ни прилива, ни отлива. Всякій день, посредствомъ городского барабанщика, объявляется то или другое приказаніе мэра, и жители свято его исполняютъ. Въ три мѣсяца я видѣлъ только разъ пьянаго, а разврата вовсе не замѣтилъ. Доброе поведеніе обоого пола есть общее достоинство малыхъ городокъ и деревень Франціи.

Французскія сельскія женщины, такъ какъ и сельскіе дома ихъ,

очень дурны. Жители праздны и вѣчно ротозѣютъ на улицахъ, какъ наши ямщики у почтовыхъ станцій; но въ образѣ жизни имѣютъ все удовольствіе. Французъ безъ говядины не сядетъ за столъ; а денегъ въ оборотѣ я болѣе Франціи нигдѣ не видалъ. Одна только у нихъ странная привычка, что они завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ на походѣ, т. е., переходя съ чашкою или купаньемъ изъ комнаты въ сѣни, а оттуда на дворъ и т. д. Это означаетъ излишнюю живость характера.

Въ Нанси я совершенно преобразовалъ весь свой полкъ. Люди были одѣты единообразно до задвигленія; офицеры одѣлись снова съ ногъ до головы, а музыканты перещеголяли и англійскихъ. Одинъ тамбуръ-мажоръ стоилъ мнѣ 800 франковъ. Онъ только что имѣлъ свой остовъ, впрочемъ: бакенбарды, усы и проч., и проч. было прибавочное. Изъ Парижа ко мнѣ и отъ меня въ Парижъ ежедневно летали транспорты, посылки и мастера. Одинъ разъ мастеровъ такъ было много, что двое, за неимѣніемъ мѣста, сидѣли на имперіалѣ дилижанса.

Въ такомъ блескѣ явился я съ полкомъ подъ Вертю. Вся армія бросилась смотрѣть меня и повѣрять, точно-ли я тотъ, какимъ описываютъ. Записной мой соперникъ Скобелевъ, командуя также полкомъ и гремя на другомъ концѣ Россіи славой своего полка, долженъ былъ уступить мнѣ лавровую свою вѣтвь. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ торжествомъ, а возвратился съ завистью.

Подъ Вертю армія стояла большимъ карре. Войска проходили мимо государя разомкнутыми и сомкнутыми колоннами. Нашу вель генераль-адъютантъ графъ Потоцкій. Послѣ парада является въ мою ставку Потоцкій, говоря:

— «Государь желаетъ знать, чѣмъ онъ можетъ васъ наградить?»

— Произвести въ подполковники помощника моего, М. Ходаковского: вотъ въ чемъ полагалъ бы я особую милость государя императора.

И къ вечеру Ходаковский былъ уже подполковникомъ.

Государю, какъ сказывалъ мнѣ Потоцкій, понравилось безкорыстіе мое и послужило къ довершенію счастья Ходаковского. Онъ лично удостоилъ его командиромъ 5-го егерскаго полка.

30-го августа 1815 г. былъ парадъ. Войска послѣ обѣдни

и молебна шли домой вообще всѣ въ безпорядкѣ. Нѣкоторые были разсѣяны и сами по себѣ кричали «ура!». Это произошло отъ ошибки первыхъ и сообщилось послѣднимъ. Я, напротивъ, почти одинъ изъ всей арміи шелъ въ сомкнутомъ фронтѣ, съ музыкою и въ величайшемъ порядкѣ. Государь, не ожидая первого и восхищаясь послѣднимъ, т. е., хотя однимъ стройно идущимъ полкомъ, остановился передъ нами, билъ рукою кадансъ, подзвалъ меня къ себѣ и благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Я самъ согласенъ съ прочими, что этимъ, какъ и всѣмъ, обязанъ не фарсамъ, какъ говорятъ, а истинно моему счастью. За то этотъ день чту я во всю мою жизнь.

Черезъ нѣсколько дней, государь выбираетъ самъ людей въ гренадеры. Подъѣхавъ къ 1-му полку въ дивизіи, начинаетъ хвалить полкъ Витебскій. Марковъ говорить:

— «Ваше величество, это еще не первый полкъ въ моей дивизіи; у меня лучший Куринскій»

— «Если вы хотите сказать истину, подхватилъ Барклай, такъ у васъ первый полкъ въ дивизіи 13-й егерскій».

Едва только государь подъѣхалъ къ 13-му полку, какъ ему бросился въ глаза мой тамбуръ-мажоръ: это былъ стройный и гибкій Гераклъ. Посмотрѣвъ съ минуту на него, поѣхалъ къ флангу полка. Окинувъ ярко фронтъ, государь началъ говорить окружающимъ его:

— «Этотъ полкъ лучше гвардіи, лучше Лейбъ-егерскаго, лучше Финляндскаго» и т. д.

Наконецъ, подзвавъ къ себѣ австрійскаго генерала, сказалъ ему:

— «Я увѣренъ, что у васъ ни одного такого полка нѣтъ въ гвардіи».

При такой всеобщей похвалѣ, родились отголоски въ слѣдующей постепенности:

Гр. Ожаровскій: «Государь! какъ же этому полку не быть и хорошимъ: вѣдь имъ командуетъ нашъ Маевскій».

Гр. Воронцовъ: «Государь! этотъ полкъ столько же отличается и храбростью, сколько и наружностью». (Онъ былъ радъ похвалить свой выборъ).

Барклай: «Государь! полкъ этотъ былъ у меня въ конвоѣ,

и къ чести его, я не имѣю ничего болѣе сказать, какъ то, что онъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ».

Прочіе мелкіе голоса вторили болѣшимъ и старались аккордировать мыслямъ и словамъ государя. Государь, будучи въ восторгѣ отъ полка и людей, выбралъ у меня, вмѣсто 20, 40 чел.; но, не желая обижать противу другихъ, сталъ опять перевыбирать. Высылая одного за другимъ, безпрестанно повторялъ:

— «Они всѣ прекрасны; теряюсь, не знаю, котораго выслать и котораго оставить».

Наконецъ, сочли 19. Государь, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— «Маевскій, дай одного, но не выбирай: они у тебя всѣ прекрасны».

Однако-жъ, я далъ изъ лучшихъ лучшаго.

Вслѣдъ затѣмъ государь давалъ обѣдъ всѣмъ генераламъ и командирамъ полковъ и артиллерійскихъ ротъ. Послѣ обѣда государь шутилъ и говорилъ со многими. Наконецъ, обращаясь къ Ермолову, говорить:

— «Ну, я, кажется, далъ тебѣ славныхъ людей».

— «Государь», отвѣчалъ Ермоловъ, «я особенно васъ благодарю за людей 13-го егерскаго полка».

Государь: «О, это отличные люди въ полку Маевскаго. Но знаете-ли, вѣдь, онъ не былъ военнымъ. Я его сдѣлалъ». (Кажется, что государь и самъ торжествовалъ безошибочность выбора).

Ермоловъ: «Маевскій, бывши еще и не военнымъ, показывать уже всѣ военные наклонности».

На походѣ уже къ Рейну, я получилъ орденъ Маврікія за Вертю. Награда эта была вовсе неожиданная и тѣмъ пріятнѣйшая, что она составляла трофей непосредственнаго ко мнѣ вниманія государя, столь много обожаемаго и подданными, и всею Европою. Сихъ орденовъ прислано только 5-ть во всю армію. И изъ сихъ-то 5-ти одинъ удостоился получить и я.

Отъ редакціи. Здѣсь мы прерываемъ разсказъ Маевскаго (приведенныя VIII — XII гл. написаны имъ въ теченіи времени съ 30-го марта по 22-е апрѣля 1831 г.). Дѣлаемъ большой пропускъ, такъ какъ въ послѣдующемъ повѣствованіи о „его вѣкѣ“ не встрѣчается подробностей, имѣющихъ общій интересъ или почему-либо характеристичныхъ. Авторъ разсказываетъ о возвратѣ изъ Франціи въ Россію; рожденіе у Маевскаго сына Александра; государь предлагаетъ Маев-

скому полку короля Пруссаго, но онъ предпочитаетъ остаться во главѣ 13-го егерскаго полка.—Стоянки съ полкомъ въ Малороссіи.—Бытъ Малороссійскаго дворянства: грубость, развратъ и невѣжество.—Царскіе смотры войскъ; — автору Записокъ пожаловано три тысячи десятиныхъ земли въ Саратовской губ. Полковая жизнь, стрѣльба, „солдатскіе пункты“; изученіе Маевскимъ тактики и стратегіи и проч. Далѣе слѣдуетъ изложеніе возникшихъ между Маевскимъ и генераломъ Ротомъ, начальникомъ дивизіи, столкновеній; непріятности и придирки происходили оттого, что Ротъ завидовалъ подчиненному ему—командиру 13-го егерскаго полка. Непріятности съ генераломъ Ротомъ вынудили Маевскаго, по производствѣ въ генералъ-маіоры, оставить командованіе 13-мъ егерскимъ полкомъ (12-го декабря 1819 г.). Офицеры, прощаясь съ нимъ, поднесли ему золотую шпагу. Государь повелѣлъ дать Маевскому, по его просьбѣ, 10 тысячъ рублей въ долгъ, такъ какъ отъ командованія полкомъ Маевскій ничего не нажилъ, между тѣмъ, какъ другіе командиры наживались.—Маевскаго сдѣлали бригаднымъ (3-й бриг. 3-й грен. див.) командиромъ;—рожденіе сына Сергія. — Маевскій трудится надъ составленіемъ исторіи турецкой войны 1808—1812 гг. Въ 1823 г. государь смотрѣлъ корпусъ, въ которомъ состояла бригада Маевскаго, подъ Орломъ. Смотръ кончился удачно, генералу пожалована аренда. — 24-го февраля 1824 г. Маевскій назначенъ, на правахъ дивизионнаго командира, отряднымъ командиромъ поселенныхъ баталіоновъ 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій (Старорусскимъ военнымъ поселеніемъ), куда и отправился до вослѣдованія еще приказа, 11-го января 1824 г.

Съ этого времени начинается подробный и весьма интересный разсказъ, который справедливо назвать: „аракчеевщина“. Онъ составляетъ слѣдующую за симъ вторую часть „Моего вѣка, или исторіи генерала Маевскаго“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОЙ ВѢКЪ или ИСТОРІЯ ГЕНЕРАЛА МАЕВСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

Аракчеевщина.

I ¹⁾.

Назначеніе меня начальникомъ Старорусскаго военнаго поселенія. — Дибичъ. — Первое представленіе гр. Аракчееву. — Княжной. — Работы съ Аракчеевымъ. — Болѣзнь императора. — Осмотръ военно - поселеннаго гр. Аракчеева полка. — Комитетъ для составленія проекта инструкціи. — Депутаты. — Бесѣда съ Аракчеевымъ о его значенія и заслугахъ. — Зловѣщій сонъ и ссылка наяву. — Военно-сиротское отдѣленіе. — Аракчеевъ отправляетъ меня на аудіенцію къ государю. — Разговоръ императора со мной о военныхъ поселеніяхъ.

1824 г.

Чтобы дать идею о планѣ, для исполненія котораго избралъ меня Благословенный Александръ, я долженъ пройти ходъ общихъ государственныхъ предположеній. Государь, получивъ распоряженіе къ умноженію военныхъ поселеній, рѣшительно предположилъ обратить весь Старорусскій уѣздъ (то-есть, всѣ казенныя вотчины онаго) подъ поселеніе остальныхъ 2-хъ гренадерскихъ дивизій — 2-й и 3-й съ ихъ артиллеріею, а Ярославскую губернію подъ поселеніе пѣхоты. Гр. Аракчееву предоставлено было обработать планъ сей. Но, сказать истину, онъ потерялъ надъ нимъ 5—6 лѣтъ даромъ: множество его предположеній, противорѣча одно другому, доказывали только простыя вычисленія, ни на чемъ неразсчитанныя и неимѣвшія хорошихъ по-

¹⁾ «Исторія ген. Маевского», ч. I, см. въ «Русской Старинѣ» 1873 г. т. VII, стр. 125 и 253.

слѣдствій. Планы сіи можно видѣть въ актахъ. Но сравнивая предположенія его съ моими дѣйствіями, тотчасъ увидимъ, что это была игра случайныхъ расчетовъ. Графъ, какъ самъ мнѣ говорилъ, сначала вовсе отказывался отъ этого поселенія; потомъ желалъ имѣть его въ меньшемъ видѣ, представляя: то затрудненія управлять такою обширною массою при буйствѣ тамошняго народа, то неимѣніе въ Россіи людей, которымъ бы можно было ввѣрить управленіе народонаселеніемъ до 60 т. людей. Но государь твердо держался своего плана, и Аракчееву оставалось слѣдовать только священной его волѣ.

Я знаю характеръ графа, и подозрѣваю его въ двухъ обстоятельствахъ: первое—графъ, бывши напуганъ неудачами собственнаго поселенія 1-й гренадерской дивизіи, страшился новыхъ непріятныхъ послѣдствій (бунта); второе—боялся имѣть соперникомъ подобнаго гр. Витту и раздѣлять съ нимъ свои лавры ¹⁾. Онъ сначала ввелъ туда на постой до 50 баталіоновъ, «ожесточая поселянъ съ намѣреніемъ», какъ онъ говорилъ, «чтобы званіе поселянина было для него сноснѣе, чѣмъ званіе свободнаго крестьянина».

Утѣснительный этотъ способъ продолжался съ 1817 по 1824 г.

Должно думать, что государь, утомившись долговременнымъ отлагательствомъ пламенно желаемого имъ исполненія, изъявилъ, наконецъ, твердую свою волю. Аракчеевъ согласился; но не бралъ на себя избирать человѣка, способнаго управлять обширною этою массою, говоря:

— «Когда при водвореніи одной дивизіи, гдѣ на 20—30 солдатъ приходилось по одному жителю, было столько затрудненій и безпорядковъ (бунтовъ), то чего же должно ожидать тамъ, гдѣ вдругъ 60 т. должны разстаться съ млечными, такъ сказать, привычками и принять новый родъ жизни и одежды, раставшись

¹⁾ Гр. Аракчеевъ всякій разъ съ удовольствіемъ показывалъ мнѣ высочайшія повелѣнія съ выговорами гр. Витту, говоря: «ежели-бъ государь написалъ мнѣ или тебѣ хотя одинъ такой выговоръ, мы бы съ тобой умерли съ отчаянія. А вотъ—полякъ—ему все ничего».

Графъ, разыная одинъ разъ остроуту словъ, сказалъ: «я знаю, чего вамъ хочется. Вамъ хочется, чтобы гр. Виттъ сѣлъ мнѣ на голову, Угрюмовъ—на правое, а ты—на лѣвое мое плечо. Нѣтъ, пока я служу, никогда этого не будетъ; а когда перестану служить, то можете это дѣлать съ другимъ, а не со мною».

съ бородами, которыя, по ихъ понятію, считаются наравнѣ съ священными, ибо тутъ были все раскольники».

Государь сказалъ: «Отвѣтственность за послѣдствія беру я на себя. А что касается до человѣка, долженствующаго управлять, я выберу его самъ».

И тутъ же, взявъ генеральскій списокъ и проходя имена генераловъ, остановился на мнѣ, сказавъ:

— «Вотъ тебѣ человѣкъ, который все это сдѣлаетъ». (Слова статсъ-секретаря Трофимова.)

Повелѣніе послано было ко мнѣ въ ноябрѣ 1823 г., а я получилъ уже въ январѣ 1824 г. Графъ, зная, что съ нимъ немногіе любятъ служить, полагалъ, что я отдѣлываюсь медленностью. Но Дибичъ, увидѣвши меня, объявилъ мнѣ, что онъ съ намѣреніемъ¹⁾ продержалъ это повелѣніе, полагая, не будетъ-ли перемѣны «ибо постъ сей пламенно хотѣлъ занять дивизіонный мой командиръ Храповицкій, въ надеждѣ еще болѣе приблизиться къ царю, который и безъ того удостоивалъ его особой своей милости и вниманія».

А, какъ теперь, помню тотъ день, когда я явился къ графу. Невольный трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ. Сегюръ правду говорить, что и самый близкій къ придворному обращенію, приготовляясь быть представленнымъ къ монарху, котораго онъ еще не видалъ, невольно чувствуетъ какое-то смятеніе, берущее верхъ надъ расчетами самаго высокаго ума. Меня ввели въ переднюю, гдѣ я дожидался съ полчаса; потомъ перевели въ парадную залу, гдѣ я опять дожидался съ часъ. Во все это время лихорадочная дрожь не оставляла меня. Надобно замѣтить, что храмъ или домъ Аракчеева весьма много похожъ на египетскія подземныя таинства²⁾. Въ преддверіи встрѣчаетъ васъ курьеръ и ведетъ, чрезъ большія сѣни, въ адъютантскую; отсюда, направо, собственная канцелярія государя императора, направо—департаментъ Аракчеева, а прямо—приемная. Вездѣ мистика, вездѣ глубокая тишина; даже на фізіогноміяхъ ничего болѣе, кромѣ страха, не отсвѣчи-

¹⁾ Съ этого времени я началъ подозрѣвать Дибича (въ недоброжелательствѣ ко мнѣ) и не безъ причины:—онъ свелъ меня со сцены и обратилъ на грязную дорогу Балты и госпиталей. С. М.

²⁾ Этотъ большой деревянный домъ находится въ Петербургѣ, на углу Кирочной и Литейной улицъ. Нынѣ, въ 1873 г., онъ нѣсколько передѣланъ для 3-й С.-Петербургской военной гимназіи для приходящихъ. Ред.

вается. Всякій бѣжитъ отъ вопроса и отвѣта, всякій движется по мановенію колокольчика и почти никто не открываетъ рта. Это тайное жилище султана, окруженнаго нѣмыми прислужниками.

— «Попался!» думалъ я. Но, успѣвши въ 1½ часа придти въ самого себя, я живо представилъ себѣ всю картину могущества и ничтожества. «Такъ, думалъ я, вымышляютъ вельможи разстановку время представленія. А для чего? Для того, чтобы, оцѣпивъ сперва представляющагося и набросивъ на него мракъ, располагать потомъ имъ по первому чувству впечатлѣнія. Не у египетскихъ-ли жрецовъ занялъ графъ тайну сего очарованія, посреди котораго теряется разсудокъ и простая вещь принимается за сверхъестественную, а простой человѣкъ принимается за бога Вулкана или Юпитера?» Наконецъ—раскрываются двери и входитъ графъ. Вотъ нашъ разговоръ:

Графъ: «Государю императору угодно было назначить васъ въ помощь мнѣ, для сформированія Старорусскаго военнаго поселенія».

— Я выборъ сей считаю священнѣйшею для меня обязанностью, и, сколько силы и способности мои позволяютъ, буду стараться оправдать довѣренность вашу ко мнѣ.

Графъ: «Нѣтъ, не мою, а государя. Я васъ не выбиралъ и даже не зналъ, а выбралъ васъ самъ государь. Я давно уже запретилъ себѣ избирать помощниковъ; (съ злостью) они проучили меня, и я ни за кого изъ васъ не хочу краснѣть предъ государемъ. (Еще съ большею злостью): по мнѣ, выбери государь хоть козла, для меня все равно, лишь бы только онъ не умничалъ, а дѣлалъ то, что я приказываю. (Съ улыбкою, означавшею усиливающуюся злость): а вы привыкли говорить: «это невозможно». Васъ тотчасъ и слушаютъ, и думаютъ, что дѣйствительно невозможно. Нѣтъ, братъ, у меня—не у Сакена: я требую службы, слѣпаго исполненія, а не умничанья. Да и тебѣ запрещаю принимать резоны отъ своихъ подчиненныхъ. У меня надобно служить, работать да и работать!»

Пока я былъ одинъ, я походилъ на неціанта, трепещущаго при мысли испытанія. Но когда грубый языкъ и незаслуженная укоризна тронули и чувство и достоинство мыслящаго, я далъ свободу духу моему и продолжалъ:

— Ваше сіятельство! посвятить себя службѣ обожаемаго

царя, я не разсчитываю власти, вѣряемой надо мною. Я слѣпо слѣдую этому правилу и принимаю волю моего начальника, какъ святой законъ. Будетъ время, когда ваше сіятельство оцѣните труды мои и, можетъ быть, отдѣлите сами отъ толпы, неумѣвшей оправдать высокой вашей довѣренности.

Графъ (смягчившись): «Посмотримъ, посмотримъ. Я не люблю армейскаго вашего духа: у васъ все «нельзя, да нельзя!»

— Ваше сіятельство справедливо изволите заключать, что слово «невозможно» 'составилось аксіомою лѣнивыхъ и худо-обнимающихъ предметы. Но я не лѣнивъ; а не постигать вещей при такомъ совершенствѣ учителя, какъ ваше сіятельство, было бы даже и непростительно.

Графъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Я уже старъ, я не могу всѣхъ учить я не такъ воспитанъ, какъ вы; я не такъ краснорѣчивъ, какъ вы. Васъ мнѣ дали и я только потребую вашего дѣйствія».

— Ежели ваше сіятельство лишаете меня главнѣйшаго пособія на пути предстоящихъ трудовъ моихъ, или все равно, лишаете меня наставленій и тайны управлять обширнѣйшимъ поселеніемъ, то я буду, какъ въ лѣсу, и дѣйствительно, умственная способность уступить физической.

Графъ: (съ примѣтнымъ удовольствіемъ): «Ну, когда ты не льстишь мнѣ и дѣйствительно хочешь учиться у меня, то и я скажу тебѣ, что ты мнѣ нравишься, и я хочу имѣть тебя не помощникомъ и не подчиненнымъ, а другомъ моимъ», повторивъ это нѣсколько разъ.

Изъ пріемной перевелъ онъ меня въ свой кабинетъ, посадилъ, и послѣ недолгихъ отвлеченныхъ разговоровъ, началъ работать при мнѣ, показывая тѣмъ свои занятія и говоря, что онъ все дѣлаетъ самъ, а не другіе.

Графъ: «У васъ, въ арміи, принесутъ къ главнокомандующему бумаги, онъ возьметъ перо и подписываетъ».

— Нашъ главнокомандующій едва-ли въ годъ увидитъ столько бумагъ, сколько ваше сіятельство обработаетъ въ одинъ день. Да и тутъ разница: всякая бумага требуетъ геніальнаго искусства и опыта; а бумага главнокомандующаго почти составляетъ повтореніе предшествовавшихъ.

Графъ: «Но, вѣдь, онъ — главнокомандующій, а я — просто графъ Аракчеевъ».

— Не только главнокомандующій, но многіе короли предпочли бы васъ себѣ. Во-первыхъ, вы приближены къ первому монарху въ Европѣ; во-вторыхъ, природа излила на васъ всѣ усилія и одарила васъ гениемъ, которому нѣтъ въ Европѣ даже соперниковъ.

Графъ (съ радостною улыбкою): «Ты, братъ, много мнѣ льстишь. Гдѣ мнѣ равняться съ людьми нынѣшняго воспитанія! Они всѣ умнѣ меня. Это гогъ-магоги (такъ онъ называлъ вельможъ). Но я имѣю одно предъ ними преимущество: я душею преданъ царю и, конечно, не продамъ его».

Говоря со мной, онъ продолжалъ читать и поправлять. Перо у него за ухомъ, карандашъ въ зубахъ, а гумми-ластикъ въ рукахъ. Окончивши все, графъ подаетъ мнѣ табель капитала военнаго поселенія. Я, боясь задержать, пробѣгаю вскользь; но графъ заставилъ меня прочесть постепенно всю; 30-ти милліонный капиталъ раскрылъ новый матеріалъ.

— Самая сія табель есть уже дѣло возвышеннаго генія! Для васъ мало было сотворить небывалое до васъ, волосальное заведеніе поселенія,—вы умѣли еще удивить Россію приобрѣтеніемъ такого капитала, который бы всякій другой на вашемъ мѣстѣ потребовалъ бы самъ на однѣ только издержки.

Графъ: «Всякой другой сдѣлалъ бы тоже, что и я; но, конечно, никто бы ихъ такъ не сохранилъ. У меня, братъ, не украдешь. Но я уже старъ; можетъ быть, государь выберетъ себѣ помоложе, повоспитаннѣе: Богъ знаетъ, можетъ быть, изберетъ и тебя....».

Я догадался, что злоба выкатывалась отъ довѣренности ко мнѣ царя, а можетъ, и противъ воли графа. — и не давая сего замѣтить, (я) продолжалъ:

— Ежели государь, избирая на ваше мѣсто другаго, можетъ сообщить ему даръ небснаго вашего генія, тогда вашъ духъ будетъ водить перомъ его такъ, какъ нѣкогда конь Тюрена велъ въ бой цѣлую французскую армію.

Графъ (въ восторгѣ): «Ты все мнѣ льстишь. Не думай, братъ, у меня этимъ выиграть: я не люблю лести, я знаю самъ себя».

— Собственное ваше чувство есть уже ручательство за нелестивый языкъ мой. Покажите же другаго, кто бы былъ равенъ вамъ? 30-ти лѣтнее управленіе дѣлами кабинета, довѣренность такого прозорливаго царя, какъ нашъ, и образованіе многихъ пред-

жетовъ—не внушаетъ-ли въ каждомъ изъ насъ удивленіе къ генію, которому обязана Россія многимъ прекраснымъ и совершеннымъ!....

Вдругъ докладываютъ, что пріѣхалъ Княжной.

Графъ: «Спросите, зачѣмъ?»

Пока ходили, онъ мнѣ говорить:

— «Княжной—другъ мой; его портретъ виситъ въ моемъ кабинетѣ. Но я такъ справедливъ, что ни для кого не переменяю моего правила».

Клейнмихель: «Княжной просилъ государя дать ему мѣсто въ совѣтѣ военнаго министерства; но государь отправилъ его къ вамъ. Княжной говорить, что отъ васъ зависитъ участь службы его».

Графъ: «Нѣтъ, этого я не сдѣлаю. Пусть просится въ военное поселеніе. Другаго мѣста онъ не будетъ имѣть во всю мою жизнь. А послѣ моей смерти, пусть государь посадитъ его хоть въ верховный совѣтъ».

Въ 11 часовъ графъ, по обыкновенію, поѣхалъ во дворецъ, а меня перекрестилъ и отпустилъ домой съ тѣмъ, чтобъ въ 2 часа я пріѣхалъ обѣдать къ нему.

Послѣ обѣда мы были съ графомъ, какъ будто столѣтніе знакомцы. Онъ былъ со мною ласковъ и отбросилъ грубый и злой свой тонъ. Для испытанія меня, графъ далъ мнѣ кодексъ поселенія съ тѣмъ, чтобы я читалъ и сказывалъ ему мысли мои. Для этого назначены были мнѣ часы: всякое утро и 6 часовъ вечера каждый дня до 11-ти, а иногда и позже. Вотъ опять жизнь побутузовски!

Читая проэктъ образованія военнаго поселенія, который въ главнѣйшихъ предметахъ написанъ былъ собственноручно государемъ императоромъ, а исправленъ былъ вообще личнымъ перомъ его, я не могъ безъ слезъ и восторга слѣдовать за движеніемъ души сего великаго образователя-царя. Все, что дышетъ устройствомъ и счастьемъ народа—это говорилось божественнымъ сердцемъ его. Возвышенный языкъ, вмѣстѣ съ счастливымъ изображеніемъ и желаніемъ, врѣзывались въ душу мою и ослѣпляли меня блаженствомъ золотого вѣка. Я, какъ ребенокъ, вѣбралъ чувства мои графу, а онъ передавалъ ихъ царю. Я послѣ только

узналъ, что тирантъ-исполнитель далекъ отъ бога-царя, опредѣляющаго счастье людей.

Государь хотѣлъ меня видѣть въ первые дни; но онъ опасно заболѣлъ ¹⁾. Самъ графъ не всякій день могъ быть у него. Однажды онъ мнѣ сказалъ:

— «Государь очень нездоровъ, но хотѣлъ принять тебя хотя на постелѣ. Я все, все ему пересказалъ, и онъ такъ же, какъ и я, доволенъ тобою».

Посѣщенія мои графа постепенно продолжались всякій день, по утру—въ 6 часовъ; обѣдалъ я у него всегда, а послѣ обѣда опять являлся въ 6 часовъ. Часто я графа вовсе не видалъ; но онъ всегда присылалъ извиняться предо мной. Когда я бывалъ допущенъ въ кабинетъ, то онъ меня сажалъ и занимался со мной. Все это для того, чтобы показать, что я учусь у него..... ²⁾.

Сдѣлавши для себя образцовый семейный списокъ, я изложилъ его на бумагѣ и показалъ графу. Графъ его одобрилъ и въ точныхъ моихъ словахъ передалъ всѣмъ поселеннымъ начальникамъ, только подѣ своимъ именемъ. Онъ послѣ служилъ закономъ для разсортированія семействъ и утвержденія прочнаго ихъ существованія.

Серьезная болѣзнь государя все еще продолжалась и Петербургъ былъ среди страха и надежды. Между тѣмъ наступила Сырная недѣля и Петербургъ, не видя нигдѣ обожаемаго царя, примѣтно уменьшилъ свои радости. Я, съ остаткомъ моей казны (500 руб.), не могъ быть роскошенъ: небогатая комната, 2—3 блюда—вотъ и все, что составляло утѣшеніе мое. Между тѣмъ, бывши обязанъ всякій день быть у графа, я 5—6 разъ въ день получалъ отъ него приказанія съ фельдъегерями: то онъ велитъ явиться въ столько-то часовъ, то пришлетъ дѣла для обработки ихъ, то зоветъ на обѣдъ, и т. д., и т. д. Между 11-мъ и 3-мъ часомъ утра, между 4-мъ и 6-мъ пополудни я объѣзжалъ сто-

¹⁾ О болѣзни Александра Павловича въ 1824 г. см. подробный рассказъ въ Запискахъ его доктора, Д. К. Тарасова: «Русская Старина», изд. 1871 г. т. IV.

Ред.

²⁾ Далѣе въ подлинникѣ три строки тщательно зачеркнуты самимъ авторомъ. Оговоримся разъ навсегда, что въ разсказахъ объ Аракчеевѣ Маевскій во многихъ мѣстахъ повымаралъ по нѣскольку словъ, даже строкъ; очевидно, все это были такія замѣтки, которыя показались ему самому слишкомъ рѣзкими. Таковыя вымарки мы отмѣчаемъ нѣсколькими точками. Ред.

лицу, ибо нанятый извозчикъ даромъ бы бралъ въ сутки по 15 руб. ассигнаціями.

Пробывъ съ мѣсяцъ при графѣ, поѣхалъ я, по его волѣ, въ полѣъ его имени. Намѣреніе было то, чтобы я познакомился съ образцовымъ устройствомъ поселенія и принялъ всѣ его формы. Графъ столько былъ честолюбивъ, что, показывая лучшую сторону, не умѣлъ примѣтить дурной..... Все, что составляетъ наружность—плѣняетъ глазъ до восхищенія; все, что составляетъ внутренность—говорить о безпорядкѣ. Чистота и опрятность есть первая добродѣтель въ этомъ поселеніи. Но представьте огромный домъ съ мезониномъ, въ которомъ мерзнутъ люди и пища; представьте сжатое помѣщеніе—смѣшеніе половъ безъ раздѣленія; представьте, что корова содержится, какъ ружье, а кормъ въ полѣъ получается за 12-ть верстъ; что капитальные лѣса сожжены, а на строеніе покупаются новыя изъ Порхова, съ тягостнѣйшею доставкою; что для сохраненія одного деревца употребленъ сажень дровъ, для обставки его клѣткою,—и тогда получите вы понятіе о государственной экономіи. Но при этомъ не забудьте, что поселянинъ имѣетъ землю по названію; а общій его образъ жизни—ученье и ружье; что онъ, жена и дѣти, съ груднаго ребенка, получаютъ провіантъ, и что все это пріобрѣтается милліонами казнѣ. Притомъ, отъ худаго расчета, или оттого, что корова въ два оборота дѣлаетъ въ день по 48 верстъ для пастбища,—опредѣлительно, всякій годъ падало отъ 1,000 до 2,000 коровъ въ полѣу, чѣмъ лишали себя позема и хлѣбородія, а казна всякой годъ покупала новыхъ коровъ. Еще: всякій названный хозяинъ былъ не болѣе, какъ солдатъ, поступившій въ рекруты изъ другой губерніи. Съ прошествіемъ времени службы, онъ уходилъ на родину; слѣдовательно, его ничто къ поселенію не привязывало, и онъ смотрѣлъ только на число лѣтъ, приближающихъ его къ свободѣ. Бывало не разъ, что такой поселянинъ бросалъ жену и дѣтей и спѣшилъ домой, отъ чего мѣстные женщины, безъ усилія, никогда почти не выходили замужъ. Странно было слушать обрядъ ихъ свадебъ. Полковникъ строить женщинъ въ одну, а солдатъ—въ другую противоположную линію, и, называя солдата по имени, даетъ ему невѣсту, вызывая ее по имени-жъ. Брачные эти союзы никогда не согласовались съ выборомъ и согласіемъ сердца, но учреждались полковникомъ, который разда-

валъ невѣстѣ, какъ овецъ, судя по достоинству жениха! Стоить бросить взглядъ на плодородіе и развратъ этого поселенія, тогда грѣхъ, великій грѣхъ падетъ на Аракчеева!

Не имѣя глупости Пинеагора—возмущать младшихъ противъ старшихъ, я взялъ себѣ въ урокъ худое и хорошее; но, чтобъ не озлобить графа, который не терпѣлъ правды,..... я вторилъ только то, что я дѣйствительно видѣлъ хорошаго: Надобно признаться, что въ этомъ поселеніи все придумано ко благу человека: новивальныя бабки, родильныя, ванны, носилки, самыя отхожія мѣста—все царскія. Мысль царя изображала его сердце и отражалась на каждомъ шагѣ человеколюбиваго и незабвеннаго его чувствованія. Но цари—не боги, ихъ всего легче обманываютъ. Бережливость и чистота погребла пользу всего учрежденія. Въ больницѣ полы доведены были до паркетовъ и больные не смѣли прикоснуться къ нимъ, чтобы ихъ не замарать. Отъ этого вошло въ пословицу, что «они ходятъ про себя чрезъ окно.» У каждаго поселеннаго полка были богатая мебель и богатый серебряный сервизъ. Но мебель хранилась, какъ драгоценность, на ней никто не смѣлъ сидѣть. Тоже самое было и съ офицерами: они не смѣли ни ходить, ни сидѣть, дабы не обтереть и не замарать того, что дано для ихъ употребленія. Комнаты до половины не вмѣщали ихъ вещей и чердаки по большей части были ихъ комнатами ¹⁾. Графъ имѣлъ даръ стѣснить каждое состояніе и поселить такую ненависть, которая доходила до изступленія. Одинъ ужасъ связывалъ языкъ, но чувство отражалось на физиогноміи. Читая одни приказы графа, почувствуешь уже невольный ужасъ и разницу между предположительнымъ счастіемъ и мучительнымъ требованіемъ. У меня отъ приказовъ его всегда подымались волосы. Но, сдѣлавшись послѣдователемъ, и я не избѣгъ его погрѣшностей. Мы оба были Ромулы. Но я, по сердцу, не былъ чудовищемъ.

Это правда, что всякая новизна имѣетъ всѣхъ своими врагами; тутъ нужна стойческая настойчивость.

Наскучивъ бесполезною петербургскою жизнію, я порывался проситься къ мѣсту назначенія; но графъ все это откладывалъ, подъ предлогомъ болѣзни государя. Чтобы занять чѣмъ-нибудь

¹⁾ Графъ сюрпризами входилъ въ офицерскія комнаты. И горе тому, кого онъ заставалъ спящимъ или въ безпорядкѣ.

праздный мой умъ, онъ составилъ комитетъ и велѣлъ мнѣ написать прозетъ для будущаго моего управленія, не давъ, однако-жъ, никакой идеи ¹⁾. Признаюсь, я никогда не былъ такъ глупъ, какъ при этомъ случаѣ. Писать то, о чемъ не имѣешь понятія; изъясняться во власти, которой не дано положительнаго и тогда, когда графъ не терпитъ другой власти, кромѣ своей,— это значило сказать ни то, ни сѣ. Мы взяли среднюю пропорцію и какъ Старорусское поселеніе не имѣло ничего общаго съ другими, то мы ввели и предметы новые. Графъ назначилъ день для слушанія. Мы собрались у Клейнмихеля, и едва я прочелъ одинъ §, графъ закричалъ:

— «Что это вы написали? Такой вздоръ напишетъ у меня всякій писарь! Не правда-ли, Петръ Андреевичъ?»

Клейнмихель, изъясняя знаеъ..... согласія, вторилъ:

— «Точно такъ, ваше сіятельство».

Графъ: «Читай далѣе».

И послѣ всякаго § было одно и тоже повтореніе.

— Ваше сіятельство! Я признаюсь, что этотъ предметъ слишкомъ для меня новъ, и что я, не зная точнаго плана и воли вашего сіятельства, легко могъ не постигнуть высокаго вашего намѣренія. Но...

Графъ: «Но надобно имѣть тутъ (показывая на свой лобъ), тогда всякое намѣреніе будетъ ясно и понятно. Ты привыкъ служить съ такими начальниками, которые соглашались во всемъ, что ты ни напишешь. Нѣтъ, у меня, братъ, не то. Я не Волконскій! я выходокъ и краснорѣчивыхъ словъ не люблю; да и тебѣ запрещаю говорить и писать краснорѣчиво. Я все люблю просто и коротко».

Со всѣмъ тѣмъ, прозетъ прочли. Но графъ изъяснялъ жалкую, улыбку, какую изъясняетъ учитель ученику при чтеніи жалкаго его сочиненія. Комитетъ разошелся, а прозетъ поступилъ къ Самбурскому ²⁾. Онъ прибавилъ только вступленіе, но содержаніе и мысль остались тѣже. Стыжусь сказать, но этотъ трудъ

¹⁾ Онъ даже не могъ терпѣть, чтобъ записывать для памяти и простые его слова.

С. М.

²⁾ Въ распоряженіи «Русской Старины» находится обширное собраніе писемъ гр. Аракчеева къ Самбурскому. Это былъ одинъ изъ главныхъ и наиболѣе довѣренныхъ его приближенныхъ.

Ред.

совсѣмъ былъ напрасенъ. Это былъ кафтанъ Пигмея, натянутый на великана. Въ немъ только и осталось святаго имя, или подпись графа, а впрочемъ, ни одинъ § не шелъ къ образу мною принятаго дѣйствія. Спрашиваю, кто изъ насъ былъ новѣе въ образѣ понятія о поселеніи?

Въ день гнѣва я у графа не обѣдалъ, но вечеромъ явился по установленію.

Графъ, слѣдуя своей системѣ и поминутно боясь бунта, употреблялъ нѣкоего Морковникова въ родѣ агента ¹⁾. Этотъ злой человѣкъ сдѣлалъ многихъ подозрительными... Марковниковъ, по волѣ графа, привезъ депутатовъ отъ всѣхъ 12-ти волостей. Чтобы не сдѣлать шуму въ столицѣ и не надѣлать гласнымъ неудачъ, которыхъ очень боялись и которыми въ Петербургѣ ковали невыгодные толки, графъ остановилъ ихъ въ Ижорѣ. Съ вечера приказано мнѣ быть готову къ дорогѣ. Подвезли возокъ. Графъ назначилъ мѣсто, гдѣ сѣсть ему и мнѣ; мы усѣлись и съ нами поѣхалъ воспитанникъ его—Шумской. Подѣхавъ къ дому князя Лопухина, возокъ остановился. Графъ съ воспитанникомъ пошелъ къ князю, чтобы за одинъ разъ, какъ онъ говорилъ, сдѣлать два дѣла, т. е., и съѣздить въ Ижору, и представить воспитанника князю. Черезъ двѣ минуты, графъ воротился. Шумскій пошелъ домой пѣшкомъ, а графъ сѣлъ ко мнѣ въ возокъ, гдѣ я его дожидался.

— «Ты знаешь-ли», сказалъ мнѣ графъ, «вѣдь, это не нашъ братъ; это гогъ-магогъ! Я, правда, не люблю ихъ и почти никогда у нихъ не бываю. Но чтобъ не сказали, что Аракчеевъ собака, я не могъ отвязаться отъ его просьбы, и долженъ былъ представить ему Шумскаго. Вѣдь у него всегда балы: надобно же молодого человѣка ввести въ кругъ хорошаго общества».

Дорогою графъ принималъ веселый тонъ. Вотъ нашъ разговоръ. Я пишу слова его потому, что Аракчеевъ—историческое лицо Россіи; но его знаютъ только по оттолкамъ, а не по чувстваваніямъ.

Графъ: «Что обо мнѣ говорятъ у васъ въ арміи?»

¹⁾ Далѣе съвязь зачеркнутыя слова видно ясно: злой; далѣе, черезъ три слова, видно: «Мнѣ все кажется, что тутъ былъ тайною пружиною самъ графъ, ибо для его видовъ увеличивать бунты,..... чтобъ побѣдой ихъ увеличить верхъ своего вліянія»..... Затѣмъ совершенно уничтожено семь строкъ. Ред.

— Удивляются всеобъемлющему нашему гению и неимовѣрнымъ нашимъ трудамъ, которые вы посвятили отечеству; а несчастные благословляютъ ваше правосудіе и милости.

Графъ (сердито): «Россія глупа: надѣнь на кого хочешь андреевскую, она будетъ въ поясъ ему кланяться. Читалъ-ли ты неврологію Уварова? Его едва-ли не сравниваютъ съ полубогами. А онъ больше ничего, какъ соглядатай и наушникъ. Я его не боялся; да онъ мнѣ и сдѣлать ничего не могъ. Я служу вѣрно. Пусть государь сыщеть другаго, мнѣ подобнаго! А Уварову написали Богъ-знаетъ чего, и убавили даже лѣтъ жизни: это подлая лесть и ложь! А что говорить о вашемъ Волконскомъ?»

— Всѣ думаютъ, что паденіе его и Захревскаго подписано вами.

Графъ (съ самодовольною улыбкою): «Вѣдь они гогъ-магоги, могу-ли я вредить имъ?»

— Говорятъ, что Захревскій недоволенъ своимъ постомъ, не зная ни языка, ни націи, которою управляетъ.

Графъ: «Какъ ему не быть довольнымъ, вѣдь это важнѣйшій постъ въ Россіи».

Я:..... Какъ трудно найти людей въ мірѣ, которые бы вполне были довольны своимъ настоящимъ!

Графъ: «А вотъ тебѣ Богъ свидѣтель, что я своимъ совершенно доволенъ и ничего больше не желаю».

— Ваше сіятельство можете быть причислены къ феноменамъ нашего вѣка. Вашъ геній ставитъ васъ выше всѣхъ смертныхъ. И если можно еще поставить въ параллель къ вамъ, то это не больше, какъ Меттерниха, Велингтона и Наполеона!

Графъ (съ довольною улыбкою): «Гдѣ мнѣ до нихъ! Это народъ ученый, образованный, а я учился на мѣдныхъ деньги. У нихъ цѣлыя королевства, а у меня одно Грузино,—и тѣмъ я, Богъ свидѣтель, доволенъ».

— Ваше Грузино, конечно, лучше всѣхъ резиденцій германскихъ князей и многихъ королей.

Графъ (очень довольный): «А кто его сдѣлалъ такимъ? Я! Я для управленія его сотворилъ особую методу. И если бы я былъ частный человѣкъ, то выдалъ бы ее въ свѣтъ. Конечно бы короли учились по ней управлять народомъ. У меня ничто не позабыто: я не беру большаго оброка. Лѣсъ и луга — вотъ мой доходъ! Но я недавно выдумалъ новый: мои крестьяне имѣютъ

большое скотоводство. Нанимающіеся у нихъ пастухи платятъ мнѣ положенную цѣну. Изъ этого я содержу ночныхъ сторожей и дѣлаю ежедневное освѣщеніе Грузина».

Проѣзжая чрезъ Царское Село, графъ говоритъ: «Вотъ государю хотѣлось бы, чтобы всѣ города были такъ красивы и хорошо выстроены. Я покажу, какъ возвышать города безъ издержекъ».

Я: Если бы всѣ имѣли такую цѣль, какъ ваше сіятельство, тогда бы наши лачуги превратились въ зданія.

Графъ: «Да, они любятъ только воровать».

Мы не ѣхали, а летѣли. Фельдъегерь, скакавшій впередъ, загналъ двухъ лошадей, а подъ нами пала одна. Я во всю жизнь не ѣзжалъ такъ скоро.

Депутаты были представлены. Графъ говорилъ имъ о непрелѣнной волѣ (государя учредить) поселенія. 11-тъ преклонили только колѣна; 12-й вдругъ началъ приходить въ изступленіе и рассказывать сонъ, что онъ видѣлъ Пресвятую Богородицу и множество нашедшихъ на нихъ людей съ желѣзными крючьями; что они стали молиться Богу и что Богъ разогналъ ихъ, какъ тьму. Не успѣлъ онъ докончить, какъ его схватили и повезли. У графа всегда была готовая повозка, и онъ любилъ сюрпризные ссылки. Графъ, придя въ себя, началъ ласкать остальныхъ и, представляя меня имъ, какъ начальника, говорилъ:

— «Не думайте, чтобы онъ (т. е. я) что-нибудь значилъ. Я его тотчасъ сожму въ рогъ: онъ не смѣетъ ничего у васъ брать. А если бы потребовалъ, пишите обо всемъ ко мнѣ: вы посмотрите, чтѣ я съ нимъ сдѣлаю».

Я хотѣлъ его остановить. Но можно-ли остановить лаву? И такъ, я видѣлъ здѣсь, вмѣсто одного, цѣлыхъ двоихъ пришедшихъ въ изступленіе. Графъ имѣлъ низость выигрывать расположеніе у черни униженіемъ мыслящихъ существъ.

Назадъ воротились мы еще скорѣе. Графъ отослалъ меня въ своемъ экипажѣ домой, а самъ послѣ обѣда поѣхалъ къ государю. Весь Петербургъ зналъ уже о нашемъ путешествіи и завидовалъ моему счастью. Вотъ какъ оно по наружности обманчиво!

Всякое воскресенье графъ возилъ меня въ военно-сиротское отдѣленіе

Я не могу не обратиться къ судьбѣ, которая меня ровно 40 лѣтъ баловала и дѣлала мишенью для выстрѣловъ зависти. Мудрецы правду говорятъ, что лишняя извѣстность есть уже несчастіе ¹⁾).

Графъ, показывая мнѣ военно-сиротское заведеніе, говорилъ: «что 80 т. этихъ малютокъ, раскиданныхъ по лицу Россіи, до поступленія въ его вѣдомство, гасли какъ свѣча: 10-й умиралъ, а 5-й былъ болѣнъ. Вообще же всѣ имѣли закоренѣлую чесотку. Хлѣбъ получали они пополамъ съ пескомъ, а говядину раздавали имъ, какъ артосъ, и то въ годъ не болѣе трехъ разъ. За то наружный видъ замѣнялъ все: кровати были лакированные, а полы, столы и скамейки свѣтились, какъ зеркало!»

Истину сего могъ я подтвердить и самъ, видѣвши Смоленское отдѣленіе, гдѣ эти малютки бѣли хуже страусовъ. Я понять не могъ, какъ желудокъ человѣка могъ въ себя принимать, вмѣсто хлѣба, почти живой песокъ, а вмѣсто пищи—жидкость, составленную изъ одной почти теплой воды. Въ 1830 году я видѣлъ петербургское сиротское отдѣленіе въ командѣ уже Клейнмихеля: обученіе прелестно, порядокъ необыкновенный, установленіе и различиваніе обѣдненныхъ столовъ, приемъ и раздача пищи—почти театральныя; пища прекрасная; гимны, которые 1,000 человѣкъ поютъ однимъ хоромъ, или однимъ согласнымъ тономъ въ церкви, до и послѣ обѣда, восхищаютъ слухъ зрителя и возносятъ душу къ предмету ея обожанія. Содержаніе сихъ дѣтей, какъ Клейнмихель мнѣ говорилъ, казнѣ ничего не стоитъ, но содержатся они остатками провіанта и аммуниціи.....

Въ одинъ день, когда мы обѣдали у графа и шелъ обыкновенный разговоръ о здоровьѣ обожаемаго царя, вдругъ—фельдегеръ съ огромнымъ пакетомъ, за нимъ другой, за тѣмъ третій и т. д. Графъ въ восторгѣ сказалъ:

— «Ну, слава Богу! государю видно легче, если онъ опять начинаетъ работать».

Въ послѣдній день масленицы, когда государь рѣшительно еще никого не принималъ, велѣно мнѣ представиться его величеству: таково его было нетерпѣніе! Графъ Аракчеевъ далъ мнѣ

¹⁾ На всѣ дружескіе вечера, куда приглашали графа, приглашали и меня. Имена приглашенныхъ вносились въ списокъ швейцара, и лишній, хотя бы былъ другъ дома, мѣста не имѣлъ.

письменный пропускной видъ къ царю съ тѣмъ, чтобъ я тотчасъ послѣ придворной обѣдни представился. Видъ этотъ предъявилъ я камердинеру и ожидать приказанія. Между тѣмъ, никто не воображая, чтобы я могъ имѣть это счастье, поминутно подходили ко мнѣ съ запросами.

Дибичъ: «Вы, вѣрно, хотите представиться къ государынямъ?»

Я: Нѣтъ, къ государю.

Дибичъ: «Государь никого не принимаетъ».

Я: Вотъ пропускной мой листъ.

Дибичъ изъяснилъ знаеъ удивленія и пошелъ къ царю.

Кн. Волконскій: тотъ же вопросъ, тотъ же и отвѣтъ.

Кн. Волконскій говоритъ: «Какъ ты попался въ военное поселеніе?»

Я: Самъ не знаю: обязанъ-ли я этимъ счастію, или несчастію.

Волконскій: «Какъ-же ты разстался съ славною твоею бригадою, которую государь очень хвалитъ? Тебѣ, вѣрно, ее жаль?»

Я: Что же дѣлать? воля царя священна для меня.

Я потерялъ здѣсь хронологическій расчетъ и забылъ пересказать наставленіе графа при отправленіи меня къ царю.

Графъ: «Государь, не смотря на свою болѣзнь, нетерпѣливо хочетъ видѣть тебя. Ты долженъ считать это за величайшее счастье, ибо теперь онъ не допускаетъ къ себѣ и гогъ-магоговъ, а ты будешь говорить съ царемъ».

— Я этимъ счастіемъ обязанъ вашему сіятельству.

Графъ: «Нѣтъ, это воля царя; я ею не располагаю. Но это правда, что я хвалю тебя и говорю ему все, что ты ни говоришь. Я ничего не скрываю отъ государя. Богъ тебя знаетъ, что у тебя на душѣ; но если ты не лжешь и говоришь правду, то государю и мнѣ очень пріятно, что ты любишь наше поселеніе. Ну, смотри-же, скажи государю, что ты все это время занимался со мною въ кабинетѣ и понялъ уже нѣкоторыя правила».

— Святой мей долгъ начать съ того, что ежели я постигъ тайну совершенства, то я обязанъ вашему сіятельству.

Графъ: «Ого-го! Ты уже постигъ все! Скоро же. Я 15 лѣтъ учусь у государя и учу другихъ, а все еще не знаю тайны совершенства. Ну, братъ, тебѣ не надо уже больше никакихъ учителей, ты все знаешь самъ».

Я (догадался, что графу лучше видѣть меня профаномъ, не-

жели посвященнымъ въ таинство): Ваше сіятельство! Познанія мои въ таинствахъ военнаго поселенія не свыше еще того, чтобъ умѣть съ точностью исполнить ваши приказанія. Я въ кабинетѣ у васъ больше постигъ въ день, чѣмъ въ размышленіяхъ съ самимъ собою въ цѣлый мѣсяцъ.

Графъ: «А проэекты мои развѣ не ясны?... Петръ Андреевичъ, вотъ какъ онъ понимаетъ наши съ тобою труды!»

Я: Ни предъ однимъ закономъ не преклонялъ еще колѣнъ моихъ съ такимъ душевнымъ благоговѣніемъ, какъ предъ проэектомъ. Сами боги никогда не писали ничего лучшаго и благотѣльнѣйшаго. Но это относится къ одному только чувствованію. Въ отношеніи дѣйствія, я похожъ еще на того юношу, который, слушавъ на каѳедрѣ своего учителя, считаетъ уже и себя учителемъ; но каѳедра кончилась, а съ этимъ кончилось и его знаніе.

Графъ: «Ну, когда такъ, такъ скажи же это и государю. Да скажи, что мы прошли съ тобой весь проэектъ и что я самъ лично толковалъ тебѣ истинную цѣль каждаго § и на первый разъ вразумилъ во всемъ, что тебѣ дѣлать. А послѣ ты опять будешь спрашивать меня; а если ты умѣе меня, такъ пусть государь сдѣлаетъ тебя начальникомъ поселенія. Смотри-жь, скажи государю всю правду, ничего не лги. Государь у насъ умнѣйшій человекъ; онъ такъ и смотритъ въ глаза: чуть солжешь, государь сейчасъ догадается. Да говори просто, а не краснорѣчиво. Государь, такъ какъ и я, терпѣть не можетъ натянутого краснорѣчія. Не правда-ли, Петръ Андреевичъ?»

— «Правда, правда», подхватилъ Клейнмихель.

— «Ну, поѣзжай, а послѣ пріѣзжай ко мнѣ и скажи всю правду, что ты говорилъ государю и онъ тебѣ».

Ровно въ 12-ть часовъ я введенъ былъ въ храмъ святилища. Первый мой предметъ былъ — богъ мой царь!

Если къ обыкновенному царедворцу идешь съ нѣкоторымъ невольнымъ трепетомъ, то благоговѣнный страхъ объемлетъ еще болѣе душу того, кто въ первый разъ представляется царю. Радость, восхищеніе, неизвѣстность и страхъ сливаются въ одно чувство и связываютъ умъ и языкъ.

Государь сидѣлъ за письменнымъ своимъ столомъ; впереди были еще большіе два, на которыхъ въ большомъ порядкѣ ле-

жали карты, пакеты и дѣла. Вправо стояло бюро съ опущеннымъ столомъ.

Государь всталъ, подошелъ ко мнѣ. Онъ былъ въ форменномъ скюртугѣ, и держась рукою за бюро, началъ говорить:

Государь: «Маевскій! Я призываю тебя для важнаго порученія. Алексѣй Андреевичъ вѣрно сказалъ тебѣ обо всемъ. Ты теперь видѣлъ графскій полкъ: это—образчикъ поселенія. Я хочу, чтобы и будущее твое, Старорусское, было точно такое же. Ты, конечно, рассмотрѣлъ все... Какъ ты его находишь?»

Я: Государь! Какъ солдатъ, я восхищался совершенствомъ фронта; какъ гражданинъ—благоговѣлъ предъ творцемъ этого заведенія, гдѣ все придумано ко благоу воина, гдѣ все дышетъ его счастьемъ и благоденствіемъ.

Государь: «А вотъ какъ розно думаютъ: Россія и особенно Петербургъ, не понимая цѣли, противоборствуютъ цѣлому». (Государь не употреблялъ общихъ словъ. Но слово «противоборство» равно было у него дурачеству враговъ новости).

Я: Государь! Я думаю, что это происходитъ отъ толпы. Пусть первѣйшій въ мірѣ зоилъ взглянетъ на зданіе поселенія и прочитаетъ творческую мысль проекта, тогда онъ невольно бросится на колѣни и вѣчно будетъ благоговѣть предъ тѣмъ, кто въ твореніи военнаго поселенія сотворилъ цѣлое счастье Россіи и воина. Но, я, государь, не доумѣваю: отчего истинная цѣль сокрыта отъ публики? а это-то и даетъ ей поводъ впадать въ толки и въ ошибки.

Государь: «На это еще не время. Я хочу открыть глаза публикѣ съ усовершенствованіемъ уже поселенія. Теперь ты представь себѣ милліонъ солдатъ. У нихъ все занятіе хлопать ружьемъ. Бывъ сведены въ одну массу изъ необъемлемаго пространства Россіи, она для нихъ какъ чужая: родство ихъ не связываетъ, браки служатъ только въ тягость; увѣчный и калѣка не находятъ пріюта; солдатскія жены и ихъ дѣти, а особливо дочери, служатъ образцомъ нищеты и разврата. Милліонъ солдатъ не оживляетъ общества и каждый годъ Россія теряетъ столько же народонаселенія. Въ военномъ поселеніи солдатъ имѣетъ вѣчную свою осѣдность и; въ случаѣ похода, имущество, жена и дѣти его устроены; самъ онъ служитъ съ надеждой, а возвращается съ радостію. Офицеры въ обыкновенныхъ квартирахъ болѣею ча-

стію имѣють невыгодное помѣщеніе, разбросаны и по году не видятъ другъ друга, — связь товарищества охладѣваетъ; чувство не имѣетъ ни соревнованія, ни порыва, а пріятность службы замѣняется уныlostью и скукою. Пороки замѣняютъ мѣсто удовольствій и служба теряетъ хорошихъ офицеровъ. Здѣсь, напротивъ, помѣщенія у нихъ хорошія; столъ общій, занятія пріличны образованному офицеру. Вотъ вся цѣль поселенія. Сверхъ того, воспитаніе самихъ кантонистовъ умножаетъ способныхъ людей и многимъ дастъ лучшую дорогу, а люди не имѣють нужды ходить для ученія 10 — 15 верстъ и не будетъ стѣсненія жителей постоемъ. Ты теперь понялъ-ли мое намѣреніе?»

Я: Государь, столъ общее и высокое благо не входило еще въ мое соображеніе. Видя одно наружное, я восхищенъ уже былъ каждымъ моимъ шагомъ. Но то, что я теперь слышу, уноситъ меня въ міръ совершеннаго земнаго счастья. Я выше этого и счастливѣе ничего не знаю.

Государь: «Я, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ бы быть виновникомъ этого счастья; но боги, одни только боги, — могутъ только ручаться за исполненіе того, чего хотятъ люди. Соединимъ, по крайней мѣрѣ, общія силы, чтобы привести къ концу начатое. Мы всѣ твердятъ, что планъ этотъ слишкомъ исполинскій; гдѣ набрать, говорятъ они, хозяевъ? Я думаю напротивъ. Время, усердіе и примѣры разовьютъ способности и легко могутъ быть другіе Фрикены и Полтинины».

Я: При такомъ милостивомъ вниманіи къ подданнымъ, нѣтъ сомнѣнія, государь, что способность ихъ весьма скоро разовьется, и новые хозяева замѣнятъ старыхъ и исполнять свято вашу волю.

Государь: «Я надѣюсь на тебя, Маевскій. Я призвалъ тебя съ этою цѣлью и, судя по твоему усердію, надѣюсь, что ты оправдаешь мой выборъ».

Государь, чувствуя сильную боль въ ногѣ, половину разговора велъ, почти прилегли на бюро. Страданія его какъ будто перелились въ мою душу, и я, полупогасшій, чувствовалъ себя однимъ только моимъ восторгомъ и счастьемъ этихъ минутъ. Онъ вѣчно, вѣчно улаждать будутъ путь моей жизни. Воспоминаніе о нихъ есть уже верхъ всегдашняго моего наслажденія и блаженства!

Графу пересказалъ я весь разговоръ и, признаюсь, прибавилъ запасъ, съ которымъ онъ отпустилъ меня къ государю. Самъ Пиеагоръ, со всею стойкостью своихъ правилъ, оправдалъ-бы меня въ этомъ случаѣ, ибо и въ его школѣ для каждаго смертнаго было общее и относительное свѣтило..... Графъ, проходя весь нашъ разговоръ, повторялъ поминутно: а говорилъ-ли ты то-то, или то-то? и былъ очень доволенъ неотрицательнымъ моимъ отвѣтомъ.

Въ этотъ день обѣдалъ я у генерала Машкарева. Избранный кругъ остряковъ и ученыхъ, узнавши, что я былъ у государя, острили на счетъ поселенія, говоря: «Тамъ все прекрасно, исключая свободы. Я хочу ѣсть курицу, а меня заставляютъ ѣсть яйца». Не касаясь подробностей и тайны, я указалъ имъ только на нашъ мѣръ. Вѣдь и онъ еще не вѣстъ извѣстенъ, когда въ немъ всякій день отрывается новое за новымъ. А что свобода не есть общій уставъ природы, въ этомъ наставляютъ насъ отцы семействъ и все населяющее природу, гдѣ одно существо подчинено другому.

На другой день графъ встрѣтилъ меня съ довольною миною.

— «Ну, государь тобою доволенъ также, какъ и я. И когда я сказалъ государю, что мы съ тобою довольно уже занимались, государъ изволилъ отвѣчать: «Это видно, графъ, что онъ побывъ съ пользою въ твоей школѣ. Какъ кажется, онъ любитъ поселеніе и подаетъ надежду». Графъ улыбаясь продолжалъ: «видишь-ли, какъ государь прозорливъ, отъ него ничего не скроется. Но онъ также, какъ и я, подозрителенъ. Чуть что солжешь, тогда онъ тебѣ ничего уже не повѣритъ. Мнѣ никто не вѣрилъ изъ гогъ-магоговъ, чтобы я успѣлъ сдѣлать то, что я сдѣлалъ. Они не могли даже представить себѣ, какъ 30—40 т. рабочихъ помѣстить въ одномъ мѣстѣ и назначить каждому свой кругъ дѣйствій, не мѣшая другому. Но мнѣ Богъ помогъ, и государь до сихъ поръ мною доволенъ. Но я ужъ старъ. Легко можетъ быть, что государъ захочетъ имѣть помоложе; можетъ быть, и тебя сдѣлаетъ генералъ-лейтенантомъ, ты же мастеръ писать и говорить и лучше меня учился, а я учился на мѣдныхъ деньги.

Я молчалъ, чтобы не ввести его опять въ изступленіе, ибо никто легче его не переходилъ отъ умиленія..... къ грубостямъ и преслѣдованію. Я здѣсь догадывался, что мнѣ, конечно, хо-

рошо у государя, когда графъ въ колкостяхъ изображаетъ свою зависть.

.....Надобно отдать графу полную справедливость..... у него на все написаны правила и всякому дано мѣсто. Кто повѣрить, что солдату и коровѣ написаны съ одною и тою же точностью маршруты для ежедневныхъ ихъ переходовъ! По моему мнѣнію, излишній педантизмъ есть мѣра гибельная, стѣснительная и опасная.

II.

Отъѣздъ въ Старорусское военное поселеніе. — Характеристика Аракчеева. — Высочайшій смотръ 1-й гренадерской дивизіи. — Бритье и стрижка поселянъ старорусскихъ. — Зависть Аракчеева. — Судьба его «однокорытника». — Семёновцы и аракчеевцы. — Багъ въ Старой Русѣ. — Награда. — Шегольство въ полкахъ. — «Воруй да не попадайся». — Богатство и свобода. — Флотилія.

Іюнь — декабрь.

1824 г.

Наконецъ, наступилъ день моего отъѣзда. Графъ, зная, что я небогатъ и не охотникъ просить, упредилъ мои нужды, испросивъ мнѣ 5,000 р. ассигн. на подъемъ, жалованья 8,000 р. ассигн. и прогоновъ по 6,000 р. въ годъ, приказавъ тутъ же послать за моею женою и дѣтьми адъютанта. Смѣшеніе грубостей съ отеческимъ, можно сказать, попеченіемъ, явно противорѣчило свойству одного и того же человѣка. При отъѣздѣ графъ мнѣ запретилъ начинать какое-либо дѣло.

Чрезъ недѣлю пріѣхалъ онъ самъ, и съ этой минуты начинаются новыя сцены.

Чтобъ лучше знать характеръ графа, надобно сперва приблизить къ нему слухъ и вниманіе. Это вотъ какой человѣкъ: золь, вспыльчивъ безъ ограниченія; а иногда и до забывчивости, нетерпѣливъ, какъ дитя; дѣятеленъ, какъ муравей, а ядовитъ, какъ тарантулъ. Если ему хочется кого связать съ собою (это выраженіе можно отнести къ одному ему, ибо безъ сильной цѣпи не было человѣка, которой бы могъ ужиться съ нимъ), то онъ въ началѣ его ласкаетъ, обнадеживаетъ и даетъ чины и кресты на словахъ ¹⁾. Но когда утвердить его на мѣстѣ, тогда обращается съ нимъ, какъ

¹⁾ Вѣрность этой характеристики подтверждается свидѣтельствомъ многихъ современниковъ, имѣвшихъ случай познакомиться съ Аракчеевымъ; см. напримѣръ: «Воспоминанія объ Аракчеевѣ» — И. И. Свѣзева въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г., т. IV.

съ невольникомъ, и позволяетъ себѣ всѣ дерзости. Но чуть кто покажетъ видъ гнѣва, или захочетъ оставить его, того гонитъ съ злодѣйскою жестокостію. Въ этихъ случаяхъ надежда на царя и иногда божественная улыбка его смягчала страданія и отводила душу отъ отчаянія..... Когда ему чего захочется, онъ употребляетъ ласки и большія обѣщанія; когда это исполнится, находитъ недостаточнымъ и никогда у него не обойдется безъ шума и неудовольствія. Скорѣе можно открыть квадратуру круга, чѣмъ средній характеръ графа: у него сто характеровъ въ одинъ день. Будучи охотникъ до мелочей, онъ вѣчно занимается мелочью: ссоритъ подчиненныхъ и, вывѣдывая тайны ихъ, обнаруживаетъ потомъ ихъ въ глаза, дѣлая ихъ непримиримыми врагами. У него шпіонъ и инвалидъ при его домѣ, которому иногда даетъ по 300 лозановъ.....

Образъ мыслей графа столь же странный, какъ и характеръ его. Онъ подозрителенъ до неимовѣрности; онъ не знаетъ различія между людьми и всѣхъ считаетъ, какъ одного. Ему кажется, что самое слово человѣкъ есть уже злоупотребленіе; ибо, по его мнѣнію, что ни человѣкъ, тотъ и воръ, что вся страсть его—брать и наживаться. Для этого-то онъ ссоритъ одного съ другимъ, чтобъ оба ему высказали... Но, можетъ, никто въ мірѣ не былъ столько обманутъ, какъ графъ. Доказательство — собственный его полкъ, или фаворитный Ефимовъ.

Въ первый день пріѣзда графа, къ нему никто не является: этотъ день беретъ онъ на успокоеніе и на осмотръ. Ему подаютъ всѣ домашніе приборы до десертной ложки, и чуть что-либо запылено или оботрется..... съ того взыскиваетъ.

Но вотъ онъ уже и въ Старой Русѣ, съ наперсникомъ своимъ—г. Жеребцовымъ, котораго можно поставить въ одну раму съ Марковниковымъ. Онъ принялъ меня ласково и тутъ же далъ кучу письменныхъ комиссій; къ свѣту я ихъ кончилъ. Графъ, читая мое положеніе о перевозкѣ больныхъ, написалъ своею рукою: «исполнить; а чтобъ память трудовъ генералъ-маіора Маевского оставалась всегда въ виду, проэктъ сей хранить въ дежурствѣ». За этимъ посыпались отъ него приказанія и порученія, которыя исполнялись мгновенно и съ точностью. Графъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ объявилъ высочайшій указъ самъ, а въ остальныхъ объявляли—Жеребцовъ, Клейнмихель и я. Графъ

и усталъ, и струсилъ, ибо на первомъ и послѣднемъ ночлегѣ обставилъ себя баталіономъ солдатъ, а у входа въ двери положилъ Шумскаго, опасаясь бунта.....

Ему набрали до 20-ти человѣкъ изъ сопротивлявшихся..... которыхъ онъ при себѣ велѣлъ обрить..... Всѣ сомнѣвались въ удачѣ; ежедневныя письма къ графу показывали общую недовѣрчивость и опасенія.....

Меня самого провожали изъ Петербурга съ сожалѣніемъ, полагая, что я беру на себя весьма опасное предпріятіе и что оно кончится или моею смертію, или бунтомъ. Графъ наставлялъ меня, какъ ребенка, и нарочно при всѣхъ, какъ приступить къ дѣлу. И едва онъ выѣхалъ, какъ я, на другой день, обрилъ и одѣлъ роту до 500 человѣкъ. Донесъ графу; но графъ..... меня остановилъ.

За 1-й опытъ—сына моего, Александра, пожаловали пажемъ, а его—Шумскаго государь пожаловалъ флигель-адъютантомъ.

Черезъ 3 недѣли я обрилъ и одѣлъ еще 1,500. Я бы сдѣлалъ это въ одинъ день, но графъ меня разставлялъ.

Въ іюнѣ 1824 г. былъ смотръ 1-й гренадерской дивизіи, куда былъ приглашенъ и я. Графъ встрѣтилъ меня сухо; а черезъ полчаса потребовали меня къ государю. Я подаль рапортъ. Государь, разсматривая оный, сказалъ:

— «А! у тебя за 30 т. подъ ружьемъ».

Я: Государь! больше, нежели армія Миниха и Румянцева.

Государь (улыбнулся): «А каково у тебя?»

Я: Государь! Баталіонъ уже обрилъ и одѣлъ.

Государь: «Какъ баталіонъ? Я слышалъ одну еще роту».

Я: Нѣтъ, государь, 4; прежде одну, а завчера три.

Государь: «Знаетъ-ли объ этомъ графъ?»

Я: Я имѣлъ честь доносить его сіятельству.

Государь: «Хорошо. У тебя это идетъ очень успѣшно».

Я: Кто имѣетъ счастье имѣть учителемъ васъ, государь, и гр. Алексѣя Андреевича, тому не трудно никакое предпріятіе.

Государь: «Но, вѣдь, всякій достигаетъ своими способами; твои—превышли мои ожиданія. Я тобою очень доволенъ, и надѣюсь, что ты еще больше окажешь усердія и оправдаешь мою довѣренность»..

Съ этимъ я откланялся и вышелъ; а графъ во все время

стоялъ у дверей и подслушивалъ разговоръ. Увидя меня, сказалъ: «Я тобою очень доволенъ и всѣмъ тебя хвалю. Спроси у нихъ», показывая на Дибича и другихъ царедворцевъ.

Я во всѣ 7 дней имѣлъ счастье обѣдать у государя. Но тутъ были два штрафные генералы: Сентъ-Лоранъ и Рыльцевъ. Первый призванъ былъ для практическаго правоученія, второй—для познанія службы военнаго поселенія. Они такъ были несчастливы, что ни разу не удостоились быть за государевымъ столомъ. Я чувствовалъ мое преимущество и какое-то особое къ себѣ уваженіе графа. Безъ сего послѣдняго и моя участь не была бы выше Сентъ-Лорана и Рыльева.

Государь по большей части подзывалъ меня къ себѣ на ученяхъ, называя уже не Маевскимъ, но Сергѣемъ Ивановичемъ, и говоря о разныхъ эволюціяхъ гвардіи, при концѣ почти смотра, спросилъ: «какъ ты надѣешься на дальнѣйшіе успѣхи?»

Я: Надѣюсь, государь, что конецъ будетъ отвѣчать началу.

Государь: «А не выйдетъ-ли чего?»

Я: Нѣтъ, государь; за это, кажется, смѣло можно поручиться; но только позвольте мнѣ употребить мое средство.

Государь (изумясь немного): «Какое?»

Я: Ассигновать на баталіонъ по бочкѣ водки.

Государь: «А это на что? Ты знаешь, я не люблю такого рода употребленій». (Государь ненавидѣлъ пьянство и не любилъ табачниковъ).

Я: Государь! Я вотъ какъ поступаю: ставлю бочку водки и безъ предисловія говорю: кто хочетъ пить водку, тотъ скорѣе одѣвайся! Въ $\frac{1}{4}$ часа тысячи обриты и одѣты, и съ пѣснями идутъ домой солдатами. (Я точно такъ поступилъ со всѣми 30 т.).

Государь: «На этихъ условіяхъ я согласенъ. Скажи графу. Но не будетъ-ли тутъ новаго безпорядка?»

Я: Нѣтъ, государь, за это я уже отвѣчаю.

Пріѣхавъ въ Руссу, я въ 11 дней обрилъ и одѣлъ 27 т. человѣкъ. Графу это было очень непріятно, и онъ при первомъ свиданіи вотъ что мнѣ сказалъ:

— «Ты скоренько все дѣлаешь; ты вездѣ спѣшишь и хвастаешь. Ты думаешь, что ты одѣлъ людей? Нѣтъ—я! Что тутъ удивляться: «сила солому ломить». Я пять лѣтъ трудился и готовилъ ихъ къ повиновенію и покорности; а ты думаешь, что

ты все сдѣлалъ самъ по себѣ. Знаешь, что я съ тобою сдѣлаю? Разотру, какъ пыль! Я не такихъ училъ, какъ ты: гогъ-магоги, да и тѣ не смѣютъ идти противъ меня! Меня Европа, вся Европа трепещетъ! Ко мнѣ Богъ милостивъ. У меня одинъ только остался злодѣй—Гурьевъ; да и тотъ, слава Богу, околѣваетъ. Нѣтъ, братъ, нѣтъ! мнѣ не надо скороспѣлокъ. Мнѣ надо такой помощникъ, которой бы не умничалъ, а исполнялъ слѣпо мои приказанія. Пусть онъ будетъ дуракъ, лишь бы дѣлалъ только то, что я велю».

— Ваше сіятельство! Я полагалъ, что въ такомъ случаѣ скорость есть первое счастливое средство. Если въ войнѣ должно пользоваться первою удачею, то здѣсь всего болѣе надобно воспользоваться первыми впечатлѣніями и не дать времени простыть и обдумать средства. Впрочемъ, я думаю, что у васъ не можетъ быть дуракъ подчиненный; ибо для того только, чтобы постигнуть вашу волю и умѣть ее исполнить, надобно быть умному человѣку».

Графъ, успокоившись этою лестію, оставилъ колеблѣнія; но не могъ простить мнѣ моего успѣха.....

Графъ, при каждомъ видѣ на мое поселеніе, находилъ все не такъ, ко всему придирался и повторялъ, по крайней мѣрѣ, сто разъ: «ты думаешь, что ты это сдѣлалъ.....»

Графъ во весь этотъ годъ нарочито часто ѣздилъ въ Руссу..... ибо его присутствіе было необходимо.....

Къ обнаженію характера графа, расскажу собственный его разговоръ. На смотру царя опоздали войска выйти на плацъ. Графъ сердился, суетился, разсылалъ съ приказаніями. И когда собрались, онъ собралъ всѣхъ генераловъ вокругъ себя и началъ говорить:

— «Хотя А. Сергѣевичъ (Шкуринъ, командиръ сихъ войскъ) и пріятель мнѣ, но я и его не пощажу, отдамъ въ приказъ по корпусу... Представьте вы себѣ: я посылаю къ Шкурину, а-опъ еще въ шлафокѣ. Я, я—графъ Аракчеевъ, давно уже одѣтъ, а онъ еще нѣжится! Да у васъ и у всѣхъ, гг. генералы; такая же привычка. Вы отдадите приказъ,—вамъ скажутъ: «этого нельзя»,—и вы приказъ уничтожаете. Но если бы вы поступали по моему, тогда бы безпорядковъ не было. Бухмееръ, вѣдь, другъ мой и однокорытникъ по корпусу, но вотъ,—что я сдѣлалъ съ нимъ:

отъѣзжая въ Витово поселеніе, я отдалъ приказъ, чтобы онъ заступилъ мое мѣсто. Бухмееру показалось это тяжело и выше его силъ; онъ сказался больнымъ. Я призывалъ его, уговаривалъ и ничто не помогло! Я ѣду къ государю и прошу выключить изъ службы Бухмеера.

«Государь остановился и говорить:

— «Помилуй, графъ, онъ такъ давно и хорошо служить. Не лучше-ли отставить его съ пенсіономъ?»

— «Воля ваша, государь, я отдалъ приказъ и ни за что его не переменяю. Ежели вамъ не угодно исполнить просьбы моей, такъ я ужъ больше не служу».

«Государь, подумавъ немного, сказалъ:

— «Помилуй, графъ, сдѣлай съ нимъ, что хочешь, кромѣ выключки изъ службы».

«Я посадилъ его съ фельдъегеремъ и отправилъ въ Чугуевъ!»

Графъ сказалъ намъ это съ намѣреніемъ, чтобы доказать свое могущество и... послѣ этого, прикусилъ языкъ и, конечно, не захочешь скакать на повозкѣ!

За опозданіе войскъ Шкурину былъ выговоръ, а 4-хъ офицеровъ графъ хотѣлъ посадить въ вѣрнопостъ; но его упростили, и онъ выписалъ ихъ въ дальній гарнизонъ.

Графъ былъ самолюбивъ и ему казалось, что природа подарила совершенство одному ему; прочихъ онъ считалъ ниже ск... Въ одно время разспрашивалъ онъ у меня объ армейскихъ генералахъ. Я описывалъ ихъ достоинства; а когда коснулось В... (Витта?) и я сказалъ «онъ храбръ», — «что ваша храбрость», подхватилъ графъ; «вотъ напиши это — показывая на свои проекты и приказы, — тогда будешь храбръ!»

Полкъ свой считалъ онъ совершеннымъ, хотя онъ далеко былъ ниже другихъ; назвать его посредственнымъ, даже равняться съ нимъ, въ глазахъ графа, было преступленіе. Полкъ этотъ составлялся изъ всей арміи и, конечно, въ рукахъ другаго, онъ былъ-бы 1-й въ Россіи. Тогда былъ въ модѣ Семеновскій полкъ. Государю было угодно, чтобы мы были у развода его. Послѣ ученья графъ спрашивалъ у насъ, какъ этотъ полкъ въ сравненіи съ его? Кто же скажетъ правду! и натурально, мы отдали справедливость графскому. Графъ передалъ это государю.

Но государь не согласился съ нашимъ мнѣніемъ. Да и дѣйстви-тельно, въ Семеновскомъ полку была особая благородная свобода въ движеніи, ловкость и развязка, плѣняющая взоръ; а графскій—былъ..... очень обыкновенный.

Графъ, вводя меня въ поселеніе, приказалъ привести изъ Новгорода въ Старую Руссу учебный свой баталіонъ. дабы я принялъ его правила. Но баталіонъ этотъ такъ былъ дурень, что графъ, разбранивъ всѣхъ, полковника арестовалъ

Отдѣлавши всѣхъ, графъ принялся за меня.

— Помилуйте, ваше сіятельство, говорилъ я. Я тутъ не принималъ никакого участія; вы сами изволили отдавать приказанія, и слѣдственно, я на свой счетъ ничего не беру.

— «Но у тебя нѣтъ вовсе военнаго глаза», и т. д., говорилъ графъ.

Къ несчастію, мимоходомъ попался ему генераль-маіоръ Кузьминъ, котораго считалъ онъ добрымъ дуракомъ.

— «А ты чего же смотрѣлъ?» говоритъ ему графъ, «ты давно у меня уже въ поселеніи и знаешь мои правила. Пожалуйста, ваше превосходительство (обращаясь ко мнѣ), сажайте его чаще на гауптвахту, а я и государь скажемъ вамъ за то спасибо».

.¹⁾.

Въ іюлѣ 1824 года графъ смотрѣлъ мой учебный баталіонъ. Баталіонъ учился отлично. Клейнмихель не скрылъ его достоинства, и когда графъ былъ восхищенъ, то и Клейнмихель вторилъ: «Прекрасно! Посмотрите, ваше сіятельство, съ какою аттенціею дѣлаются построенія».

Графъ, послѣ ученія на плацу, обнялъ меня и сказалъ:

— «Ты у меня не только хорошій хозяинъ, но и мастеръ фронтаго дѣла. Государю скажу. Я отъ него ничего не скрываю».

Графъ обѣдалъ у меня; былъ съ визитомъ у жены моей и подарилъ обоимъ намъ особое свое расположеніе. На жену мою возложилъ ввести въ городъ веселости и оживить духъ города,

¹⁾ Сквозь чернила, зачеркнутую строку можно разобрать такъ: «общее было счастье, что графъ не зналъ двухъ вещей, которыя онъ болѣе всего требовалъ; это фронта, картографіи (?). Клейнмихель суфлировалъ ему въ обоихъ случаяхъ». Достойно замѣчанія, что даже замѣтки свои о Клейнмихелѣ и его пособничествѣ Аракчееву Маевскій тщательно повывчеркивалъ. Ред.

который получалъ что-то мрачное. Мы дали ему вечеръ. Онъ былъ восхищенъ, сказавъ, что онъ въ жизнь свою не имѣлъ пріятнѣе этого дня и что онъ въ Старой Руссѣ оживаетъ и перенесетъ сюда свою резиденцію..... Онъ хотѣлъ завести тамъ сѣрныя ванны и привлечь туда всю Россію. Чтобъ оказать вниманіе къ столь высокому посѣтителю, я спросилъ его:

— Кого ему угодно будетъ видѣть у меня гостей?

— По мнѣ, кого хочешь, отвѣчалъ графъ: «я и съ волками уживусь».

Обхожденіе графа было по большой части грубое, дерзкое; оно было нестерпимое. Но онъ, отъ недостатка образованія и отъ излишка счастья и власти, вовсе того не примѣчалъ. Напротивъ, всегда думалъ, когда онъ кого бранить, то это значить—учить. Посему онъ всякому, кого онъ бранилъ, говаривалъ:

— «Ты мнѣ долженъ быть благодаренъ за это, ибо я тебя учу добру. Слушайся только меня и дѣлай такъ, какъ я приказываю, ты будешь счастливый человѣкъ».

Графъ всегда противорѣчилъ самому себѣ: письменно приказываетъ, какъ государственный человѣкъ, а словесно велить дѣлать, какъ десноть. Кто его послушаетъ, онъ самъ же послѣ отречется и надѣлаетъ тѣмъ непріятностей; не послушаться же графа—значить быть уже безъ вины преступникомъ. Когда одинъ разъ былъ онъ недоволенъ (а это бывало у него въ часъ по 10-ти разъ), онъ началъ мнѣ говорить:

— «Когда бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, я не то бы сдѣлалъ: я сдѣлалъ бы то-то и то-то».

Я зналъ, что графу хочется ввести меня въ грубую ошибку, выставить ее предъ царемъ и потомъ, въ видѣ милости, простить. Я ему отвѣчалъ: «Ежели ваше сіятельство письменно прикажете мнѣ обречь митрополита, я не остановлюсь ни на одну минуту; но ежели дадите приказаніе подъ рукою, я ничего исполнить не осмѣлюсь: ибо послѣ сами же, ваше сіятельство, повторите любимую вашу пословицу: «что вы не Богъ, а человѣкъ», и что вы легко могли ошибиться. Но я, какъ мѣстный начальникъ, долженъ былъ все сообразить и не поступать противъ разсудка».

Ежели кого онъ бранить и тотъ послѣ признается въ небылой винѣ и просить у графа прощенія, того онъ называетъ

«умнымъ и славнымъ человекомъ». Но бѣда, кто спорить, бѣда, кто дастъ себѣ сѣсть и на шею! Тутъ надобно среднее искусство: «лисій хвостъ и волчій ротъ», какъ говорить пословица.

Характера этого довольно бы было для того, чтобъ въ графѣ видѣть Аравчеева. Но это было бы еще простительно въ частности. Но онъ въ цѣломъ разрушалъ цѣлое. Напримѣръ, въ мало-россійскомъ баталіонѣ, при 2,000 поселянахъ, началъ бранить начальниковъ безъ всякой вины, и, обращаясь къ поселянамъ, говорилъ имъ: «видите, какъ я съ ними поступаю ¹⁾? Ежели бы не я, у васъ давно бы гнили спины отъ палокъ; молитесь Бога за меня. Не слушайте ихъ и пишите обо всемъ ко мнѣ—я вашъ покровитель! Но когда меня не станетъ, тогда вы меня вспомните и не разъ кулакомъ утрете слезы».

Между тѣмъ, требуетъ отъ начальниковъ порядка и исполненія до деспотизма, и за проступки поселянъ часто подвергаетъ ихъ аресту. Такое вѣроломство во всякой другой націи произвело бы бунтъ и несчастіе. Графъ какъ-будто появлялся ставить одного противъ другаго и съ намѣреніемъ всегда искалъ просителей, чтобы, по его мнѣнію, знать все и истреблять злоупотребленія, упирая въ глаза, что отъ него ничего не скроется. Жалобы эти не касались до маленькихъ властей, а относились къ высшей, и слѣдовательно, жаловались ему — на него. И графъ обыкновенно оканчивалъ ихъ наказаніемъ самаго просителя. Въ другой разъ графъ бранилъ генерала Чеодаева до того, что у него отъ слезъ сдѣлались сильнѣйшія судороги. Поступокъ этотъ былъ въ присутствіи цѣлой бригады. Я подошелъ къ нему и говорю:

— «Ваше сіятельство, генералъ Чеодаевъ, полагая, что вы на него прогнѣваны, плачетъ, какъ ребенокъ. Утѣпьте его хоть немного!»

Графъ: «Это ваше дѣло. Вѣдь я его учу не къ злу, а къ добру. Вы бы ему растолковали, что графъ—милостивый и справедливый начальникъ и желаетъ вамъ же добра, а потому и учить».

¹⁾ Одинъ день, говоря со мною о хозяйствѣ, вывелъ меня изъ кабинета къ представлявшимся офицерамъ. Вотъ чѣмъ онъ началъ: «послушайте вашего генерала..... Ежели бы я его слушалъ, то-бъ пропали вы и все ваше поселеніе. Я знаю армейскую вашу привычку: вы всѣ любите воровать и брать взятки; ты не возмещь, такъ возмешь твоя жена» и т. д. Вотъ характеръ великаго человека.

Но ежели онъ считаетъ это обидою, такъ онъ ошибается. Я бонжурить не умѣю, по-французски не знаю, комплиментовъ не терплю, учился на мѣдныхъ деньги, а взысываю и говорю съ вами, какъ умѣю. За это надобно не сердиться, но благодарить меня».

Я извинялъ Чеодаева новостію и непривычкою къ здѣшней службѣ (или лучше, къ здѣшнему обращенію).

— «То-то», подхватилъ графъ: «у васъ въ арміи глядютъ васъ по головкѣ; вы тамъ все бонжурите, да играете вмѣстѣ въ бостонъ, офицеры тоже; а я этого не люблю, да и тебѣ строго запрещаю».

Графъ, успокоившись, сѣлъ въ мои дрожки. Чтобъ возвратить его къ себѣ, я говорю:

— Съ вашимъ сіятельствомъ гораздо легче работать, чѣмъ съ Петромъ Андреевичемъ (Клейнмихелемъ). Мы осмотрѣли уже три роты, а онъ смотритъ еще одну.

Графъ: «Ну, вѣдь, онъ дѣлаетъ не по вашему, а все аккуратно».

— Ваше сіятельство, вы еще больше не пропускали ничего (смотрѣли и бранились) и уже давно кончили.

Графъ: «Ну, я болѣе его сдѣлалъ навѣкъ».....

— Надобно отдать справедливость нашимъ поселянамъ; извольте посмотрѣть, съ какимъ они духомъ идутъ поротно.

Графъ: «А ты думаешь, ты это сдѣлалъ? Нѣтъ я» и т. д., и т. д.

— Я ничего не беру на себя; но чтобы умѣть исполнять и собственною волю вашу, на это нуженъ нѣкоторый умъ.

Графъ далѣе говорить: «Государь пожаловалъ тебѣ 3,000 руб. и я прислалъ ихъ тебѣ по эстафетѣ, а ты пишешь, что тебѣ даны въ долгъ. Перепиши свою бумагу. Государь тотчасъ догадается и прогнѣвается».

— Послѣ тѣхъ милостей, которыми государь осыпалъ меня, я не смѣю просить пособія; а если бы попросилъ, то не 3 т.: а 10 т. рублей.

Графъ: «А 10 т. государь тебѣ бы не далъ».

— А 3 т. я бы не взялъ.

Тутъ графъ былъ какъ-то любезнѣе, и ни слова болѣе не сказалъ; но перемѣнилъ разговоръ, говоря:

— «Вы думаете, графъ собака, онъ кусаетъ. А ежели бы вы знали, какъ мнѣ часто за чубъ (это его слово) отъ государя достается. Я одинъ разъ осмѣлился сказать государю: «Государь! ежели бы я служилъ чорту и тотъ бы уважалъ меня болѣе!» — Я уже старъ; у меня написанъ уже и прощальный приказъ. Пусть государь избересть другаго помоложе и поспособнѣе меня, — помнѣ, хоть тебя. Я уѣду за границу».

— А насъ обрадоваль слухъ, что государь жалуетъ васъ новгородскимъ княземъ.

Графъ: «А на что мнѣ это? Ежели бы это увеличило мою жизнь или ввело въ царство небесное, тогда было бы хорошо; но это ни къ чему не ведетъ. Отъ этого я не буду ни святѣе, ни счастливѣе; мнѣ эти титулы не нужны. (Потомъ продолжалъ): У тебя, пока-што, идетъ хорошо. Богъ тебя знаетъ, можетъ, ты и атеистъ; но я не проникаю ни въ чью душу, а наружнымъ твоимъ поведеніемъ доволенъ. Едва ты написалъ письмо ко мнѣ, я ту же минуту поѣхалъ во дворецъ предъ самымъ выѣздомъ уже государя, и онъ велѣлъ пожаловать тебѣ 3,000 рублей. Видишь, какъ государь тебя любитъ!»

Служа и живя съ такимъ начальникомъ, какъ графъ, у котораго по-утру одно, а въ полдень другое расположеніе и наоборотъ, нельзя похвастать равнодушіемъ мудреца и спокойствіемъ духа: они ежеминутно въ трепетномъ, по крайней мѣрѣ, въ горько-нестерпимомъ положеніи. Самый великодушный человѣкъ, подъ эгидою его управленія, сдѣлается раздражителенъ. . . .

Онъ отдалъ подъ судъ майора Сухачева. Я положилъ мое мнѣніе, основанное на истинѣ. Графъ слѣлалъ мнѣ замѣчаніе за слабость мнѣнія; но я въ другой разъ остался при моемъ.

Графъ требовалъ щегольства и издержекъ на украшеніе фронта. Издержки эти, натурально, падали на собственность солдата. Графъ самъ это зналъ и одобрялъ въ тишинѣ кабинета. Но когда невольныя злоупотребленія случайно обнажались, онъ преслѣдовалъ ихъ..... такъ, какъ будто это дѣлалось самопроизвольно.

Я по дѣлу Сухачева объяснился съ графомъ, говоря: «ежели обвинять за это Сухачева, то, не разбирая лицъ, надо судить начальниковъ всей арміи и самаго меня. Ибо тѣ тысячи, кото-

рыя употребляются на украшенія, равно вездѣ падаютъ на собственность солдата, подъ скрытыми, но допущенными видами».

Графъ мнѣ на сіе отвѣчалъ:

— «Я и самъ твоего мнѣнія. Но пока оно негласно, мнѣ нѣтъ дѣла до того».

Слѣдовательно, графъ держался пословицы Ваньки-Каина: «воруй, да не попадайся».

Графъ возложилъ на меня составить проектъ для промышленниковъ-поселянъ. Я сдѣлалъ его, сообразно съ государственнымъ постановленіемъ, приспособивъ его къ званію поселянъ и къ мѣстнымъ necessitatibus, способствовавшимъ имъ и отправлять свои обязанности, и заниматься съ выгодною промышленностью, обогащавшею край. Графъ былъ другого мнѣнія. Боясь разсѣянности поселянъ и толковъ ихъ, и наоборотъ, онъ хотѣлъ сжать весь кругъ ихъ промышленности въ кругу одной Старой Руссы, сдѣлавъ купцовъ ея монополистами; привязывая всѣми способами купцовъ, полагалъ торжествомъ и то, что они не оставили города. Но я воспротивился его мнѣнію, утверждая, что выгода поселянина-хлѣбопашца есть первостепенная, выгода купца — есть второстепенная. Довольно для него (поселянина), говорить я, когда перекупщикъ, получая рубль на рубль барыша, не стѣсняетъ производителя и не лишаетъ его охоты къ трудамъ и умноженію произведеній земли.

Когда графъ упрекалъ меня, что я не хочу споспѣшествовать ему, я сказалъ:

— Ваше сіятельство требовали моего мнѣнія, я изложилъ его. За мнѣніе никто не сердится: оно есть свидѣтельство или истины, или ошибки. Высокіе умы принимаютъ только полезнае и отбрасываютъ излишнее.

— «Но я не хочу», подхватилъ графъ, «чтобъ поселяне были бѣдниками и заражались другими мнѣніями. Знаешь-ли ты», продолжалъ онъ, «что ничего нѣтъ опаснѣе богатаго поселянина? Онъ тотчасъ возмечтаетъ о свободѣ и не захочетъ быть поселяниномъ. Да и кто же изъ свободы пойдетъ въ неволю?... Я не вѣрю ихъ чувствованіямъ и увѣреніямъ».

— Такъ всего лучше, сказалъ я, не писать положенія о про-

мышленности, гдѣ тѣнь свободы покрываетъ яркими красками всю картину невольничества.

— «Вы всѣ филантропы, у васъ вездѣ свое, а я хочу вести по моему».

Я долженъ, впрочемъ, признаться, что я обязанъ графу точностію идей моихъ и глубокимъ изслѣдованіемъ самаго себя. Графу нельзя написать того, чего нельзя доказать анализами; а эту науку приобрѣлъ я, служа только съ графомъ. Боясь говорить поверхностно, я сталъ обнимать основательно, и корень извлеченій моихъ не слабѣе былъ кубическаго корня. Взвѣсивая каждую мысль, даже каждое слово, я видѣлъ самъ, что поверхностное знаніе съ глубокимъ и основательнымъ есть тоже, что мракъ при молніи съ дневнымъ свѣтомъ, при ярыхъ лучахъ солнца. Графъ подаль мнѣ первую о семь мысль двумя родами: первый былъ тотъ, что онъ кучу моихъ предположеній проходить со мною самъ и на каждый предметъ требуетъ неопровержимыхъ доказательствъ. Послѣ чего кладетъ рѣшенія собственною рукою, что можно видѣть въ штабѣ Старорусскаго военнаго поселенія; второй—тотъ, что графъ сильнѣе рассматриваетъ бездѣлицы, чѣмъ важныя дѣла. Въ одинъ разъ, когда онъ строго повѣрялъ строевой рапортъ баталіоннаго командира и исписалъ его кругомъ своими замѣчаніями, вотъ что онъ мнѣ сказалъ:

— «Ты скажешь, что графъ занимается такими пустяками среди важныхъ государственныхъ занятій. А я тебѣ скажу, что я важными никогда такъ не занимаюсь, какъ пустыми. Ибо важнымъ занимается и вполне обрабатываетъ тотъ, на кого это возложено, а бездѣльнымъ никто не занимается. Но когда я найду и здѣсь ошибку, тогда всѣ скажутъ: ежели графъ занимается и видитъ ошибки въ бездѣлицахъ, то что же онъ увидитъ уже въ важномъ дѣлѣ, которое, конечно, читаетъ онъ съ большимъ напряженіемъ и вниманіемъ?... И ты учись этому и дѣлай такъ, какъ я дѣлаю».

Отчетность въ людяхъ и формъ о томъ такъ были перепутаны и неудобопостигаемы, что графъ, отъ дня изданія ихъ, не обращалъ на то вниманія. При излишествѣ требованій, потребовалъ онъ и отъ меня точнаго изъясненія его формамъ. Дѣло это предоставлено было Клейнмихелю, какъ созидателю формъ, и онъ

самъ увидѣлъ спутанность, затруднявшую собственное его понятіе. И такъ, формы переѣнили по моему.

Графъ имѣлъ злую привычку, минуя начальника, обращаться непосредственно къ его подчиненнымъ. Адъютанту моему прислалъ онъ собственноручное повелѣніе, требуя отвѣта въ его дѣйствіи. Адъютантъ, въ испугѣ, принесъ эту бумагу и, по словамъ моимъ, отвѣчалъ, что онъ только исполнитель, но что все пишу и дѣйствую я. Графъ, увидѣвши меня, говоритъ:

— «Для чего ты по моему предписанію все принимаешь на себя? Чтобъ скрыть адъютанта? Я этого не люблю. Это—значить потворить и баловать подчиненныхъ. Ты бы сказалъ, когда графъ находитъ тебя виноватымъ, то ты уже долженъ быть виновать».

— Ваше сіятельство! Такой способъ выведетъ только подчиненныхъ изъ подчиненности, и когда я буду что приказывать, то никто меня не послушается, не зная, худо-ли, хорошо-ли это дѣлается. Я и такъ едва успѣлъ покорить общій отзывъ: «я не смѣю, графъ за это меня арестуетъ». Ежели мой подчиненный будетъ дѣлить себя между исполненіемъ моего приказанія и отвѣтомъ за то предъ вами, то всякій будетъ уже въ зависимости вашей, а не моей. И что тогда будетъ съ лицомъ, на которое падаетъ общая отвѣтственность?

Графъ три раза велѣлъ мнѣ упущенное исправить на счетъ баталіонныхъ командировъ. Я взялъ вину на себя, ибо ее не было, и заплатилъ 300 рублей. Графъ почувствовалъ несправедливость, и деньги приказалъ мнѣ возвратить.

Всѣ мои письма графъ читалъ государю. Въ одномъ отвѣтѣ, графъ мнѣ писалъ: «и государь изволилъ замѣтить, что ты теперь въ лучшемъ расположеніи духа».

Графъ терпѣть не могъ похвалъ и наградъ; я и того, и другаго домогался.

Графъ говоритъ:

— «Не хвали ты мнѣ никого: я и самъ знаю, кого и чѣмъ наградить».

— Ваше сіятельство, ежели бы я былъ вельможа, какъ вы, тогда бы одного моего слова, одной улыбки довольно было составить ихъ счастье; но какъ я простой генералъ, то мнѣ надобно показать всю мою признательность, чтобы подвигнуть лю-

дей въ безкорыстному дѣйствию и неимовѣрнымъ трудамъ, успѣху которыхъ сами вы отдаете справедливость.

Графъ: «Ну, съ этимъ я согласенъ. Да я уже и такъ произвелъ трехъ твоихъ капитановъ въ маіоры, чего я другимъ не дѣлаю». (Графъ никогда не производилъ капитановъ въ маіоры, чтобы не было лишнихъ штабъ-офицеровъ и чтобы они не были въ армію и тѣмъ избавились-бы отъ ужасовъ поселенія).

Графъ хотя и не хотѣлъ, не могъ не отдать справедливости Старорусскому поселенію. Оно въ полтора года, какъ-будто волшебною силою, сотворилось въ прелестнѣйшемъ видѣ. Всѣ его части имѣли полный видъ совершенства. А что всего важнѣе, не стоивъ казнѣ ни копѣйки, составило собственно своего капитала до 6-ти миллионовъ, разумѣя съ запасами хлѣба и съ удовольствіемъ отъ себя поселенныхъ солдатъ.

Въ концѣ 1824 года графъ возложилъ на меня устроить Старорусскую флотилію. Я сдѣлалъ смѣту однимъ деревяннымъ матеріаламъ, и сумма далеко была ниже той, которая выдавалась въ Новгородѣ. Но экономическій комитетъ требовалъ, чтобы я на эту же сумму сдѣлалъ и такелажъ. Зная пословицу графскую: «гдѣ рука (подпись), тамъ и голова (отвѣтъ)», я писалъ ему: «Вашему сіятельству угодно было сдѣлать меня пѣхотнымъ адмираломъ. Я умѣлъ прежде строить однѣ только пѣхотныя колонны, а теперь строю уже и флотилію. Со всѣмъ добрымъ намѣреніемъ и остатками экономіи, меня заставляютъ дѣлать то, чего я на себя не бралъ. Ежели я, по твердости правила, долженъ буду приплатить отъ себя 3—4 т. рублей, то это неслишкомъ лестная награда за минутное званіе адмирала и безкорыстіе, которое доказывается уменьшенною на суда цѣною» ¹⁾. Графъ былъ столько внимателенъ, что отмѣнилъ прежнее приказаніе комитету.

Въ это же почти время графъ привезъ съ собою положеніе для Старорусскаго экономическаго комитета и, отдавая мнѣ, сказалъ:

¹⁾ Надобно и здѣсь примѣтить, что мысль о постройкѣ флотиліи я первый сообщилъ графу (см. мое донесеніе). Но графъ принялъ это худо, а особенно выраженіе объ опасности, которой я, въ семъ случаѣ, подвергался и велѣлъ актъ сей совершенно уничтожить. Но онъ остался въ книгѣ исходящаго журнала; а флотилія построена вслѣдъ за уничтоженіемъ акта! С. М.

— «Прочитай его хорошенько и подпиши, когда въ немъ нѣтъ противнаго: ты знаешь, гдѣ рука, тамъ и голова. Да не сдѣлай такъ, какъ сдѣлалъ П. А. Угрюмовъ.»—И, обратясь съ усмѣшкою къ Клейнмихелю, спросилъ: «какъ-бишь, сказалъ П. А?»

Клейнмихель: «Когда я отдалъ ему бумаги и именемъ вашимъ приказалъ разсмотрѣть ихъ, исправить сообразно мѣстности и потомъ подписать, тогда онъ взялъ перо и, не читая, подписалъ. Я требовалъ, чтобъ онъ прочелъ то, что подписываетъ; но Угрюмовъ отвѣчалъ: когда графъ что обдумалъ и подписалъ, то оно уже очень хорошо. И какъ бы я ни выдумывалъ, лучше графа не выдумаю».

Графъ (обращаясь къ Клейнмихелю съ самодовольною улыбкою): «Петръ Адреевичъ! хорошо за нами жить. Онъ только спитъ, да курить трубку и играетъ въ бостонъ. А мы за него трудимся; а онъ за насъ получаетъ всякой годъ награду за наградою. Я, впрочемъ, имъ доволенъ: онъ добрый и честный человекъ, дѣлаетъ то, что велятъ, и не умничаешь. Его и государь за то любить.»

Я (зная, что это идетъ о наставленіи меня): Я завидую участи П. А. Угрюмова и желалъ бы имѣть его характеръ и счастье.

Графъ: «Нѣтъ, ты совсѣмъ другое: ты можешь работать самъ безъ помощи другихъ. Но въ тебѣ то не хорошо, что ты все берешь на себя. Нѣтъ, братъ, я всѣ твои письма ко мнѣ велѣлъ переплестъ въ аглицкой переплеть и поставить на полку въ библіотекѣ главнаго штаба. Если и меня не будетъ, то П. А. (Клейнмихель) обнаружитъ тебя, что ты учился у меня; а если ты мнѣ льстишь, такъ это непростительно тебѣ.»

— Я писалъ, говорилъ и говорю, что я и знаніемъ моимъ дѣлъ военного поселенія, и счастливымъ успѣхомъ обязанъ однимъ вамъ. Повторять это предъ лицомъ свѣта считаю данью чувствъ, а не лести. Да кто бы и повѣрилъ мнѣ, что я могу что-либо начать, продолжать и исполнять безъ наставленія вашего сіятельства?

Графъ успокоился и принялъ обыкновенный тонъ.

Но вслѣдъ за его выѣздомъ, мнѣ нужно было начать новыя и довольно смѣлыя дѣйствія. Отправляя къ графу адъютанта моего—Яковлева въ С.-Петербургъ, для познанія порядка дѣлъ графскаго штаба, что графъ любилъ показывать и наставлять,—

я писалъ къ графу: «Всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя я приобрѣлъ въ кабинетѣ вашего сіятельства, подъ непосредственнымъ руководствомъ вашего сіятельства, составляли науку и алфавитъ моихъ дѣйствій по сей день. Теперь наступаетъ новый періодъ дѣйствій; но я совершенный рекрутъ въ нихъ. Ваше сіятельство! по примѣру прошедшаго, не лишите меня новымъ запасомъ наставленій и вразумленія».

Наканунѣ почти 1825 г. графъ пріѣхалъ ко мнѣ, какъ онъ говорилъ, чтобы избѣжать придворнаго этикета и поздравленій, отъ которыхъ онъ не можетъ укрыться и въ своемъ Грузинѣ. куда пріѣзжаютъ съ поздравленіями къ нему первыя лица въ государствѣ.

— «Сюда», говоритъ графъ, «далеко, и никто, слава Богу, не пріѣдетъ. Эти визиты мнѣ наскучили и, кромѣ тягости, отнимаютъ много времени у дѣлъ. А здѣсь мы съ тобою пооботаемъ остальные наши дѣла»¹⁾.

Дѣло шло о рассортированіи неимущихъ семействъ.

Графъ по опыту узналъ, что бобыли, ни къ чему неспособные, обременяютъ только поселеніе. И потому, отдѣливъ больныхъ и увѣчныхъ въ мѣстную больницу, остальныхъ выслалъ въ гражданское вѣдомство, гдѣ они, войдя опять въ разрядъ своего класса людей, платили бы подати или, лучше, другіе платили бы за нихъ. Казалось бы 3-хъ часовъ довольно и дѣло бы кончено. Нѣтъ, мы провозились отъ 7-ми до 10-ти дней²⁾. Графъ, кончивъ разборъ семействъ, хотѣлъ отправить ихъ такъ, чтобы это и поселенъ не растривало, и казну не обременяло. Вотъ его средство: онъ вздумалъ увѣрять меня, что я ему это обѣщала. Я отказывался, а онъ сильно въ томъ настаивалъ. Отправить ихъ было не трудно; но исполненіе безъ его предписанія повело бы меня въ высканный отвѣтъ.

— Вашему сіятельству нѣтъ надобности въ моихъ средствахъ. Ваше предписаніе есть одно мое средство.

Графъ (гнѣвно): «Какъ же ты мнѣ сказалъ вотъ здѣсь (указывая на мѣсто), что ты самъ ихъ перевезешь, и это ничего не будетъ стоить? Меня и самого это очень удивило».

¹⁾ Но представьте себѣ, ежели ему тяжелы посѣщенія покорности, униженія, почести и лести, то каковъ же долженъ былъ быть мой новый годъ!

С. М.

²⁾ Далѣ чернилами затерты три параграфа (18 строкъ), возстановить которые въ подлинности невозможно. Изъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, сквозящихъ сквозь темный покровъ, фразъ можно заключить, что Маевскій описываетъ педантизмъ гр. Аракчеева во время работъ и страсть его говорить при этомъ преимущественно о себѣ, что, разумѣется, уносило почти все время. Примѣчаніе, написанное авторомъ сбоку, также зачеркнуто. Вотъ оно: «Онъ любилъ рассказывать, какъ онъ вошелъ въ корпусъ, какъ выскѣ кадета, какъ билъ Булатова, какъ мать его, по мановенію отца, бѣгивала въ подвалъ и какъ государь хотѣлъ наградить ее за его заслуги, статсъ-дамою; какъ былъ принятъ Павломъ I и какъ терпѣлъ отъ бѣдности и ненависти». Ред.

— Чтобы я перевелъ ихъ на свой счётъ за 250 верстъ съ полнымъ продовольствіемъ, ваше сіятельство сами того не захотите; но перевезть ихъ можно на обывательскихъ подводахъ, съ отпускомъ жизненныхъ припасовъ изъ запасныхъ нашихъ магазиновъ, ибо 1,000 чел. обоого пола, а особливо калѣкъ и дѣтей, перевезть частными средствами частнаго человека—это не только невозможно, но и неудобопостижимо.

Графъ: «Твое хвастовство самаго меня удивило. Я все полагалъ, что ты духъ и что для тебя все возможно. Нѣтъ, братъ, передо мною нельзя лгать и хвастать: у меня ухо и память хороши. Я если разъ что услышу, то никогда не забуду».

Въ это же время было у насъ другое смѣшное происшествіе. Графъ возложилъ на меня планъ огромной и, можно сказать, не бывалой перевозки плиты изъ Устрика въ Русу. Бѣдные способы 1-й дивизіи дѣлали операцію сію неудобовозможною. Я написалъ планъ, графъ утвердилъ (прибавилъ оболочку)—и дѣйствія превзошли ожиданія (см. приказъ по отряду). Операція должна была начаться съ 15-го декабря и кончиться по 15-е марта, разумѣя весь зимній путь; но она кончилась по 1-е января. Графъ, проѣзжая мѣсто перевозки и видя, что она кончилась 2½ мѣсяцами прежде, требуетъ, чтобы я всѣхъ баталіонныхъ командировъ отдалъ подъ судъ за неисполненіе, или ближе, за отступленіе отъ печатнаго его приказа.

— Ваше сіятельство, предоставивъ мнѣ распоряженіе и дѣйствіе, можете обвинять только одного меня. Скорость произошла вотъ отчего: каждый баталіонъ рассчиталъ перевозку по числу хозяевъ, а каждый хозяинъ, чтобы скорѣе ее кончить, вмѣсто однихъ саней, взялъ 5—6, судя по числу его лошадей. Итакъ, вмѣсто 1,000, выходило вдругъ 5—6 т. подводъ. Перевозка кончена во-время, люди свободны и могутъ заняться другими работами, а слѣдовательно и выгодами. Время выиграно, а стужа и распутица не пугаютъ.

Графъ: «Но для чего ты не предупредилъ меня объ этомъ? Я бы далъ другое предписаніе, сообразное съ мѣстными возможностями».

— Я зналъ скорый пріѣздъ вашъ и думалъ объяснить все это лично.

Графъ: «То-то, ты все спѣшишь. А ты знаешь, что я люблю, чтобъ приказы мои исполнялись буквально».

(Окончаніе слѣдуетъ).

МОЙ ВѢКЪ или ИСТОРІЯ ГЕНЕРАЛА МАЕВСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

А р а к ч е е в щ и н а.

III ¹⁾.

Встрѣча новаго года.—Бобыли.—Перевозка плиты.—Положеніе о вестроевыхъ поселянахъ.—Аракчеевская аппробація.—М-те Авлечеева.—Остановка прибавки жалованья.—Серьезная размолвка съ Аракчеевымъ.—Смогрь и разговоръ съ государемъ.—Советы императора.—Мнѣніе о лазутчикахъ.—Царскія объятія и послѣднее прощанье.

1825 г.

Въ 1825 г., при освященіи церкви полку графскаго, графъ говоритъ при мнѣ всѣмъ, бывшимъ тамъ, петербургскимъ посѣтителемъ:

— «Мы сей годъ сдѣлали такую перевозку плиты, какой у меня еще не было. Вотъ и онъ (указывая на меня) никогда мнѣ не вѣрилъ, чтобы это возможно было такъ скоро сдѣлать. Мы все это сдѣлали по военному, какъ дѣлается въ большихъ арміяхъ».

Это правда, что перевозку прожектировалъ и сдѣлалъ я по плану моему о продовольствіи молдавской арміи. (См. Исторію турецкой войны).

Еще нѣчто о святости печатныхъ графскихъ приказовъ.

Графъ предоставилъ мнѣ сдѣлать планъ для поселянъ-работ-

¹⁾ «Исторія» генерала Маевского см. «Русскую Старину» 1873 г., т. VII, стр. 125, 253 и 427.

никовъ, не вошедшихъ въ строевые округа. Графъ передѣлалъ планъ этотъ по своему, взявъ масштабъ съ полевыхъ рабочихъ баталіоновъ, и отдалъ въ печатномъ приказѣ. Когда дошло до исполненія, то люди, живущіе за 80 верстъ, должны были, подобно волнѣ, смѣнять одну другую, не оставаясь дома и двухъ часовъ. Я ариѳметически сдѣлалъ выкладку и поднесъ графу. Графъ разсердился; но повѣряя, увидалъ, что я еще смягчилъ выкладку. Тогда, бросивъ перо, сказалъ:

— «Я, вѣдь, не учитель ариѳметики, а учился ей просто для себя. Но печатнаго моего приказа ни за что не переменяю прежде двухъ лѣтъ. А ты сдѣлай, какъ хочешь, чтобы «и волкъ былъ сытъ, и овцы цѣлы». Понимаешь? Я на это буду смотрѣть сквозь пальцы».

Я всегда былъ остороженъ и всякое распоряженіе посылалъ къ нему; а онъ своею рукою отмѣчалъ: «читалъ», или «анпробую». И тогда только, когда имѣлъ сей актъ, приступалъ къ дѣлу. Это впоследствии спасло меня отъ великихъ бѣдъ.

Еще странность: графъ послалъ меня и Клейнмихеля въ поселеніе. Дорогою объяснялъ я ему доводы моего плана, посланнаго къ графу, о прогонѣ скота. На другой день я поѣхалъ съ графомъ по той же дорогѣ, и онъ, какъ-будто вдохновенно, началъ мнѣ говорить:

— «Вотъ, ежели бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, я многое бы тутъ сдѣлалъ. Надобно только имѣть глазъ, умъ и охоту,—и тогда, не только поселеніе, но и каждый клочекъ земли принесетъ пользу. Ты посмотри, что я тутъ сдѣлаю: я направлю сюда прогонъ скота всей Россіи», доказывая выгоды вчерашними моими словами Клейнмихелю.

На бѣду мою, я познакомилъ графа съ женою помѣщика Аклечеева. Она принадлежала къ числу литераторокъ. Графъ, выѣхавъ отъ нее, сказалъ мнѣ:

— «Вотъ въ Петербургѣ всѣ думаютъ, что я собака, и отъ гордости ни у кого не бываю. А теперь скажутъ, видно графъ не гордъ, когда у себя въ поселеніи посѣщаетъ и простыхъ дворянокъ».

— Этотъ день, конечно, самый счастливый въ ея жизни и она золотыми буквами изобразить вездѣ день вашего посѣщенія.

Графъ: «А кто этимъ домоу управляетъ: хозяинъ или хозяйка?»

— Мнѣ кажется, что здѣсь хозяйка повелительница, а хозяинъ—просто исполнитель ея воли.

Графъ: «Ну, что ежели гдѣ мужъ и жена равно умны (относя. кажется, къ ней), кто тогда старшій въ домѣ?»

— Мужъ и жена имѣютъ равную степень власти: жена—губернаторъ въ домѣ, мужъ—губернаторъ внѣ дома.....

1-го января 1825 г. графъ пожаловалъ старорусскому поселенію прибавочное жалованье и объявилъ о томъ высочайшую волю, которою онъ былъ уполномоченъ. Эта милость дѣлала выгоду офицерамъ и утѣшала собственно мое самолюбіе; ибо мое поселеніе чрезъ 8 мѣсяцевъ получило то, чего всѣ старые, прежде старорусскаго основавшіеся, не получали въ 10 и даже 15 лѣтъ. Но что же тутъ вышло? Графъ осмотрѣлъ, въ 1825 г., одинъ баталіонъ, и за этотъ одинъ отнялъ прибавочное жалованье у 12-ти. Это было слѣдствіе моей нескромности съ Аклечеевою.

Всего страннѣе то, что остальные 11 баталіоновъ осматривалъ со мною Клейнмихель, и совершенство ихъ, въ такое короткое время, приводило его въ изумленіе, о чемъ онъ откровенно и дружески повторялъ это дорогою сто разъ.....

Съ этого дня я уже не приглашался къ графскому столу, и графъ разѣзжалъ одинъ и безъ меня, улавливая (время для посвященія) г-жи Аклечеевой.

Предъ тѣмъ, какъ ѣхать графу въ Петербургъ, графъ сказалъ мнѣ:

— «Государь приглашаетъ васъ на высочайшій смотръ 1-й гренадерской дивизіи», прибавивъ: «государь дѣлаетъ вамъ эту милость, а онъ не многихъ ею удостоиваетъ. А вы можете пріѣзжать всегда, и мой приказъ примите за высочайшее о томъ разрѣшеніе».

Это правда, что быть на государевомъ смотрѣ войскъ военнаго поселенія означало особую милость его величества, а ею немногіе и придворные даже пользовались.

За обѣдомъ графъ, придираясь ко мнѣ, говоритъ, что онъ, во время моего отъѣзда, нашелъ большіе у меня безпорядки (писаря въ шинели) и по дѣламъ много упущеній.

Графъ: «Не правда-ли, Петръ Андреевичъ?»

Клейнмихель: «Точно такъ, точно такъ».

Я: Петръ Андреевичъ не можетъ знать ни порядковъ, ни безпорядковъ.

Клейнмихель: «Какъ вы можете это сказать мнѣ? Я—начальникъ штаба».

Я: Графъ самъ изволилъ мнѣ сказать, что мои дѣла извѣстны только мнѣ и графу, и что они изъ моей портфели переходятъ только въ графскую, имъ разрѣшаются и обращаются ко мнѣ. Слѣдовательно, гдѣ въ предположеніяхъ тайна, тамъ въ заключеніяхъ ошибка.

Графъ, говоря со мною дружески, сказалъ:

— «Ты думаешь, что твои дѣла обрабатываетъ у меня кто-нибудь? Нѣтъ! я самъ ими занимаюсь. И что ты ко мнѣ пишешь и я къ тебѣ, объ этомъ не знаетъ даже и Петръ Андреевичъ».

А въ другой разъ графъ сказалъ: «ты думаешь, что у меня много умныхъ людей? А я тебѣ не начу и четверыхъ въ штабѣ».

Послѣ этого графъ началъ хвалить умершаго генерала Эшина:

— «Вотъ былъ истинный мой помощникъ! Въ печатномъ приказѣ объявлю мое прискорбіе о потерѣ и сердечную признательность трудамъ его».

— Я завидую счастію Эшина; но умереть еще не хочу ¹⁾.

Графъ такъ озлился, что хлопнулъ себя по носу и, почти недокончивъ обѣда, пошелъ въ кабинетъ. Я во всю жизнь мою не видалъ его столь злаго. Спустя полчаса, зовутъ меня въ кабинетъ графа. Вотъ нашъ разговоръ:

Графъ: «Садитесь ваше превосходительство. Мы теперь поговоримъ, какъ генералъ съ генераломъ, какъ русскій дворянинъ съ русскимъ дворяниномъ. Васъ Богъ одарилъ острою и вы могли бы быть министромъ ²⁾. Но у васъ такой спорный характеръ, что вы ни съ кѣмъ не уживетесь. Чуть вамъ скажешь слово, у васъ на лицѣ формируется намѣреніе солгать, отговориться, вы-

¹⁾ Далѣе слѣдовало нѣсколько, какъ надо полагать, рѣзкихъ словъ, но они тщательно зачеркнуты Маевскимъ. Ред.

²⁾ Признаюсь, я и самъ пмѣлъ глупость мечтать объ этомъ; а особенно послѣ письма графа, гдѣ онъ говоритъ: «желая изъ васъ сдѣлать государственнаго человѣка, службѣ и государю полезнаго»... и т. д. Графъ никогда не говорилъ объ отечествѣ: онъ это замѣнялъ словомъ служба.—Но графъ былъ оракулъ судьбы: какъ ему не вѣрить?... С. М.

вернуться. Посмотри даже и теперь въ зеркало, ты это тотчасъ на себѣ замѣтишь». Потомъ продолжалъ сердито: «Вы безпрестанно защищаете виноватыхъ, а я и государь этого не любимъ. Вы говорите, что я называю васъ всѣхъ генераликами. Нѣтъ, я постоянно съ вами, какъ генераль съ генераломъ. А если бы кто что и совралъ, то вамъ должно сказать: нѣтъ, графъ поступаетъ съ нами милоливо, онъ отечески взыскиваетъ. (Это исторія Чаадаева).

— Ежели отраженіе фізіогноміи есть печать чувства, то ваше сіятельство согласитесь, что нельзя быть равнодушнымъ, когда вы насъ браните.

Графъ: «Я васъ не браню, а взыскиваю (и возвыся голосъ, съ сердцемъ повторялъ): я—начальникъ и никто мнѣ не запретить взыскивать».

(Я всталъ) «Какъ вы», продолжалъ графъ, «осмѣливаетесь дѣлать мнѣ грубость и непослушаніе, — когда я приказалъ вамъ сидѣть, а вы встали! Фрикенъ—другъ мой, а никогда не сидитъ предо мною, а я вамъ одному дѣлаю эту честь».

— Пока ваше сіятельство изволили говорить со мною не въ тонѣ начальника, я позволилъ себѣ сидѣть; но когда вы говорите, какъ начальникъ подчиненному, то я не смѣю принимать приказанія сидя.

Графъ: «Извольте сѣсть: я вамъ приказываю».

Я (сѣлъ): Позвольте, наконецъ, откровенно доложить вашему сіятельству: какая пріятность въ такой службѣ, гдѣ съ самымъ чистымъ и пламеннымъ усердіемъ поминутно трепещешь или суда, или крѣпости?

Графъ: «А что-жъ за бѣда! Я самъ былъ и подъ судомъ, и въ крѣпости, а все я — графъ Аракчеевъ».

— Васъ природа одарила и геніемъ, и твердостію души. Я, напротивъ, не перенесу такого страдательнаго положенія. (Всталъ и отошелъ къ двери).

Графъ: «Не думаешь-ли ты уйти? Я приказываю вамъ остаться. Развѣ ты не чувствуешь милостей, видя, что графъ Аракчеевъ пишетъ къ тебѣ самъ письма. Къ кому же графъ писалъ, кромѣ тебя? И кромѣ того, помогалъ даже въ семейныхъ твоихъ нуждахъ».

Тутъ пошелъ сильнѣйшій дождь. Графъ то читалъ бумаги,

то писалъ, то подходилъ къ окну. Придя нѣсколько въ себя, началъ разговоръ шутливымъ тономъ:

— «Хорошо, что я тебя такъ скоро не отпустилъ: ты человѣкъ горячій, поѣхалъ бы въ дождь, простудился бы и умеръ». Возвыся опять голосъ: «Не думаешь-ли ты идти въ отставку? Нѣтъ! Отъ меня дешево не отдѣлаешься».

— Пока я видѣлъ, что труды мои полезны обожаемому мною государю, до тѣхъ поръ я считалъ бы преступленіемъ не посвящать ему трудовъ и самой даже жизни. Но когда вижу, что я не могу угодить вамъ, а слѣдовательно, и труды мои бесполезны, то лучшее средство—оставить путь, уготовляющій одни только несчастія. Отчетовъ я не боюсь, совѣсть моя чиста, а благость монарха—лучшій мой щитъ.

Графъ: «Мнѣ тебя не жаль; но жаль жену твою и дѣтей».

— Онѣ давно уже рѣшились раздѣлять мой жребій, и хотя бы пѣшкомъ, пойдутъ со мною на край свѣта.

Графъ (перемѣня тонъ, сказалъ): «Ваше превосходительство! Безъ высочайшаго повелѣнія не извольте ѣздить на смотръ. Я обо всемъ доложу государю: посмотримъ, что онъ скажетъ».

Я ожидалъ только сентября. Но вдругъ повелѣніе, дозволяющее мнѣ быть на смотру! Сцена перемѣняется и я опять въ болшой милости.

У графа было постоянное правило—назначать день и часъ приѣзда. Я явился въ назначенное время, но, признаюсь, не безъ страха, думая, что легко могу отправиться въ новый путь, т. е., въ крѣпость. Я запасся на дорогу и бѣльемъ, и деньгами. Это удивило жену мою, непроникавшую въ мои тайны. Но пріемъ государя меня успокоилъ.

Государь самъ третей осматривалъ всѣ зданія и устройство полку графа. Это любимое было его общество. Графъ такъ искусно умѣлъ показывать, что государь видѣлъ все хорошее.

Государь Александръ не даромъ спѣшилъ окончательнымъ устройствомъ поселенія. Судьба, конечно, ему шептала: «и въѣхъ великихъ не выше обыкновеннаго смертнаго».

Графъ часто мнѣ говаривалъ: «Я не знаю, для чего государь спѣшилъ поселеніемъ и хочетъ открыть еще новое въ Ярославской губерніи. Онъ—молодъ, силенъ и твердъ въ своей волѣ; но

я старъ и не доживу до конца всѣхъ этихъ началъ. Я и теперь уже утомился этими работами. Я и старорусское поселеніе принялъ въ свою команду только потому, что оно близко и подъ рукою. Но ярославскаго ни за что не приму. Я скорѣе оставлю службу, чѣмъ возьмусь за такое дѣло, которое погребетъ 17-лѣтніе труды мои и славу творца поселеній. Я люблю видѣть все своими глазами, но какъ же мнѣ скакать въ Ярославль и Херсонъ, имѣя на шеѣ дѣла всего государства?*

Клейнмихель, упредивъ государя, осмотрѣлъ весь нашъ фронтъ, построенный изъ представлявшихся генераловъ. Я имѣлъ строевой рапортъ, но Клейнмихель не велѣлъ мнѣ подавать. Государь, подойдя къ намъ, вдругъ бросилъ первый милостивый взглядъ на меня, ожидая рапорта; но его уже не было. Потомъ сказалъ:

— «Мнѣ надобно теперь же о многомъ поговорить съ Маевскимъ».

Графъ: «Государь! я знаю, что предметъ Маевскаго займетъ васъ долго, а теперь вамъ некогда. Не угодно-ли будетъ вамъ поговорить съ нимъ, когда совсѣмъ кончится смотръ,—тогда вы можете подольше заняться съ нимъ».

Потомъ государь, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— «Хорошо, мы послѣ поговоримъ. Но теперь не мѣшаетъ сказать, Маевскій, присланные отъ тебя люди заморены. Ихъ надобно лучше содержать».

— Государь! это все поселяне. Они дѣлаютъ первый еще военный вояжъ и при томъ по водѣ. Разлука съ семействами, неизвѣстность, какой-то невольный страхъ представленія и непривычка измѣнили ихъ фізіогноміи. Впрочемъ, они живутъ посреди своихъ семействъ и изобиліе зависитъ собственно отъ нихъ; ихъ быть ничемъ не измѣняется.

Государь пошелъ во дворецъ, а графъ обратился ко мнѣ:

— «Ты у меня, кажется, и умный человекъ, а сдѣлалъ такую ошибку: государь хотѣлъ видѣть твой рапортъ, а ты его не взялъ съ собою».

Я промолчалъ, зная, что откровенность дорого бы (мнѣ) стоила.

Графъ: «Ну, какъ ты теперь обо мнѣ думаешь? Ты думалъ,

что графъ всѣхъ ѣстъ. Напротивъ, я никому зла не желаю. Ты видишь, что и государь къ тебѣ милостивъ».

— Когда я имѣлъ несчастіе заслужить гнѣвъ вашъ, я полагалъ, что я, вмѣстѣ съ вашими, потерялъ уже и всѣ милости царя. Ибо въ одномъ его благоволеніи я полагалъ и полагаю и награду мою, и все мое счастье. Но теперь, когда я вижу, что гнѣвъ вашъ былъ только гнѣвъ начальника безъ несчастныхъ послѣдствій, то я тѣмъ болѣе чту вашу милость ко мнѣ и надеюсь, что я ошибался въ моемъ мнѣніи.

Графъ: «То-то, вы всѣ такъ ошибаетесь. Вотъ Фрикенъ и другъ мнѣ, а ему достается всѣхъ болѣе. За то я его выучилъ: онъ теперь славный хозяинъ и государь его отлично жалуется».

— Фрикенъ знаетъ васъ болѣе всѣхъ насъ, и потому онъ знаетъ и то, что гнѣвъ вашъ есть дѣйствіе необходимости. И самъ съ этой минуты буду имѣть другой образъ мыслей и понятій.

Я пробылъ на смотрѣ семь дней; всякій день обѣдалъ у царя и былъ осыпаямъ милостями и участіемъ графа.....

Пока человѣку все благопріятствуетъ, тогда онъ философъ и для него все земное ничто. Я былъ у генерала Турчанинова, приглашеннаго съ намѣреніемъ видѣть поселеніе и завести новое въ Ярославлѣ. Вдругъ является фельдъегерь съ приглашеніемъ къ столу царя. Объяснивъ ему волю государя, прошелъ мимо меня, не сказавъ ни слова, хотя онъ при мнѣ прочелъ списокъ всѣхъ приглашаемыхъ. Я былъ этимъ пораженъ и думалъ — это новая буря, новый гнѣвъ. Турчаниновъ бросалъ на меня робкіе взоры и молчалъ. Я безмолвно пошелъ домой, раздѣлся и велѣлъ готовить ѣсть. Но вдругъ является тотъ же фельдъегерь и, извиняясь своею ошибкою, приглашаетъ и меня. Сердце у меня ожило. Я видѣлъ мое малодушіе, но оно было выше меня.

Едва я вошелъ во дворецъ, Дибичъ извиняется въ ошибкахъ или пропускѣ моего имени и извиняется, что я буду сидѣть за его столомъ, а не за царскимъ, ибо, по тѣснотѣ комнатъ, не могло помѣститься въ одной болѣе 10-ти человѣкъ, а государю угодно было кушать съ генералами и полковниками тѣхъ войскъ, которыя онъ смотрѣлъ... ..

Предъ выѣздомъ государя въ 3-ю карабинерную бригаду, я хотѣлъ ѣхать впередъ, но графъ меня не пустилъ. Вотъ его слова:

— «Я самъ отпустить тебя не смѣю; а если доложу государю, вѣдь онъ на тебя прогнѣвается; захочешь-ли ты рисковать такою просьбою?»

Въ Медвѣдѣ я снѣшилъ на смотръ и отъ скорости надѣлъ шляпу задомъ на передъ. Проходя мимо дворца, вижу выбѣжавшаго оттуда фельдъегеря; по словамъ его, я поправилъ шляпу, и хотя зналъ, что меня въ этомъ положеніи видѣлъ царь, однако же, благость его успокоивала меня. Я трепеталъ только одного графа, и это бы мнѣ даромъ не прошло, ежели бы только онъ узналъ: такъ онъ былъ точенъ и честолюбивъ и за своихъ даже подчиненныхъ.

Въ это время я примѣтилъ между государемъ и графомъ какую-то холодность. Графъ, проведя разъ артиллерію церемоніальнымъ маршемъ, остановилъ ее въ другой разъ безъ воли государя; но рѣшительное «я хочу!» тотчасъ было исполнено.

Въ Медвѣдѣ, во время ученія, которое ливня обливалъ дождь, государь не хотѣлъ уступать стихіямъ, и не смотря на то, что у него болѣла нога, промокъ, какъ самъ мнѣ изволилъ выразиться, до костей ¹⁾!

Давъ переодѣться царю, я, по волѣ его, явился къ нему съ мѣста ученія такъ мокръ, что съ платья моего текли цѣлые ручьи. Вотъ разговоръ:

Государь: «Я думаю, что ты очень промокъ?»

— Нѣтъ, государь. У меня промокла только одна оболочка; впрочемъ, я весь сухъ.

Государь: «Я, напротивъ, промокъ весь до костей. Теперь поговоримъ съ тобою на счетъ твоего поселенія. Вообще ходомъ его и успѣхами ты превзошелъ общее ожиданіе; можно сказать, что ты сдѣлалъ это безъ постепенностей».

— Государь! Исполняя волю вашу и дѣйствуя съ полною рѣшимостью, я сдѣлалъ только то, въ чемъ успѣлъ бы и всякій другой. Здѣсь мнѣ не трудно дѣйствовать, когда каждый мой планъ предварительно утверждается графомъ, а въ каждомъ трудномъ обстоятельстве руководствуетъ меня онъ самъ. (Надобно

¹⁾ Причины и ходъ болѣзни ноги у императора Александра I подробно изложены въ Запискахъ его доктора Д. К. Тарасова, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г., т. IV, стр. 612 и слѣдующія. Ред.

замѣтить, что графъ въ сей разъ былъ недоволенъ и оставался на дворѣ).

Государь: «Всѣ дѣлають съ большею или меньшею успѣшностью; но твоя далеко превзошла все. Тутъ, кромѣ доброй воли, нужна была большая способность, хладнокровіе и разсмотрительность, а ты всѣ сіи качества соединилъ въ одно. Но тебѣ, конечно, сказывалъ уже графъ, что у тебя есть еще нѣкоторыя маленькія неисправности (приказъ, о которомъ я говорилъ выше и о которомъ я тогда еще не зналъ). Я люблю во всемъ единообразіе, которое ты видишь въ 1-й дивизіи, и желаю, чтобы правила мои были равно исполняемы отъ Петербурга до Китая. Графъ Алексѣй Андреевичъ совершенно уже понялъ меня. Я желалъ бы, чтобы и ты столько же понялъ меня, и чтобы и у тебя было точно также, какъ и у него».

— Ваше величество! Новость моего поселенія и обширность этой машины столь многосложна, что со всѣмъ моимъ усиліемъ, я вижу самъ много еще несовершенствъ и даже погрѣшностей. Но кто имѣетъ счастье имѣть своими наставниками васъ, государь, и графа Алексѣя Андреевича, тому не трудно довершить начатое въ томъ видѣ, какой угодно видѣть вашему величеству. По крайней мѣрѣ, я усугублю все мое усердіе и, сколько достанетъ моихъ способностей, постараюсь исправить и собственно мои, и общія погрѣшности.

Государь: «Я не скажу, чтобы у тебя были погрѣшности. Но я не желалъ бы даже видѣть и подобныхъ неисправностей. Ты знаешь, что человеческое сердце всегда бываетъ загадкою. Проникать въ него, или, ближе, отклонять злоупотребленія есть дѣло самое трудное, но необходимое. По моему, вотъ лучший способъ: ты въѣзжаешь въ деревню, спроси мальчика, дѣвочку, мужчину, женщину, какъ ведутъ себя съ ними начальники, т. е., не бьютъ-ли ихъ, не притѣсняютъ, не дѣлають вымогательства?»

— Государь! Я головою отвѣчаю вамъ за всякое злоупотребленіе, ежели бы оно напало въ самомъ отдаленномъ углу моего поселенія. На этотъ счетъ приняты самыя строгія мѣры. Поселяне знаютъ уже мои правила — справедливость и безпристрастіе. Они имѣють ко мнѣ полную довѣренность и для нихъ двери мои всегда отперты. Всякій, имѣющій претензіи, долженъ получить изъ комитета билетъ съ изложеніемъ его претензіи, хотя

бы она простиралась на того самого, кто дает билетъ. По этимъ билетамъ справедливая сторона тотчасъ получаетъ удовлетвореніе; а чего я не въ силахъ рѣшить самъ, представляю графу чрезъ самого просителя, дабы онъ, слыша изустное графское — какъ окончательное рѣшеніе, — не подозрѣвалъ моихъ намѣреній и не толковалъ рѣшенія по отвлеченному понятію. Считаю, что я рѣшаю все это самопроизвольно и вопреки волѣ вашей, государь.

Государь: Все это прекрасно, хорошо; но постигать тайны, дѣлающіяся тайными или отъ страха, или отъ другаго побужденія, какъ-то: ласкъ, надеждъ, обѣщаній, потачки и т. д., нельзя лучше, какъ чрезъ лазутчиковъ.

— Государь! Наше поселеніе слишкомъ ново. И всякій, не постигая еще цѣлаго, видитъ только одну худую для него сторону. На этомъ всякій снуетъ свое мнѣніе. И, выставя все въ превратномъ видѣ, видитъ одно только свое стѣсненіе. Народъ, пріобрѣтшій къ буйной свободѣ, независимости и порокамъ, никогда ненаказывавшимся¹⁾, не можетъ равнодушно смотрѣть на благоустройство поселенія и подчиненность, которая оковываетъ дурныя его привычки. Слѣдовательно, каждый отдѣльный голосъ вводилъ бы насъ въ ошибочныя заключенія и, вмѣсто добра, увеличилъ бы зло.

Государь: Но ты не принимай этого въ буквальный смыслъ. Человѣкъ съ умомъ отдѣляетъ ложное отъ истиннаго и въ самомъ началѣ умѣетъ пресѣчь зло, прежде, нежели оно успѣетъ распространить корни свои.

— Я употреблю всѣ силы исполнить волю вашу, государь, и постараюсь оправдать свято столь священную для меня довѣренность по моему объему. У меня теперь одинъ только недостатокъ.

Государь: «А какой?»

— Письменное управленіе. Обширность предметовъ и слабое наше приготовленіе къ столь высокому назначенію, которое соединяетъ въ себѣ и дѣло офицера, и дѣло государственнаго че-

¹⁾ Поселяне раздѣлялись, до поселенія, на злобредныхъ промышленниковъ, напримѣръ: самъ украдетъ лошадь и, взявъ 25 руб., отдаетъ назадъ въ видѣ ворожей (?). Отдать въ судъ, значить, дать пищу суду, а освобожденный заплатитъ домъ и поступокъ останется ненаказаннымъ. (См. мой отчетъ). С. М.

ловѣка, и занятія хлѣбопашца. Вотъ предметъ, требующій всѣхъ напряженій и усилій. Но, судя по краткости времени и по окончанію 10—20 т. запутанныхъ дѣлъ. мы, кажется, и въ этомъ имѣемъ уже начало и успѣхъ.

Государь: «Я увѣренъ, что у тебя и эта часть пойдетъ на равнѣ съ другими. Зато *(съ чувствомъ пламеннаго восторга)* Отечество, Отечество будетъ тебѣ всегда благодарно!»

— Государь! Отечество мое, полагаю я. въ лицѣ моего государя. и когда онъ будетъ мною доволенъ, тогда я почту себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Государь: «Когда такъ, то государь твой будетъ тебѣ вѣчно, вѣчно благодаренъ».

И съ этимъ, обнявъ меня мокрого, поцѣловалъ и отпустилъ.

Вотъ послѣднія слова, вотъ послѣдніе поцѣлуи, вотъ и послѣднее обѣщаніе божественнаго Александра! Богоподобный государь! Послѣднія ласки твои и милости сладко сопровождаютъ меня на край гроба. Онѣ и теперь (28-го мая 1831 г.) служатъ мнѣ сладостнѣйшими воспоминаніями лучшихъ дней моей жизни; онѣ и теперь составляютъ бальзамъ среди горестей моихъ и несчастій, неразлучныхъ съ существованіемъ челоѣка. Вообще, всѣ, кто зналъ близко императора Александра I, единогласно соглашались, что въ нашъ вѣкъ не было ни одного смертнаго, который бы равносильно съ нимъ могъ обворозить собою. Высокое его чувство, будучи одѣто силою души и недоступнымъ другому краснорѣчіемъ, изливалось въ сладостныхъ словахъ его и обворозжающемъ голосѣ его и обращеніи. Величіе царя, такъ счастливо уживавшееся съ простотою его характера, открывало предъ нимъ сердце каждаго и приковывало къ нему невыражаемую любовь и преданность до забвенія самаго себя. Правду говорятъ, кто разъ видѣлъ вблизи милостивое его обращеніе, одному ему свойственное, кто разъ слышалъ божественный голосъ его, тотъ изъ врага долженъ былъ сдѣлаться пламеннымъ другомъ его: такъ сильно владѣлъ онъ искусствомъ очаровывать сердца и покорять ихъ своему, всегда благотворному, всегда благодѣтельному. Это намъ доказала неумолимая смерть его и непритворный плачь 50 мил. подданныхъ,—еще болѣе, плачь и соболѣзнованіе цѣлой Европы и даже другихъ частей свѣта!

IV.

Разговоръ съ Аракчеевымъ.— Зависть и подозрѣніе его по поводу кн. Шаховскаго.— Убійство Настасьи.— Болѣзнь и выздоровленіе Аракчеева.— Шпіонство и вымогательство у подчиненныхъ обвиненій начальниковъ.— Кончина императора Александра I.

1825 г.

Государь уѣхалъ изъ Медвѣдя, а графъ. оставшись со мной, началъ говорить:

Графъ: «Слышалъ-ли ты. что государь говорилъ за столомъ?»
— Нѣтъ.

Графъ: «Государь хочетъ взять сюда князя Шаховскаго съ корпусомъ и ввести въ твоё поселеніе. Богъ съ нимъ! Князь лучше меня учить, лучше понимаетъ это дѣло, нежели я. Пусть же онъ довершитъ то, что начато мною. Я уже старъ и для такой посѣбной службы не гожусь; я не могу дѣлать ничего наскоро, не обнявъ прежде всѣхъ звеньевъ машины и ея послѣдствій».

— Князь безъ вашихъ наставленій будетъ слишкомъ новъ и, конечно, по благоразумію, не возьмется за то, что будетъ выше его силъ.

Графъ: «Не возьмется! Кто не возьмется, когда захочетъ государь! Ну, онъ не захочетъ, захочетъ княгиня. А ее пожалуютъ или кавалерскою дамою, или статсъ-дамою,—вотъ воля княгини и возьметъ верхъ надъ волею князя».

— Но, со всѣмъ тѣмъ, съ одною простою волею князя и княгини дѣло безъ васъ не пойдетъ на ладъ.

Графъ: «Нѣтъ, братъ, нѣтъ! Я ужъ учить его не стану; и такъ утомился, уча даже и тебя. А когда князь пріѣдетъ, пусть онъ учится у тебя. Ты довольно уже понялъ это дѣло и можешь изъяснять ему все; а я пришлю тогда къ тебѣ фельд-егеря и передамъ тебя ему съ рукъ на руки».

— Тогда насъ двое будетъ незнающихъ. Я долженъ признаться, если вы откажетесь отъ насъ, я самъ готовъ отказаться отъ моего поста. Новость князя, нерѣшительность, неразлучная съ незнакомымъ дѣломъ, будетъ на каждомъ шагу останавливать насъ и погребетъ счастливое начало подъ несчастнымъ продолженіемъ.

Графъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Я ни за что не возьмусь за это дѣло. А ты—какъ хочешь. Вотъ я тебѣ разскажу послѣдній мой разговоръ съ государемъ. Ты видѣлъ, что государь во все время неразлучно былъ съ принцемъ Оранскимъ; слѣдовательно, я не могъ ничего съ нимъ говорить. Но коль-скоро принцъ уѣхалъ въ Петербургъ, государь взялъ меня къ себѣ въ коляску и первое слово началъ съ того:

Государь: «Графъ, я хочу сей годъ непременно ввести къ Маевскому весь гренадерскій корпусъ 2-й и 3-й дивизій. Ты вѣрно не будешь разнаго со мною мнѣнія?»

Графъ: «Остановитесь, государь, съ этимъ намѣреніемъ, если вамъ угодно, чтобъ я еще служилъ вамъ. Я не хочу потерять моей славы, которую приобрѣталъ съ такимъ усиліемъ. Маевского поселеніе еще ново, и никакъ столь скоро не можетъ принять водворяемыхъ войскъ».

(Неправда. Они могли войти еще въ началѣ 1825 г.; но графъ не хотѣлъ допускать эту мысль, боясь обнаружить неожиданный успѣхъ. Онъ даже отклонилъ государя не только видѣть старорусское поселеніе, но даже быть въ Русѣ, чего государь нетерпѣливо хотѣлъ прежде, пока онъ не отстроитъ городъ и.... своихъ успѣховъ. 2-я дивизія и вся артиллерія, вмѣстѣ со смѣною графа, перешли въ поселеніе; слѣдовательно, они могли перейти и въ 1824 г.).

Государь: «Поговори-ка ты съ Маевскимъ. не возьмется-ли онъ за сіе дѣло».

Графъ: «Если вамъ угодно, не изволите-ли поговорить сами съ Маевскимъ, а я никакъ за это дѣло не возмусь, ибо я считаю его невозможнымъ».

«Государь прекратилъ разговоръ и болѣе уже не напоминалъ до Медвѣдя. А тутъ опять весь столь проговорилъ о кн. Шаховскомъ и о твоёмъ поселеніи. Видишь-ли ты, теперь у государя съ языка не срывается кн. Шаховской. Вотъ, братъ, какова царская благодарность! Я старъ и не гожусь. Ему надо помолже и посговорчивѣе. Я давно уже чувствую слабость мою и рѣшился ѣхать за границу къ водамъ. Теперь я настоятельно попрошусь и ничто меня не остановитъ».

Эгоизмъ графа лишилъ меня блаженнѣйшихъ восторговъ. Я увѣренъ, что государь, воззрѣвъ на мое поселеніе прежде, не-

жели онъ сомкнулъ на вѣкъ глаза, подарилъ бы меня божественною своею улыбкою. А въ этомъ только я полагалъ все благо мое и все мое счастье. Но, увы! оно сокрылось отъ меня вмѣстѣ съ его смертію!

Государь съ намѣреніемъ оставилъ мѣсто начальника 2-й гренадерской дивизіи вакантнымъ, желая назначить меня шефомъ оной, не смотря на множество претендентовъ. И графъ говорилъ мнѣ объ этомъ нѣсколько разъ. Но, увы! Все будущее безнадежно; одно настоящее едва вѣрно, да и то часто не надолго.

Возвратясь въ Старую Русу, я нашелъ приказъ графа съ выисканными приказаніями, и о которыхъ, какъ думать должно, говорилъ государь. Я послалъ объясненія. Графъ доложилъ государю и государь живо чувствовалъ мою невинность и истину (см. мою переписку съ графомъ)¹⁾. Графъ, дѣлая мнѣ за то высочайшія замѣчанія, вмѣстилъ странныя двѣ мысли: 1) что онъ докладывалъ мою бумагу чрезъ начальника штаба, тогда какъ другихъ награждалъ (и слѣдственно, еслибъ не бумага, то и я былъ бы награжденъ); 2) что государь и онъ надѣются, что я заслужу мой поступокъ и при будущемъ случаѣ удостоюсь награжденія вмѣстѣ съ прочими.

Графъ при одномъ парадѣ мнѣ сказалъ:

— «Я никогда не надѣваю никакихъ украшеній тамъ, гдѣ генералы не имѣютъ лентъ. Ты, можетъ, на меня и сердиться (да по мнѣ, пожалуй, сердись, сколько хочешь) за то, что ты оскопору не имѣешь ленты. У меня такой законъ: я прежде трехъ лѣтъ никого не награждаю».

По этому закону я и получилъ табакерку, а не ленту.

Вскорѣ государь уѣхалъ въ Таганрогъ, а графъ — въ Грузино. Несчастная исторія съ его Настасьей липила его разсудка²⁾. Онъ проклиналъ свѣтъ, людей и, какъ увѣряютъ, осквернялъ уста свои богохуленіемъ; отказался отъ всѣхъ должностей и, бѣгая съ окровавленнымъ платкомъ и отрубленными пальцами Настасьи, скрывался отъ всѣхъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Время,

¹⁾ Переписка эта напечатана нами въ отдѣльной книгѣ: «Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія». Спб. 1872 г. стр. 252—308. Ред.

²⁾ Убіеніе Настасьи, любовницы гр. Аракчеева, подробно разсказано по подлинному дѣлу въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г., т. IV, стр. 262—294. Ред.

разсудокъ и увѣщанія извѣстнаго архимандрита Фотія возвратили его къ себѣ. Онъ открылъ процессъ и запуталъ въ него множество людей ¹⁾.

Этотъ переворотъ удивилъ всю Россію, а особенно меня. которому графъ, за нѣсколько недѣль до сего печальнаго происшествія, говорилъ:

— «Я вижу, что Богъ меня любитъ. Я не знаю еще случая, который бы огорчилъ меня. Даже мое Грузино и мой садъ минутно приводятъ меня въ восхищеніе».

Изъ этого можно вывести общее заключеніе, что человѣкъ прежде смерти не можетъ похвалиться своимъ счастьемъ.

Наконецъ графъ выздоровѣлъ, вступилъ въ отправленіе должностей и принялся за Русу. Онъ постепенно сталъ вызывать къ себѣ, начиная съ младшаго. Тутъ услужливость, желая выказаться съ беспорядками, и на меня представила сотни нелѣпостей. Графъ требуетъ меня: меня представляютъ съ пышными церемоніями. Я говорю Клейнмихелю:

— Ежели государь удостоилъ меня этихъ эполетовъ, то я требую и уваженія, равнаго посту и достоинству: иначе, я предпочту извѣстность—неизвѣстности.

Клейнмихель пересказалъ это графу и меня потребовали къ нему.

Графъ: «Во время несчастной моей болѣзни, я множество видѣлъ вездѣ беспорядковъ, а особенно у тебя. Ну, ежели бы я умеръ, или васъ вовсе оставилъ,—что я скоро и сдѣлаю,—тогда вы въ годъ опрокинете все вверхъ дномъ и погребете 17-лѣтніе труды мои и славу подъ развалинами своенравныхъ распоряженій. На тебя жалуются Эйлеръ, что ты его не слушаешь, а Н. и А., что ты ихъ притѣсняешь. Подай, Петръ Андреевичъ, ихъ жалобы».

— Эйлеръ можетъ повелѣвать мною, какъ начальникъ, заступивши только ваше мѣсто, но не оскорблять упреками въ незнаніи военнаго дѣла: онъ не долженъ.

.....

¹⁾ Пять строкъ затерты чернилами. Изъ вышедшихъ и оставшихся словъ можно заключить, что авторъ описывалъ звѣрство изслѣдованія этого дѣла.

Графъ: «По этому онъ пишетъ вздоръ: замѣть это ему, Петръ Андреевичъ, да хорошенько».

— А. жалуется, что я затрудняю его вычисленіемъ возки камня. Ваше сіятельство, удостойте взглянуть на карту, вы увидите, что радіусы, проведенные къ центру, сокращаютъ мѣсяцемъ перевозку.

Графъ: «Да, вѣдь, онъ дуракъ, гдѣ же ему понять геометрическія выкладки. Онъ хоть и артиллеристъ, но учился на мѣдныхъ деньги, а тебя Богъ одарилъ умомъ и познаніями. Ты скажешь: зачѣмъ я далъ тебѣ дурака? А я стану отвѣчать: гдѣ же мнѣ взять умныхъ? Я за лубочный его домикъ далъ ему 8 т. руб., чтобы только онъ взялъ на себя эту должность. Петръ Андреевичъ напиши и этому выговоръ и скажи, чтобы онъ лучше понималъ то, что ему, сообразно съ пользою, предписываютъ».

— Н. жалуется, что я хотѣлъ арестовать его офицера. Я и дѣйствительно это сдѣлалъ за то, что онъ имѣлъ дерзость носить усы, когда они ему не позволены. Вы сами взыскали бы за это строго съ меня и назвали бы слабымъ, ничтожнымъ начальникомъ.

Графъ: «И хорошо сдѣлалъ; да написалъ бы еще ко мнѣ; я бы посадилъ его въ Петропавловскую крѣпость и доложилъ государю. Впрочемъ, я тебѣ скажу, что я и самъ побранилъ Н. и велѣлъ просить у тебя прощенія».

— Ваше сіятельство! посудите о моемъ положеніи: вы вызываете меня послѣдняго, всякій говорить: его зовутъ для головомытья. Потерявъ этимъ уваженіе въ глазахъ подчиненныхъ, я уже не могу быть полезнымъ службѣ. Приказывать и знать, что мои приказанія отмѣняются непосредственно вашими,—это такое чувство, котораго я побѣдить не умѣю. Вы взыщите съ меня, но не давайте приза моимъ подчиненнымъ, изъ которыхъ каждый, гордясь непосредственнымъ сношеніемъ съ вами, забудетъ, что у него есть ближайшій начальникъ. Какъ бы иначе смѣлъ А. представить вамъ мое предписаніе въ видѣ разрушающаго порядка, когда вы сами изволите находить, что предписаніе это составляетъ главную пользу. Я не виноватъ, что онъ не умѣетъ понять выгодъ. Но ему ближе спросить меня, чѣмъ затруднять васъ. Я долженъ признаться, ваше сіятельство, что меня ничто болѣе уже не льститъ. Я хотѣлъ исполнить святую волю государя и за-

служить его одобрение; у меня нѣтъ и не было другихъ видовъ, кромѣ одного, чтобы угодить обожаемому мною государю, которому я обязанъ всѣмъ моимъ счастьемъ.

Графъ: «Ну, ежели ты такой святой, что ничего не хочешь (чему я, однако, не вѣрю), то не пріятно-ли тебѣ будетъ, когда государь лично скажетъ тебѣ: «спасибо»? Спроси у П. А., мы всегда хвалимъ твое поселеніе. И я напередъ увѣренъ, что имъ и государь будетъ очень доволенъ. (Это было 23-го ноября 1825 г., и графъ о болѣзни государя ничего не зналъ)

— Я все мое счастье полагаю въ томъ, чтобы государь взглянулъ на мое поселеніе и въ душѣ сказалъ: «Маевскій оправдалъ мою довѣренность. Но...».

Графъ: «Но! Но клянусь тебѣ моимъ Богомъ, что я о тебѣ ничего дурнаго не говорилъ; а напротивъ, вездѣ поддерживаю уваженіе къ тебѣ. Покажи мнѣ того, кто тебѣ это сказывалъ, ты посмотришь, что я съ нимъ сдѣлаю. Но если это сплетня Ж., такъ это совсѣмъ другое дѣло. Я знаю, что это происходитъ отъ А.; но она и здѣсь гонима была за свои сплетни».

Послѣ обнявъ меня и поцѣловалъ.

Графъ: «Ну, намъ нужно теперь многое еще дѣлать! Я скоро приплю за тобой фельдъегеря. Вотъ какъ непостоянно человѣческое счастье! Давно-ли я считалъ себя счастливейшимъ? А не зналъ того, что меня окружаютъ 40 разбойниковъ съ готовыми противъ меня кинжалами. Теперь они всѣ идутъ подъ кнутъ.»

Раставшись съ графомъ я черезъ 5—6 дней, получаю повелѣніе съ фельдъегеремъ. Разсматривая конвертъ съ черною печатью, спрашиваю у фельдъегеря: «что это значить?» Онъ отвѣчаетъ: «не знаю». Полагая, что графъ слишкомъ далъ свободу горестному своему чувству, ознаменовывая его въ дѣлахъ службы печатью своей скорби,—но едва я коснулся ее, фельдъегерь съ рыданіемъ произнесъ:

«Александръ, отецъ нашъ, приказалъ долго жить».

Не вѣря еще словамъ. я трепетно пробѣжалъ роковую бумагу... и, увы! вижу, что, дѣйствительно, нѣтъ уже на свѣтѣ лучшаго изъ смертныхъ—государя, украшавшаго вѣкъ нашъ и озарявшаго оный своими добродѣтелями. Черезъ 10 минутъ, вопль народа и рыданіе наполнили эхомъ цѣлый городъ и казармы. Я думалъ, что я не переживу этого несчастія, тѣмъ болѣе, что

скорбь объ одномъ, при радости о другомъ, невѣстна была съ приличіемъ начальника.

На другой день войска и городъ присягнули Константину. Солдаты были въ восторгѣ, а поселяне—въ восхищеніи: первые, по слуху, обожали Константина, а вторые—надѣялись возвратить свою свободу.

V.

Присяга Николаю Павловичу.—Въ Петербургѣ.—Паденіе временщика.—Представленіе государю.—Переписка императора Александра Павловича съ Аракчеевымъ.—Увольненіе Аракчеева за границу.—Императоръ Николай осматриваетъ военныя поселенія.—Двухъ годичный отчетъ.

1826 г.

Междуцарствіе Россіи съ 19-го ноября по 14-е декабря всѣмъ извѣстно. 15-го декабря я получилъ повелѣніе о восшествіи на престолъ Николая. Чтобы не подать причины къ толкамъ, я, подъ видомъ парада, собралъ войска, объявилъ перемѣну—и всѣ съ благоговѣніемъ присягнули. Къ чести поселенія и вопреки общихъ толковъ, спокойствіе и повиновеніе ни на минуту не нарушались, хотя въ сосѣднихъ деревняхъ показывались безпорядки. Не зная, что дѣлалось, я схватилъ перо и написалъ въ старомъ моемъ журналѣ: «Злобные министры! Перестаньте обманывать царя, чтобъ только быть необходимыми. Вотъ 24 дня, а мы имѣемъ третьяго уже монарха! Любовь къ престолу и династіи доказывается нашею вѣрностью и преданностью къ царствующему дому. Ты, образованный Петербургъ, вмѣстѣ лище цѣлаго міра, и ты гордая феодальная Москва, покорностью своею показали самый лучший примѣръ Россіи.»

Но чрезъ три-четыре дня я услышалъ совсѣмъ противное. Герои 14-го декабря осмѣлились возмечтать о перемѣнѣ лица Россіи. Безразсудные! Неужели вы думали, что мы не пройдемъ по трупамъ вашимъ и не возстановимъ любезнаго намъ порядка и брата того, кто цѣною благостей приковалъ къ себѣ наше сердце! Но тотъ, кто хорошо чувствуетъ, никогда не подозреваетъ другихъ въ злодѣйствѣ. Я радъ моей ошибкѣ и всегда готовъ таеъ ошибаться.

Въ январѣ 1826 г. я пріѣхалъ въ Петербургъ въ ту самую минуту, когда войска поселеннаго корпуса стояли въ парадѣ, ожидая царя для полученія и относа мундира императора Але-

ксандра. Всѣ были въ глубокомъ траурѣ; я одинъ явился къ графу въ полномъ парадѣ. Графъ принялъ меня съ отеческою заботливостью, но сказалъ:

— «Напрасно ты не далъ мнѣ знать прежде о своемъ приѣздѣ; по крайней мѣрѣ, прислалъ бы ко мнѣ своего адъютанта: я сказалъ бы тебѣ, въ какой быть формѣ. А въ этой я принять не могу. Ты видишь общій предметъ нашей горести».

Я бросился въ карету и тамъ же переодѣлся. Этой легкости выучила меня нужда. Я, приѣзжая въ Петербургъ, долженъ былъ въ одно утро переодѣваться 3—4 раза, судя потому, что какъ принимаетъ. Гдѣ же всякій разъ скакать на квартиру!

Парадъ кончился. Государь сказалъ рѣчь и вручилъ войску мундиръ покойнаго государя. Оно отправило панихиду по покойномъ и пошло на свои квартиры. Смѣшеніе чувствъ, надеждъ и т. д., дѣлало это время совершенно противоположнымъ прежнимъ. Конечно, каждая неожиданная переменѣ измѣняетъ лицо цѣлаго и твердитъ пословицу: «такъ на свѣтѣ все превратно!»

Вечеромъ я явился къ графу и вниманіе его ко мнѣ еще болѣе удвоилось. Онъ зналъ чистую и глубокую преданность мою къ императору Александру, и потеря сего великаго монарха еще болѣе связала наши чувства. На другой день, въ пятницу, онъ былъ съ докладомъ у государя и испросилъ мнѣ высочайшую аудіенцію—знакъ особаго его вниманія и милости государя. Милость эта тѣмъ сугубѣе была велика, что я одинъ изъ всѣхъ, удостоился этой чести.

Въ субботу, въ 12 часовъ, я имѣлъ счастье представляться государю послѣ саксонскаго посланника. Отеческій приѣмъ царя увеличилъ мое счастье и удвоилъ мою преданность.

На другой день я благодарилъ графа за доставленіе мнѣ случая видѣть вблизи государя. Онъ разсматривалъ уланъ, присланныхъ отъ Коровкина и Витта. Сохраняя прежній тонъ, онъ диктовалъ свою строгость въ передачѣ приказаній. Потомъ, введя меня въ кабинетъ, началъ говорить:

— «Пока я служу, я не перемѣню моихъ правилъ; да и тебѣ тоже совѣтую. У васъ, конечно, теперь толки: графъ упалъ въ милости царя. Ну, можно его теперь и не слушать. Нѣтъ, я этого не допущу прежде моей смерти. И пока я буду управлять, я все буду тотъ же графъ Аракчеевъ. Но когда не буду

служить, приди кто хочешь—хотя бы и ты—и брани меня подъ окномъ, я не скажу ни слова; а кто придетъ ко мнѣ на дворъ, того попрошу вонъ, а если не послушаетъ—пошлю за полиціей. (Это былъ голосъ павшаго вельможи, котораго одинъ взоръ, даже одно имя приводило въ трепетъ всю Россію!). Вотъ расскажи это всѣмъ и внуши, что графъ не упалъ и что ему должно по прежнему повиноваться. Конечно, я ужъ старъ и слабъ—никуда теперь не похужу. Я скоро ѣду за границу: годъ меня не будетъ—и тогда посмотримъ, что будетъ съ вами и со всѣмъ вашимъ поселеніемъ. Я ничего не хочу и всѣмъ доволенъ; моя драгоценность—вотъ эти письма (подастъ мнѣ цѣлую связку собственноручныхъ писемъ императора Александра). Читай, ты увидишь, что это писалъ не Д. (т. е., не Дибичъ?), а самъ государь. Цари не имѣютъ такихъ писемъ. Я ихъ напечатаю и покажу цѣлому свѣту».

Я, изъ скромности, хотѣлъ только пробѣжать; но графъ заставилъ меня прочитать всѣ.

— Конечно, сказалъ я, ни одинъ подданный не излілъ бы на бумагѣ столь высоко и столь искренно чувствъ своего государя, какъ самъ государь. Это языкъ и чувство боговъ, а не человѣка.

Графъ, принимая отъ меня письма, сказалъ:

— «А теперь онъ несчастливъ, я несчастливъ—мы оба несчастливы».

И, поцѣловавъ ихъ съ горестнымъ чувствомъ, положилъ въ комодъ.

Одинъ домъ графа клалъ уже тяжелую грусть на человѣка. Прежде въ немъ заключалась служба Россіи, а можетъ и Европы. Каждая стѣна говорила о памятникахъ великихъ происшествій. Теперь все пусто, и кромѣ литографскихъ камней, не видно было ни одного стола, съ котораго прежде рассыпались перуны собственного его ватикана. Теперь все еще больше въ немъ опустѣло и грустное чувство скоротечнаго счастья доказываетъ только ничтожность нашего счастья.

Когда я откланивался графу, онъ съ удивленіемъ спросилъ меня:

— «Неужели ужъ ты ѣдешь? Поэтому ты не такъ, какъ другіе, не ищешь и не даешь пылныхъ обѣдовъ, и не составляешь себѣ новыхъ партій».

Это произнесъ онъ съ горькимъ тономъ противъ тѣхъ, кои наканунѣ почти ползали подлѣ него и теперь оставили.

Въ апрѣлѣ, кажется, графъ уѣхалъ за границу. Клейнмихель заступилъ его мѣсто. Все шло хорошо и пріятно. . . .

Графъ, прощаясь со мною письмомъ, излилъ жолчь противъ князя Шаховскаго и за тайну сообщилъ мнѣ копію собственноручнаго письма покойнаго государя (см. переписку съ графомъ) ¹⁾.

Предъ коронаціей царствующій государь (Николай) осматривалъ 1-ю гренадерскую дивизію, куда и я приглашенъ былъ по высочайшей волѣ. Здѣсь я, вмѣстѣ съ прочими, имѣлъ счастье представляться ихъ величествамъ и допущенъ былъ къ поцѣлюю руки государыни. На другой день приглашенъ къ царскому столу, и среди общаго разговора, государь сказалъ мнѣ:

— «Маевскій, ты очень скоро посѣдѣлъ».

— Лѣта и время, государь, отвѣчалъ я.

— «Ну, вотъ и у меня», показывая рѣдкіе волосы сзади головы, сказалъ государь. «Это для меня ново; по крайней мѣрѣ, я этого прежде не видалъ».

Къ этому разговору Васильчиковъ сказалъ:

— «Государь! Маевскій обязанъ мнѣ военнымъ своимъ постомъ. Подъ Бородинымъ онъ не былъ еще военнымъ, но вмѣстѣ со мною собиралъ разбитыя части войскъ и дрался съ ними, какъ храбрѣйшій и отличнѣйшій офицеръ».

Это обратило вниманіе всѣхъ и сорвало признательную улыбку

Во время парада государь подозвалъ меня къ себѣ, сказавъ:

— «Маевскій, я надѣюсь тоже и у тебя видѣть. Не хочу, чтобы твои лучше были этихъ: здѣшніе отличны».

Я: Государь! Старорусское поселеніе благословлять будетъ тотъ день, въ который вы удостоите его своего лицезрѣнія. Оно съ нетерпѣніемъ ожидаетъ этого счастья.

Государь: «Теперь мнѣ некогда; но чуть выберу время, я буду и у тебя».

¹⁾ См. въ книгѣ, нами изданной: «Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія», Сиб., 1872 г., стр. 303—307. Письмо гр. Аракчеева, при которомъ онъ прислалъ упоминаемую копію, воспроизведено фото-литографически въ нашемъ-же и Ѳ. К. Опочинина роскошномъ изданіи: «Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей». Сиб., 1873 г., см. листъ 13, № 46.

Государь поѣхалъ въ Москву, а Клейнмихель приѣхалъ въ Старую Русу. Не ожидая прибытія царя, онъ всѣхъ солдатъ обратилъ въ работы. Вдругъ получается курьеръ, что государь будетъ въ Русу. Десять дней осталось для того, чтобы ихъ одѣть по новой формѣ и притотовить. Короткое это время не дозволило мнѣ представить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ должно представить фронтъ знатоку этого дѣла — государю. Притомъ, независимо отъ меня, были отступленія отъ новыхъ правилъ. Государь былъ недоволенъ и

Совсѣмъ тѣмъ, по моему представленію, удостоилъ награды до 40 особъ. Къ этой неудачѣ присоединились сотни людей, просившихъ о восстановленіи ихъ въ первобытное состояніе. Все это не могло не огорчить царя — и жребій мой, кажется, рѣшонъ съ этой минуты. Однако-жъ, за столомъ государь былъ ко мнѣ милостивъ и удостоилъ меня разговоромъ. Просьбы въ послѣдствіи рассмотрѣны и ни одной изъ нихъ лично на меня не было, кромѣ К. П., котораго я представлялъ въ переводу, но котораго графъ выключилъ.

Въ концѣ года государь издалъ благотѣльное преобразование военнаго поселенія. Я въ 4 мѣсяца изъ 12-ти округовъ сформировалъ 6 кадровыхъ дивизій. Но труды эти, имѣвшіе свое достоинство, остались безъ вниманія.

Въ это время случилось странное происшествіе. Шотландцы носили нѣкогда панталоны на ружьяхъ; мои поселяне притащили на себѣ всю свою аммуницію и бросили ее баталіонному командиру. Я донесъ по командѣ, и Клейнмихель прискакалъ для усмиренія. Онъ хотѣлъ подвинуть баталіоны; но, по совѣту моему, кончилъ выпискою шалуновъ въ армію.

Желая сколько возможно ближе передать потомству мысль и намѣренія великаго преобразователя военныхъ поселеній, я, по общему порядку, написалъ отчетъ за два года. Отчетъ этотъ утвержденъ Клейнмихелемъ и напечатанъ; но, надѣлавъ много шуму, надѣлалъ мнѣ много горькихъ непріятностей.

Отъ редакціи. На этомъ мѣстѣ мы прерываемъ рассказъ С. И. Маевского: приведенныя выше главы второй части его записокъ написаны, какъ видно изъ помѣтки автора на поляхъ, въ теченіи времени съ 6-го по 29-е мая 1831 г. въ его имѣніи Александровскомъ. Верхнедѣховскаго уѣзда.

Екатериновской губерніи, гдѣ составлена и первая часть этихъ Воспоминаній.

Служба въ военномъ поселеніи, причинивъ много горя и тревоженій самыхъ тяжелыхъ генералу Маевскому, награждена была, въ 1825 г., табакеркою съ вензелевымъ изображеніемъ Александра I и выдачею 3 т. рублей. Съ паденіемъ Аракчеева измѣнилась и судьба начальника Старорусскаго военного поселенія: онъ былъ перемѣщенъ съ своего поста и сдѣланъ, окружнымъ командиромъ 24-хъ баталіоновъ и 1-й артил. роты въ Елисаветградѣ: отсюда переведенъ въ Крымъ, затѣмъ назначенъ председателемъ Комиссіи въ Балту, и, наконецъ, вызванъ во 2-ю армію. Частые переходы, смерть жены и двоихъ дѣтей, попеченія объ остальныхъ троихъ—довершили, пишетъ Маевскій: «мои несчастія, которыя я считаю силою почти пять лѣтъ». 16-го октября 1829 г. С. М. Маевскій женился, въ С.-Петербургѣ, во второй разъ, именно: на дочери генералъ-лейтенанта Дмитрія Михайловича Буткевича—Любови Александровнѣ (отъ третьяго брака) и, взявъ продолжительный отпускъ, поселился въ селѣ Александровскомъ, гдѣ и писалъ свои Воспоминанія, уже извѣстныя читателю. Опуская разсказъ С. И. Маевского о событіяхъ въ его жизни съ 1826 по 1831 годъ включительно, какъ неимѣющей общаго интереса, мы заканчиваемъ его Записки біографіей Аракчеева, имъ самимъ устно изложенной въ частыхъ бесѣдахъ съ Маевскимъ и спмъ послѣднимъ внесенной въ Записки, въ видѣ особой выжеслѣдующей главы. Ред.

VI.

Исторія графа Аракчеева изъ собственныхъ его словъ, сообщенныхъ въ теченіи всего нашего знакомства.

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ—сынъ отставнаго маіора, человѣка бѣднаго, но строгаго. Мать его происходила изъ небогатыхъ дворянокъ и замѣняла у отца и ключницу, и кухарку. Графъ часто говаривалъ, что она, по мановенію отца его, а ея мужа, должна была, не разбирая времени, бѣгать сама въ отдаленный погребъ и приносить сама все, чего бы ни потребовалъ мужъ.

Когда графу совершилось 7 лѣтъ, отецъ привезъ его въ Петербургъ, чтобы отдать въ корпусъ. По тогдашнему порядку вещей, должно было новиціанту или принимаемому кадету имѣть собственный свой фракъ, стоявшій не болѣе 7-ми рублей. Но фрака этого отецъ графа сдѣлать былъ не въ состояніи (такъ-то деньги тогда были рѣдки!). Итакъ, отецъ графа, не смотря на всѣ слезы сына, готовъ уже былъ взять послѣдняго назадъ въ деревню и предоставить судьбу его жребію обыкновеннаго хода. Но, бывъ убѣжденъ отчаяніемъ и слезами сына, которому, видно, не совсѣмъ сладко было при отцѣ, рѣшился прибѣгнуть еще къ послѣднему способу. Вотъ онъ: С.-петербургскій митрополитъ,

имѣя правиломъ всякую субботу раздавать бѣднымъ нѣкоторую часть денегъ, питалъ въ отцѣ послѣднюю надежду: не поможетъ-ли онъ ему, услыша нужду, отъ которой зависѣло счастье молодого человѣка. Итакъ, въ назначенный день, отецъ съ сыномъ пошли къ митрополиту и ожидали его выхода. Графъ говоритъ (автору):

— «Я и теперь помню еще эту ступеньку, на которой, среди другихъ нищихъ, заняли мы свое мѣсто».

Митрополитъ вышелъ, обошелъ всѣхъ и дошелъ до Аракчеевыхъ. Видъ майорскаго мундира сдѣлалъ на него впечатлѣніе и онъ (не) равнодушно выслушалъ виды старика Аракчеева. Но потому-ли, что и для митрополита 7 руб. составляли большую сумму, или потому, что онъ въ раздачѣ милостыни не хотѣлъ отступать отъ своихъ расчетовъ,—онъ далъ Аракчеевымъ 150 коп., а въ остальной суммѣ извинился собственными недостатками.

Потерявъ послѣднюю надежду, Аракчеевы собрались совсѣмъ уже ѣхать домой. Но, желая на прощанье посѣтить нѣкую свою знакомую (Гурьеву), безъ всякихъ видовъ или, больше, посреди разговоровъ, рассказали ей и цѣль пріѣзда, и цѣль отъѣзда. Она была богата и издержки въ 7 руб. приняла на себя. Вотъ кто положилъ начало счастью героя моей исторіи. За то графъ по гробъ питалъ благодарность къ ней и оказалъ большія услуги сыну ея—горбылю Гурьеву.

Въ ученіи графъ былъ неутомимъ. Но какъ метода тогдашнихъ наукъ оканчивалась на томъ, съ чего нынѣ она начинается, то графъ зналъ первыя четыре правила арифметики, нѣсколько алгебры, математики и часть слабую артиллеріи. Совсѣмъ тѣмъ. Трудолюбивъ, точною и исправною онъ превосходилъ другихъ, хотя вовсе не зналъ словесности и не умѣлъ написать орфографически двухъ-трехъ словъ¹⁾. Товарищи ненавидѣли его за мрачный и уединенный характеръ, и не было дня, чтобы они его ни били и чтобы онъ ни орошалъ слезами бѣдной подушки. Но старшіе любили его и ставили въ образецъ другимъ; а этого и довольно (было), чтобы въ немъ (видѣть) виноватаго и бить. Когда онъ вошелъ въ корпусные офицеры, то Милисино, директоръ

¹⁾ См. его письма ко мнѣ.

корпуса, отличалъ его предъ всѣми и удостоилъ довѣренности быть учителемъ его дѣтей. Онъ сблизилъ его съ собою и сдѣлалъ почти домашнимъ своимъ человѣкомъ. Когда Павлу I желалось имѣть лучшаго артиллерійскаго офицера, который бы умѣлъ составить металлъ орудій, то Милисино послалъ Апрѣлева и Аракчеева. Послѣдняго Павелъ предпочелъ первому и съ этой минуты продолжалось 30-ти-лѣтнее его счастье. Вотъ собственный разсказъ графа:

«Я сдѣлался комендантомъ Гатчины, и всякій день долженъ былъ быть въ парадѣ, въ разводѣ и на ученіи. У меня былъ одинъ мундиръ и одни лосиновые панталоны. Въ ночь сниму я ихъ съ себя, выбѣлю и поутру рано мокрые надѣваю опять. Лѣтомъ это было сносно; но зимою доходило почти до слезъ, когда панталоны примерзали къ тѣлу и жестокий холодъ проникалъ въ нервы мои. Всякій день обѣдалъ я у Павла, но на ужинъ получалъ два блюда, которыя приносились въ мою комнату. Итакъ, и здѣсь все богатство мое заключалось въ одномъ жалованьи, которымъ я помогалъ родителямъ. Отецъ мой часто твердилъ мнѣ: «Алеша, ты дослужись до майора и выйди въ отставку съ пенсіономъ,—тогда мы всѣ будемъ счастливы. Но чтобы онъ сказалъ теперь, увидѣвъ меня въ нынѣшнемъ моемъ состояніи?»

«Всякую зиму Павелъ оставлялъ Гатчину, чтобы проводить сіе время съ матерью въ столицѣ. Тогда мнѣ шли порціонныя деньги. Съ моею бережливостью накопилъ я около 3,000 руб., и считалъ себя богатѣйшимъ и счастливейшимъ въ мірѣ! Съ сею суммою вошелъ я въ генералы, и теперь видишь, какъ я приобрѣлъ все трудами и милостями моего государя, котораго я боготворю и до сихъ поръ.

«Съ нынѣшнимъ государемъ (Александромъ) знакомъ я съ 1794 г. Вотъ его первое ко мнѣ письмо, и съ тѣхъ поръ я служу ему душою, такъ же, какъ и его, отцу. Мнѣ ничего не надобно: все мое желаніе—угодить государю. Я расскажу тебѣ два пассажа, по которымъ ты можешь судить, какъ мнѣ бываетъ прискорбно, когда я и видомъ даже заслужу гнѣвъ государя. Въ одинъ день работалъ я съ государемъ въ кабинетѣ и не знаю какъ-то замаралъ носъ. (Ты знаешь, что государь не любитъ табашниковъ). Государь, увидя это, говоритъ мнѣ:

— «Графъ! Нынче и ты нюхаешь табакъ?»

«Мнѣ такъ было стыдно, что я появлялся быть впередъ остро-роженіе. Въ другой разъ докладывалъ я рапортъ П. В. о понтонахъ. Новость вещи и слова ввела меня въ ошибку. Государь это замѣтилъ и вывелъ меня изъ затрудненія. Я въ другой разъ поклялся, прежде чѣмъ говорить о вещахъ, надо узнать въ подробности всю ихъ сущность».

Въ веселомъ расположеніи духа, графъ говорилъ мнѣ одинъ разъ:

«Послѣ кампаніи (2) государь возвращается въ Петербургъ. Всякій рисовалъ собственныя свои надежды. Я, напротивъ, считалъ себя счастливымъ и тѣмъ, ежели государь, среди многихъ отличившихся въ войнѣ, вспомнить хоть издалека меня. (Графу среди боеваго пыла было хуже, чѣмъ среди бумажнаго). На другой день, довольно еще рано, слышу я вѣстовой колокольчикъ, которымъ швейцаръ извѣщаетъ о приѣздѣ государя. Я поспѣшилъ одѣться и встрѣтить государя. Государь меня обнялъ, расцѣловалъ и просилъ поспѣшить приѣздомъ къ нему. Я явился въ кабинетъ государя и снова былъ счастливъ его ласками и милостію. Но вижу, что государь что-то беспокоится, чего-то ищетъ на столѣ и между бумагъ. Наконецъ, онъ нашелъ и подаль мнѣ бумагу. Я читаю и вижу, что мать моя жалуется въ статсъ-дамы! Я бросился на колѣни и умолялъ государя отмѣнить сію милость. Мать моя не рождена для двора и милость сія, вывода ее изъ неизвѣстности, уронила (бы) насъ обоихъ. Государь долго не соглашался, говоря: «я не знаю, графъ, чѣмъ другимъ тебя награждать». Но, наконецъ, убѣдился моею просьбою и согласился милость сію отмѣнить. Женщины всѣ честолюбивы. Мать моя не знала до гроба о сей милости. Но ежели бы узнала, она и за гробомъ не простила бы этого мнѣ».

Паденіе графа при Павлѣ I. (Слова товарища его, корпуснаго офицера Ѳедорова).

Графъ, бывши корпуснымъ офицеромъ, считался и учителемъ классовъ артиллеріи и фортификаціи; но никогда не училъ, кромѣ дѣтей Милисина и нѣкоторыхъ другихъ. Когда онъ былъ с.-петербургскимъ комендантомъ, то имѣлъ небольшой бостонный свой кругъ. Въ одно время, когда лейбъ-егерскій полкъ работалъ въ артиллерійскомъ арсеналѣ, пропало уничтоженное знамя. Графъ, надѣясь его найти, не донесъ Павлу; а Паленъ съ Ку-

тайсовымъ, ненавидя графа, извѣстили о томъ подъ рукою государя. Графъ всякій день входилъ безъ доклада къ государю. Но въ сей разъ, когда хотѣлъ войти, Кутайсовъ взялъ его за руку и вывелъ вонъ, объявля, что государь запретилъ его впускать къ себѣ. Графъ отправился въ свое Грузино и жилъ тамъ до восшествія на престолъ государя Александра ¹⁾).

Портретъ С. И. Маевского.

При послѣднихъ главахъ Записокъ генераль-лейтенанта С. И. Маевского. согласно желанію его сына Николая Сергѣевича, приложенъ портретъ автора «Моего Вѣка», изданный нами на издѣіе Н. С. Маевского.

Для этого изданія мы получили отъ Н. С. два портрета его родителя: одинъ миниатюрный, относящійся къ 1824 г., другой—большой, поясной портретъ, писанный красками на полотнѣ, «въ городѣ Глуховѣ, въ 1837 г., П. Васильковымъ»—такъ значится на самомъ портретѣ.

Н. С. предоставилъ намъ выборъ оригинала и мы остановились на послѣднемъ, такъ какъ при всемъ несовершенствѣ кисти, его писавшей, нельзя не замѣтить, что портретъ этотъ лучше перваго, да притомъ въ большихъ размѣрахъ передаетъ типическія черты доблестнаго участника «Шестнадцати кампаній и ста сраженій» и энергическаго исполнителя предначертаній Александра I и Аракчеева по устройству и управленію военныхъ поселеній.

Прилагаемая гравюра Академика Л. А. Сѣрякова, по рисунку художника В. С. Шпака, въ совершенной точности передаетъ подлинный портретъ генерала съ тою самою воинственною обстановкою, которою художнику Василькову, писавшему портретъ съ натуры, вздумалось обставить свое произведеніе, — что сдѣлано, весьма вѣроятно, помимо желанія С. И. Маевского.

Лишь генерала изображенъ въ дыму и заревѣ сраженія, которое кипитъ на заднемъ планѣ картины; въ правой рукѣ его шпага, а лѣвою—опирается на колонну съ надписями: «Бородин.—Краон.—Париж.»—«Миръ съ Турціей 1829 г.»—«16 кампаній.—Сто сраженій».

Мы сохранили всю эту обстановку—какъ довольно характерную и вполне напоминающую манеру прежняго времени писать портреты сподвижниковъ великой отечественной борьбы 1812—1814 гг. Въ самомъ дѣлѣ, въ извѣстной галлерей сподвижниковъ Александра I—весьма многіе генералы изображены въ воинственно-героическихъ позахъ: то съ воздѣтыми горѣ очами, то съ рукою на ефесѣ шпаги, то съ полуобнаженнымъ мечемъ, то съ рукою, указывающей войскамъ куда направить атаку, то съ поднятымъ знаменемъ и т. п. Такимъ образомъ художникъ, писавшій въ 1837 г. портретъ С. И. Маевского, платилъ лишь дань обычаю своего времени. Считаемъ, однако, необходимымъ оговорить, что Николай Сергѣевичъ выразилъ желаніе при изданіи портрета «натурализировать положеніе, уничтожить шпагу и геройскую позу», но, къ сожалѣнію, заявленіе его желанія получено лишь 21-го октября, когда гравюра была совершенно выполнена.

Ред.

¹⁾ Другой рассказъ о причинѣ немилости императора Павла I къ Аракчееву напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г., т. III, стр. 241; онъ нѣсколько разнится, по своимъ подробностямъ, отъ приведеннаго рассказа Федорова и принадлежитъ покойному московскому генералъ-губернатору Тучкову. С. И. Маевскій скончался въ отставку, въ 1848 году.

Ред.